

Е.В. Алексеева

*Европейская
культура*

*в имперской
России*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

Алексеева Е.В.

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА
В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ:
ПРОНИКНОВЕНИЕ,
РАСПРОСТРАНЕНИЕ, СИНТЕЗ**

Екатеринбург, 2006

УДК 008
ББК 71
А47

Алексеева Е.В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез: Монография. – Екатеринбург: УрГИ. 2006. – 263 с.

ISBN 5-93053-098-X

Ответственный редактор:

д.и.н., профессор

Денисевич М.Н.

Рецензенты:

д.и.н., профессор *Трофимов А.В.*

к.и.н. *Побережников И.В.*

Рекомендовано к изданию:

Ученым советом Института истории и археологии УрО РАН
Кафедры истории и философии Уральского гуманитарного института

Исследование выполнено при поддержке:

РГНФ-Урал (проект №04-01-83117 а/У);

Программы Президента РФ по поддержке ведущих научных школ
(проект №НШ-7455.2006.6)

Монография посвящена проблеме проникновения и интеграции европейской высокой и повседневной культуры в социокультурное пространство России XVIII - начала XX вв. В книге открывается широкая панорама изменений в российской культуре, происходивших на протяжении более двух веков под влиянием европейских образцов модернизации общества. Эти процессы исследованы с точки зрения концепции диффузии инноваций, что позволяет связать воедино центры, каналы и механизмы распространения нововведений, реакцию на них традиционного общества, результаты их инкорпорации в российскую культуру.

Книга адресована гуманитариям, всем интересующимся историей России, которая в ходе модернизации впитала в себя великое множество элементов и ценностей европейской культуры.

ISBN 5-93053-098-X

© Е.В. Алексеева

© Уральский гуманитарный институт
2006 г.

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH**

INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY

URAL INSTITUTE FOR THE HUMANITIES

Alekseyeva E.V.

***EUROPEAN CULTURE
IN THE IMPERIAL RUSSIA:
PENETRATION, DIFFUSION,
SYNTHESIS***

Ekaterinburg, 2006

Оглавление

Введение

4

Глава 1. КАНАЛЫ ДИФФУЗИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЮ

27

*1.1 Российские подданные в Западной Европе:
масштабы и цели выезда*

27

*1.2 Европейцы в России: национальный состав,
география проживания и основные виды деятельности*

44

*1.3 Российская элита – связующее звено между
Россией и Европой*

59

*1.4 Печать как источник информации
о европейском развитии*

63

Глава 2. РОССИЙСКИЕ УЧЕНИКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ «ШКОЛЫ ИСКУССТВ»

80

2.1 Архитектура

80

2.2 Изобразительное искусство

102

2.3 Музыка

112

2.4 Танец

118

2.5 Театр. Кинематограф

120

2.6 Институализация учреждений культуры

124

Глава 3. ЕВРОПЕЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ	138
3.1 Внешний вид, одежда, мода	138
3.2 Кулинария, табак, спиртные напитки	149
3.3 Быт и досуг	158
3.4 Средства передвижения	162
3.5 Счет времени. Мерные единицы	166
Глава 4. ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ РУССКОГО ЯЗЫКА	175
Заключение	189
Приложения	205
Приложение 1. Некоторые события из истории взаимоотношений России с европейскими странами	205
Приложение 2. Европейцы в России. Краткий список выдающихся персоналий	217
Приложение 3. Западноевропейский «культурный пласт» в русском языке	228
Приложение 4. Межкультурное взаимодействие России и Европы в XVIII – начале XX вв. Краткая библиография	235

Table of Contents

<i>Introduction</i>	4
---------------------	---

Chapter 1. CHANNELS OF THE WEST EUROPEAN CULTURE DIFFUSION IN RUSSIA	27
---	----

<i>1.1 Russian subjects in Western Europe: dimensions and aims of going abroad</i>	27
--	----

<i>1.2 Europeans in Russia: national composition, geography of residence and leading types of activity</i>	44
--	----

<i>1.3 Russian elite – a connecting chain between Russia and Europe</i>	59
---	----

<i>1.4 Printed matters as a source of information on the European development</i>	63
---	----

Chapter 2. RUSSIAN STUDENTS OF THE EUROPEAN «SCHOOL OF ARTS»	80
---	----

<i>2.1 Architecture</i>	80
-------------------------	----

<i>2.2 Fine arts</i>	102
----------------------	-----

<i>2.3 Music</i>	112
------------------	-----

<i>2.4 Dance</i>	118
------------------	-----

<i>2.5 Theatre. Cinema</i>	120
----------------------------	-----

<i>2.6 Institutions of culture</i>	124
------------------------------------	-----

Chapter 3. EUROPEAN BORROWINGS IN THE MODE OF LIFE	138
3.1 Appearance, garments, fashion	138
3.2 Cookery, tobacco, alcoholic drinks	149
3.3 Everyday life and leisure	158
3.4 Means of transportation	162
3.5 Chronology. Measures	166
Chapter 4. WEST EUROPEAN IMPACT ON THE RUSSIAN LEXIS	175
Conclusion	189
Appendixes	205
Appendix 1. A short chronology of the events from the history of Russian-European relations	205
Appendix 2. Europeans in Russia. A short list of outstanding persons	217
Appendix 3. The West European «cultural layer» in the Russian language	228
Appendix 4. Cultural interaction of Russia and Europe in the XVIII – early XXth centuries. A short bibliography	235

История любого народа – это история его саморазвития во взаимодействии с другими человеческими общностями. Узнавание о последних достижениях, происходящих в окружающем мире, стремление перенять или учесть их в собственном развитии – естественная составная часть эволюции человеческой культуры. Россия, расположенная на перекрестке европейской, переднеазиатской и дальневосточной цивилизаций, в течение многих веков органично вбирала в себя элементы различных культур. Этот естественный, спонтанный, эпизодический и постепенный обмен знаниями и материальными объектами неоднократно перемежался продолжительными периодами интенсивного внешнего влияния. В эпоху Древней Руси и русского средневековья заметное воздействие на нее оказали скандинавский, византийский, тюркский миры. Становление и развитие России как империи в XVIII – начале XX в. разворачивалось в тесном общении с миром Европы. Обращение к историческому опыту взаимодействия нашей страны с внешним миром, его влияния на отечественную судьбу представляется важным и насущным сегодня, когда Россия в очередной раз выбирает перспективные ориентиры.

Взаимосвязь и взаимовлияние народов многократно усилилось с наступлением эпохи нового времени. Заимствование и адаптация знаний, идей, технологий, вещей, самых разнообразных элементов культуры играют ключевую роль в мировом модернизационном процессе. Суть *модернизации* – стержневого вектора развития человеческой цивилизации на протяжении последних пяти веков – заключается в утверждении на исторической сцене современного общества, для которого характерны развитая промышленность, урбанизация, широкий спектр личных свобод, авторитет рационального, научного знания, секуляризация культуры, пришедшие на смену аграрным отношениям и патриархальным ценностям прежней эпохи. Трансформация традиционного общества в современное осуществлялась по

средством диффузии социальных, технических и сопровождавших их культурных инноваций из центров их выработки (стран Западной Европы), в те общества, которые полагали обладание ими существенными для суверенного поступательного развития. То есть, модернизация рассматривается как система эпохальных нововведений, возникших в новое время на территории Западной Европы и распространившихся по всему миру. Перенос и диффузия важнейших инноваций из одной страны в другую является рабочей парадигмой теории модернизации. *Диффузия* может быть определена как импорт и распространение инноваций в обществе при непосредственном контакте участников взаимодействия или опосредованно через различные средства передачи информации. *Объектом* исследования в монографии является становление и развитие современной культуры в России XVIII – начала XX в., а *предмет* изучения составляют каналы, процессы и результаты проникновения западноевропейских инноваций в различные области высокой культуры и повседневности в России.

Под «западными заимствованиями» применительно к рассматриваемой истории России подразумеваются инновации, проникавшие в наше государство из стран - пионеров и лидеров процесса трансформации традиционного мира в современный. На разных этапах ими являлись *Республика Соединенных Провинций, Швеция, Великобритания, германские государства, Франция*. Употребление словосочетания «Западная Европа» или синонимичного ему «Запад» апеллирует к сущностному цивилизационному единству этого крупного региона, представленному полифонией экономических, социальных, политических, культурных и конфессиональных различий в объемлемых им странах.

Актуальность изучения темы взаимоотношений России и европейских стран признается исследователями как в нашей стране, так и за рубежом. М.-П.Рэй называет их важнейшим вопросом для России, начиная с царствования Ивана IV (1547-1584) и особенно с правления Петра I (1696-1725)¹. Действительно, петровское царствование открыло новую эпоху в истории России и ее связей с зарубежным миром. С петровских времен в России начался интенсивный процесс европеизации городской среды, что находило отражение в архитектуре, интерьерах, одежде жи-

телей, бытовой повседневности, видах деятельности и досуга. Официальный курс на обмирщение социальной и культурной жизни общества был зафиксирован в 1700 г., когда Пётр I упразднил Патриарший разряд. Искусство, вышедшее из рамок церковного канона, стало приобретать преимущественно светский характер, обратившись к богатому опыту западноевропейской художественной традиции. Материальные перемены были сопряжены с развитием прогресса, ростом информированности о нём русского общества, изменениями менталитета, стремлением устроить свое бытовое окружение по образу передового, европейского. Эта эпоха завершилась революционным сломом 1917 г., после которого отношения Советской России и капиталистического мира стали определяться совсем другими императивами. Поэтому в предлагаемой монографии внимание сосредоточено преимущественно на *имперском периоде отечественной истории – XVIII – начале XX в.*

Для исследования названных проблем автор обращался главным образом к научной литературе последней четверти столетия, в очередной раз поставившей вопрос о самоидентификации России в современном мире и ориентирах ее развития. Для трудов указанного периода характерен рост исследовательского интереса к теме европейцев в российской истории, пришедший на смену резко негативному отношению и избеганию этих вопросов в советской историографии, особенно в период 1940-1960-х гг.

Отечественная социокультурная динамика в широком контексте, в том числе, и во взаимодействии с европейской культурной жизнью, рассмотрена в обобщающих очерках по истории русской культуры XVIII-XIX вв.² Проблемы взаимодействия и взаимовлияния разных культур активно исследуются в Институте Российской истории РАН³. С 1994 г. в Центре по изучению отечественной культуры Института работает группа по изучению международных культурных связей, действует научный семинар по проблемам взаимовосприятия культур. С 1994 г. проводятся ежегодные «круглые столы» на тему «Россия и внешний мир»⁴. На основе их материалов вышли такие издания, как «Россия и Европа в XIX - XX вв.: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур» (М., 1996), «Россия и внешний мир:

диалог культур» (М., 1997), коллективная монография «Россия и Запад: формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в.» (М., 1998), получившие высокую оценку научной общественности⁵. Весомый вклад в историографию представляет сборник «Россия и мировая цивилизация», в котором, в частности, рассмотрены различные вопросы реформ Петра I и Екатерины II в контексте европейской истории; династических связей российского и европейских монархических домов⁶. Данные работы на стыке истории, культурологии, социальной психологии исследуют проблему взаимодействия и взаимовосприятия культур на протяжении нескольких столетий. Взаимоотношения России с её западными и восточными соседями рассматриваются многими другими авторами, среди которых выделяются широтой подхода работы А.И. Уткина⁷, обсуждаются на конференциях⁸.

Широкий круг исследователей обращался к рассмотрению самых разнообразных конкретных аспектов воздействия культуры европейских государств на Россию. Образец изучения темы культурного взаимовлияния был явлен ещё П.Н. Милюковым, который показал параллелизм развития русской и западноевропейской культур в целом и в частности⁹. По мысли историка, параллелизм сначала выражается в непосредственном подражании образцам, данным высшей культурой, а затем, после того, как подражание принесло свой плод и вызвало самостоятельное национальное творчество, он становится результатом взаимодействия равноправных культур¹⁰.

Тема социального и художественного влияния европейской культуры на культуру российскую активно разрабатывается и современными исследователями. В.А. Ковригина, основываясь на широком комплексе архивных источников, опубликованных документах и записках современников, изучала деятельность иностранцев – жителей Немецкой слободы Москвы в конце XVII - первой четверти XVIII в. - в различных производствах, медицинском обеспечении, области образования, распространении новшеств в домашнем воспитании дворян, развитии архитектуры и живописи¹¹. Разнообразная деятельность выходцев из Германии, Франции, Великобритании в Петербурге в период

1703-1917 гг. объёмно представлена в монографии А.Н. Чесновой. Автор рассматривает судьбы учёных, писателей, музыкантов, врачей, художников, промышленников, внёсших свой весомый вклад в развитие главного города Российской империи¹². Е.В. Политковская показывает русскую моду до Петра и её изменение под влиянием петровских реформ¹³. Известный искусствовед Р.М. Кирсанова подробно характеризует русский костюм и быт XVIII-XIX вв., развивавшиеся в непосредственной зависимости от европейской моды¹⁴.

О.Г. Агеева изучает влияние западноевропейской придворной жизни и организации на двор русских монархов в XVIII в¹⁵. Исследованием различных аспектов связей России и Западной Европы заняты и наши западные коллеги. Р. Уортман в деталях воссоздаёт многовековой процесс освоения российскими монархами моделей западноевропейской репрезентации власти¹⁶. Работа Д. Крэкрафта посвящена петровским преобразованиям в культуре, которые он расценивает как революцию¹⁷.

Тема иностранных заимствований как одно из направлений исторической лингвистики, традиционно привлекает внимание филологов и весьма популярна в современный период¹⁸. Главным объектом рассмотрения в коллективной монографии «Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования» являются иноязычные заимствования в русском языке XVIII в. по данным письменных источников этого времени¹⁹. Основная тема книги В.М. Живова «Язык и культура в России XVIII века» - эволюция русского литературного языка в петровское время. Автор интерпретирует происходившие в XVIII веке изменения в языке как результат целенаправленной реформы. Она началась с пробирования азбуки и воплотилась в создании русского гражданского шрифта. Результатом «петровской языковой политики» стало возникновение нового литературного языка, который, по мысли Живова, «должен был стать средством выражения новой секулярной культуры, порвавшей с традиционными культурными ценностями»²⁰. Интересны и размышления Живова о судьбе заимствований и европеизации в России. «Европеизация русской культуры оказывается не столько перенесением, сколько пере-

осмыслением европейских моделей, причем в процессе этого переосмысления меняют свое содержание основные категории и структуры европейской мысли»²¹, - полагает исследователь.

В отдельные блоки можно выделить работы, посвященные культурному влиянию на Россию конкретных европейских стран. Обширнейшая литература посвящена истории русско-немецких связей. Немецкая философия, литература и музыка традиционно составляют неотъемлемую часть духовного багажа всякого культурного человека в нашей стране²².

Взаимовлиянию культур России и Франции во второй четверти XIX – начале XX века посвящена содержательная статья О.Б.Поляковой²³. Франко-русские культурные связи исследуются также в работах И.М.Марисиной, Д.О.Швидковского, других отечественных исследователей и наших французских коллег²⁴.

Профессор Кембриджского университета, член Британского королевского общества Э.Кросс на обширном историческом материале всесторонне рассмотрел русско-английские культурные связи в XVIII в. Автор обстоятельно рассказывает о россиянах, приехавших на берега Темзы и об их попытках внедрения увиденного на родине²⁵. Э.Кросс сумел представить и «оборотную сторону медали» в капитальном исследовании судеб британцев, оказавшихся в XVIII в. на берегу другой «столичной» реки – Невы²⁶. Тему шотландского влияния на Петра I и культурное развитие России в первой четверти XVIII в. исследовал П.Дьюкс²⁷. В сборнике воспоминаний, очерков, статей и писем «Я берег покидал туманный Альбиона...» отражены впечатления от Англии русских писателей на протяжении трёх веков (1646-1945 гг.). Размышления на тему увиденного в «стране удивительного прогресса», наводили писателей на сопоставление русской и английской истории, и это сопоставление показывало, насколько Россия отставала от Европы²⁸.

Многогранная и зачастую драматическая история русско-шведских взаимоотношений представлена в трудах Б. Янгфельдта, М.О. Акишина, И.В. Черказьяновой²⁹. Развитию политического, экономического, культурного партнерства России и ее скандинавского соседа посвящен юбилейный сборник «Дания и Россия – 500 лет»³⁰. Различные аспекты русско-голландского взаи-

модействия рассматриваются авторами совместного сборника отечественных и западноевропейских ученых «Нидерланды и Северная Россия»³¹. Русско-голландская тема развивается и другими авторами³². В работах А.И. Степанова прослеживается развитие, последствия, значение исторического процесса взаимодействия и взаимопроникновения народов и культур России и Швейцарии³³. Роль швейцарцев в истории северной столицы показана в книге «Швейцарцы в Петербурге»³⁴. Судьбы бельгийцев в России – в центре внимания авторов сборника «Русские горки. Бельгийцы в России»³⁵. Влияние итальянского искусства на развитие отечественной культуры рассмотрено С.О. Андросовым³⁶.

Подытоживая вышесказанное и опираясь на результаты проведенного нами ранее специального *историографического анализа*³⁷, можно констатировать наличие разностороннего исследовательского интереса к проблеме взаимодействия российской и европейских культур. Однако проблема европейского влияния в отечественной истории до сих пор рассматривалась фрагментарно: авторы выбирали в качестве объекта исследования какую-либо определенную сферу взаимодействия, или ограничивали исследование хронологически и географически, либо европейский контекст являлся общим фоном для конкретно - исторического исследования, когда само влияние признавалось, но специально эта тема не разрабатывалась. Предлагаемая монография отличается системным подходом, охватывая широкий круг внедрения конкретных инноваций в области культуры на протяжении всего периода апелляции к западноевропейскому опыту модернизационного развития с конца XVII до революции 1917 г.

Более того, имеющиеся работы написаны в традиционном ключе: т.е., европейские контакты в той или иной области назывались, описывались, включались в известный исторический контекст. *Методологической основой* данного исследования является концепция диффузионизма, с позиции которой рассматривается влияние различных европейских государств на разнообразные направления отечественной истории³⁸.

Основой диффузионизма, возникшего в конце XIX в., послужила идея культурно доминирующих центров. В рамках школы диффузионизма сложилось несколько течений, наиболее важ-

ными из которых являлись историко-географическое направление (Э.Норденшельд, Р.Хайне-Гельдерн, К.Биркет-Смит; ставили в качестве своей задачи восстановление временной последовательности культурного развития на основе изучения распространения культур); учение о культурных кругах или культурно-историческая школа (Ф.Гребнер, В.Шмидт, В.Копперс; учение преимущественно связано с антропогеографической теорией Ф. Ратцеля и с «культурно-морфологической» теорией Л. Фробениуса); теория культурных ареалов (К.Уислер, Э.Сепир, К.Кребер; сторонники данного течения исходили из наличия тесной взаимосвязи между географической средой и развитием культуры); гелиолитическая школа (Г.Эллиот-Смит, У.Перри, У.Риверс; выводили культурное развитие из Древнего Египта).

Сутью концепции диффузионизма, наиболее чётко сформулированной в теории культурных кругов, является идея о том, что фундаментальные открытия, определяющие качественно новые ступени развития человеческого сообщества, совершаются в конкретном месте однажды, влекут за собой подъём страны, становящейся на определённый период лидером прогресса. Её возросший общественный потенциал, как правило, выливается в экспансию, отразить которую с большей долей вероятности удаётся народу, перенявшему изобретенную технику, технологию или их совокупность. Их заимствование сопрягается с распространением отдельных элементов или комплексов идей, представлений, административных и социальных практик, а также объектов и феноменов материальной культуры, предметов искусства и бытовой повседневности. Таким образом, из центра выработки нововведения распространяется культурный круг, который, соприкасаясь со специфичными особенностями местной среды, исторической традиции и устоев, трансформируется, приобретая новые качества. Происходит синтез привнесенного извне с существовавшим ранее на родине.

В 1962 г. в монографии «Диффузия инноваций» Э.М.Роджерс предложил теоретическую модель распространения нововведений³⁹. Решающими моментами в процессе диффузии, по мнению Роджерса, являются: сама инновация (которая может быть идеей, практикой или объектом); каналы передачи инновации (устная

коммуникация, средства массовой информации и т.д.); время, необходимое для выработки решения о принятии инновации индивидуумом или группой и скорость усвоения инновации; социальная система, членам которой предстоит усвоить инновацию. Процесс заимствования нововведения по Э. Роджерсу состоит из следующих пяти стадий: 1) узнавание (получение информации о наличии инновации и ее функциях); 2) убеждение (формирование благоприятного отношения к новшествам); 3) решение о принятии нововведений (индивид оценивает применимость идеи к своему настоящему опыту и прогнозируемым ситуациям в будущем и принимает решение, стоит или не стоит подвергнуть данную идею практическому испытанию); 4) внедрение (стадия испытания инновации на практике, как правило, в небольшом масштабе, чтобы определить ее полезность); 5) усвоение (подтверждение принятия, основывающиеся на позитивных результатах). Важным элементом теории Э.Роджерса является понятие критической массы, под которой понимается точка во времени, когда достаточно индивидуумов усвоили инновацию.

Динамика усвоения инновации в значительной степени зависит от характеристик самой инновации, которых Э.Роджерс выделяет пять: 1) относительное преимущество указывает на степень превосходства инновации в сравнении с идеями и продуктами, которые ей предстоит заместить. Данная характеристика определяется такими параметрами, как эффективность, стоимость, новизна, ощутимая выгода; 2) совместимость — степень согласованности инновации с принятыми ценностями, опытом, потребностями реципиента; 3) сложность определяется степенью трудностей в усвоении и использовании инновации; 4) испытуемость — степень, в которой инновация может быть опробована в ограниченном масштабе; 5) очевидность означает видимость эффективного результата принятия инновации для окружающих. Э.Роджерс называет три типа принятия решений по поводу усвоения инновации: 1) опциональный, когда индивидуум или организация имеет реальную возможность выбора в вопросе принятия или непринятия инновации; 2) коллективный, когда большинство членов сообщества должно убедиться в необходимости принятия инновации; 3) авторитарный, когда решение о принятии

инновации навязывается другим лицом или организацией, обладающими необходимой властью, положением или техническими знаниями. Различные категории общества, выражающие свое отношение к инновации могут быть определены как: 1) новаторы (которым свойственны предприимчивость и риск); 2) авторитетные адепты инноваций - те, кто сразу воспринимает нововведения; 3) осторожное и осмотрительное большинство, принявшее нововведения на раннем этапе внедрения; 4) скептическое большинство, подключившееся к принятию инновации позже; 5) отстающие (традиционалисты). Эта модель, несмотря на её «маркетологический» уклон, может быть полезным инструментом для исторических исследований, но не должна служить «прокрустовым ложем» для исторической действительности, намного более сложной и богатой, чем любая отдельно взятая из её сфер.

Всемирная история с позиции концепции взаимопроникновения культур интерпретируется в капитальном исследовании У. Мак-Нила «Восхождение Запада». Известный американский историк сосредоточил внимание на процессах распространения различных навыков и технологий от одной культуры к другой, что приводило к изменениям в структуре власти и социальной организации. На огромном историческом материале – от эпохи культурного доминирования Среднего Востока (до 500 г. до н.э.) до середины XX столетия. Мак-Нил убедительно показывает, что какой-либо народ может вырваться вперед, только воспользовавшись самыми передовыми достижениями, которые, по определению, концентрируются в мировых центрах процветания и могущества. Таким образом, любому перемещению географического центра мировой гегемонии должно предшествовать заимствование из ранее сложившихся центров⁴⁰.

Применительно к процессу модернизации Г.Офер выделяет несколько факторов, от которых зависит процесс диффузии фундаментальных инноваций и степень его успешности: 1. Состояние развития и уровень инновации на момент диффузии; 2. Статические и динамические условия (социально - экономические и морально-психологические предпосылки), способствующие абсорбции новой технологии; 3. Необходимость догнать «лидеров модернизации». При этом, чем больше разрыв между лидерами и

стартовавшими позже, тем более кардинальные меры требуются для прорыва, что зачастую приводит к неравномерности и частичности модернизации; 4. Наконец, диффузия модернизации может осуществляться разными путями (иностранные инвестиции, импорт заводов и оборудования, приобретение чертежей, обучение кадров)⁴¹. Таким образом, учёный конкретизирует роль диффузии в процессе модернизации, но, как видим, трактует её преимущественно в экономическом контексте.

Также технологические инновации являются стержнем для рассмотрения Э.Уоллесом на примере различных социальных групп разных стран трёх базовых процессов, посредством которых инновация встраивается в существующую культуру. 1. Отторжение, в тех ситуациях, когда все заинтересованные группы удовлетворены существующей технологией и отвергают очевидно превосходящие инновации поскольку они вызовут нежелательные перемены в технологиях и идеологии; 2. Принятие, в тех ситуациях, когда новая технология принимается всеми, поскольку она может выполнять те же социальные и идеологические функции, что и худшая или неэффективная традиционная технология; 3. Наиболее часто в сложных обществах – конфликт по поводу принятия или отторжения в тех случаях, когда новая технология, поддерживаемая одной группой, поскольку ее внедрение отвечает их интересам, отвергается другой группой, которая воспринимает ее как угрозу собственному благосостоянию⁴².

В отечественной историографии методологическую схему анализа диалога культур предложил Ю.М.Лотман в работе «Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении»⁴³. Он полагал, что развитие этнической культуры есть неперенное сочетание внутренних механизмов развития и внешних «влияний». При этом по отношению к культуре-донору в случае навязывания ею позиции доминирования зачастую нарастает неприязнь со стороны культуры-реципиента.

Возможность использования в изучении истории России диффузионистского подхода, и в частности, теории «культурных кругов» была рассмотрена в статье В.В.Алексеева, С.А.Нефёдова, И.В.Побережникова⁴⁴, в которой анализируются диффузионные волны X–XVI веков. Различные аспекты отече-

ственной истории XVIII-XIX вв. сквозь призму диффузионизма рассматривались в работах Е.В.Алексеевой⁴⁵.

Диффузионистская трактовка истории Московской Руси конца XV–XVI вв. предложена С.А.Нефёдовым⁴⁶. Им же проведен анализ реформ середины XVII в. с точки зрения внешних заимствований⁴⁷. Влияние диффузионного фактора в истории России в целом нашло отражение в его работе «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России»⁴⁸. В соответствии с идеей диффузионизма, развиваемой автором, государство, подвергнувшееся удару инновационной волны и стремящееся выжить, должно полностью или частично трансформироваться по образцу победоносного противника. В ходе этой трансформации сначала заимствуется оружие противника, затем - военная организация и военная промышленность. Затем круг заимствований расширяется, охватывая другие области социальной организации.

С.А.Нефёдов выделяет несколько волн диффузионного влияния, распространявшихся из центра их выработки на Россию с конца XVII в. до начала XX в. В конце XVII века Россия вошла в соприкосновение с двумя идущими с Запада культурными волнами. Одна из них была инициирована фундаментальным открытием голландцев – океанским парусным фрегатом – флейтом. Другая - шведским достижением: созданием Густавом Адольфом первой в Европе регулярной армии и легкой артиллерии, символом которой была шведская полковая пушка (1629 г.). Этот контекст позволяет объяснить ориентацию Петра I в своих преобразованиях на шведско-голландские образцы.

В конце XVII в. появление двух важных военных инноваций, штыка и кремниевого замка, а также линейной тактики породило волну австрийских завоеваний, предводимых Евгением Савойским, и привело к рождению огромной империи Габсбургов. Б.-Х.Миних, воевавший в свое время под командованием принца Е.Савойского в звании майора, став Президентом Военной коллегии в России, стремился преобразовать русскую армию по немецкому образцу. С правлением Анны Иоанновны соотносится начало немецкого влияния на русскую историю.

В дальнейшем в России неоднократно предпринимались попытки модернизации по прусскому образцу. Одна из них связана с именем Петра III, образцом государственного порядка для которого было «регулярное государство» Фридриха II и доведенная им до совершенства линейная тактика. Вторую попытку модернизации по прусскому образцу предпринял Павел I.

Еще одна волна диффузионного влияния, нахлынувшая на Россию с воцарения Елизаветы Петровны, шла из Франции и ассоциировалась с былыми победами Людовика XIV и блеском Версаля, что объясняет распространение французской культуры и популярность французских философов в России во второй половине XVIII в.

«Начавшаяся в конце XVIII века промышленная революция породила грандиозную диффузионную волну, намного превосходящую диффузионные волны прошлого. Фундаментальные открытия в технической сфере сделали Англию центром распространяющегося культурного круга, который обычно называют «промышленной цивилизацией»». Помимо машин и фабрик элементами этого культурного круга стали ценности английского либерализма: парламентаризм, свобода частной собственности и частного предпринимательства. По мере развития общественного самосознания, из Англии заимствовались также радикальные и социалистические учения. Перенимались и многие культурные достижения и традиции – с конца XVIII в. все английское начинает входить в моду.

На протяжении первой половины XIX века наблюдалось соперничество французского и немецкого влияний. Наполеоновские завоевания вызвали диффузионную волну заимствования французских инноваций. Компонентами французской диффузионной новой волны была мобильная артиллерия, тактика колонн, всеобщая воинская повинность, в политической сфере – конституционализм и равенство граждан перед законом. В контексте социального развития Европы прусско-австрийская модель представляла собой альтернативу французскому влиянию. В царствование Николая I смена французского влияния немецким могла рассматриваться как возврат к прошлому. Отторгая французское влияние, Николай возвращался не к старинным русским традициям, а к предыдущей, павловской, эпохе немец-

кого влияния, а также ориентировался на современную консервативную немецкую традицию.

В середине XIX столетия промышленная цивилизация совершила решающий прорыв в военной технике: было освоено производство нарезных ружей, «штуцеров». Другим аспектом модернизации стало создание сети стратегических железных дорог. Одновременно произошла еще одна революция в военном деле, вызванная появлением нарезных пушек. А в 1850-х годах немецкий промышленник Альфред Крупп после длительных экспериментов освоил производство стальных пушек

В последней четверти XIX в. Германия сделала мощный рывок в техническом развитии, и в начале XX в. обогнала Англию по объёму промышленного производства. Победы Германии и успехи её промышленного развития породили новую, германскую диффузионную волну, элементами которой были пушки Круппа, электромоторы Сименса, автомобили Даймлера, немецкая дисциплина и деловитость, государственное регулирование и «социальное государство». Таким образом, фундаментальные открытия в военной области, смена технологических парадигм являются теми «ядрами» прогресса, вокруг которых вертятся остальные сферы человеческого бытия, в том числе и культура.

Изучение истории страны в ракурсе диффузионизма имеет значительный потенциал. «Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса», повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям, - отмечает И.В.Побережников⁴⁹. Катализаторами диффузии инноваций выступают торговля, войны, передвижение населения (в том числе путешествия, профессиональные, учебные поездки, переезд на жительство), искусство, мода. Развитие транспорта и других средств коммуникаций обеспечивают широту, содействуют скорости распространения инноваций.

Признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, современные исследователи исходят из того, что в ходе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той

средой, которая выступает их реципиентом. Вероятны случаи традиционалистской реакции и отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения⁵⁰.

Таким образом – *цель исследования* – проанализировав и систематизировав имеющуюся информацию о европейских компонентах в различных сферах социокультурной жизни России XVIII – начала XX века, оценить с позиций теории модернизации и её составной части – концепции диффузионизма – результаты исторического опыта их приложения к отечественным условиям. *Задачи работы* – определить каналы и механизмы диффузии инноваций в российский социум, показать реакцию общества-реципиента на их проникновение в культуру и традиционный уклад жизни, изучить результаты диффузии и её эффективность, очертить масштабы европейского влияния на отечественное социокультурное развитие изучаемой эпохи, осветить наиболее значимые аспекты модернизационных трансформаций в сфере культуры, охватить тот круг перемен в культуре и повседневности, инициированных современной западной цивилизацией, в границах которого мы во многом живём до сих пор.

Автор выражает искреннюю благодарность д.и.н., профессору М.Н.Денисевичу, д.и.н., профессору В.П.Тимошенко, д.и.н., профессору А.В.Трофимову, д.и.н. С.В.Голиковой, к.и.н. С.А.Нефёдову, к.и.н. И.В.Побережникову, к.и.н. Е.Ю.Рукоусеву, В.П.Микитюку, выразившим живую заинтересованность в прочтении и обсуждении рукописи монографии, и внёсшим свой квалифицированный вклад в процесс её создания.

¹ Rey, M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible a Boris Eltsine. – Paris, 2002. – P.10.

² Русская культура XVIII века и западноевропейские культуры. – Л., 1980; Очерки русской культуры XVIII в. – М., 1985; Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. – М., 2001.

³ Диалог культур. Россия и внешний мир. (Диалектика взаимовосприятия). – М., 1998; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в советском обществе. – М., 1998; Кабузан, В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII - начале XX вв. – М., 1998; Орлик, О.В. Россия в международных отношениях 1815-1829 гг. – М., 1998; Петров, Ю.А., Семин, А.А. Немцы Москвы. Исторический вклад в культуру столицы. – М., 1998; Итенберг, Б.С. Российская интеллигенция и Запад: век XIX. – М., 1999; Россия и мировая цивилизация – М., 2000; Конституционные проекты в России XVIII – начала XX в. – М., 2000; Рос-

- сия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. – М., 2000; Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002; Медушевский, А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. – М., 1994; Он же: Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе // Вестник высшей школы. – 1990. – №2.
- ⁴ Отчеты см.: Отечественная история. – 1995. – №3; Там же. – 1998. – №3; Там же. – 1999. – №1,6.
- ⁵ Рецензии см.: Отечественная история. – 1998. – №5; Там же. – 1999. – №6.
- ⁶ Россия и мировая цивилизация. – М., 2000.
- ⁷ Уткин, А.И. Вызов Запада и ответ России. – М., 2003; Он же: Россия и Запад: история цивилизаций. – М., 2000.
- ⁸ Россия, Запад и Восток: История взаимоотношений: Материалы 29-й Всероссийской заочной научной конференции 1998 г. – СПб., 2003.
- ⁹ Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т.2. Ч.2. – М., 1994.
- ¹⁰ Там же. С.132.
- ¹¹ Ковригина, В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. – М., 1997.
- ¹² Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003.
- ¹³ Политковская, Е.В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI-XVIII веках. – М., 2004.
- ¹⁴ Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. – М., 2002.
- ¹⁵ Агеева, О.Г. Новые явления в общественной жизни и быту Петербурга первой четверти XVIII в.: на примере царских свадеб // Русская культура в переходный период от средневековья к новому времени. – М., 1992; Она же: Реформа штата царско-императорского двора в первой четверти XVIII века // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. – М., 2003; Она же: Увеличение русского двора от Петра I до Екатерины Великой // Отечественная история. – 2006. – №5.
- ¹⁶ Уортман, Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.1, 2. – М., 2004.
- ¹⁷ Cracraft, J. The Petrine Revolution in Russian Culture. – Cambridge. 2004.
- ¹⁸ Смирнов, Н. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. – СПб., 1910. СПб. ОРЯС. Т.88. №2; Горяев, Н. Этимологический словарь русского языка. – изд. 2. – Тифлис, 1896; Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка. Вып. 1-14. – М., 1910-1918; Соболевский, А.И. Заимствованные слова в русском языке. (Литографированный курс лекций). – СПб., Приблизительно 1901; Соболевский, А.И. Лекции по истории русского языка. – изд. 4. – М., 1907; Черных, П.Я. Очерки русской исторической лексикологии. – М., 1956; Аристова, В.М. К истории английских слов в русском языке. Автореф. дисс. ... канд.фил.наук. – Самарканд, 1968; Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. – СПб., 1996; Большой словарь иностранных слов в русском языке. – М., 1998.; Hellie, R. Russian Clothing and its International Context: 1600-1725 // Древнерусская культура в мировом контексте. Археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции. – М., 1999. – С. 284-302.

¹⁹ Биржакова, Е.Э., Войнова, Л.А., Кутина, Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. – Л., 1972.

²⁰ Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века. – М., 1996. – С. 90-91.

²¹ Там же. С. 65.

²² Немцы России. Энциклопедия. Т.1. – М., 1999; Т.2. – М., 2004; Немцы в России: люди и судьбы. – СПб., 1998; Немцы в России: Петербургские немцы. – СПб., 1999; Немцы в России: проблемы культурного взаимодействия. – СПб., 1998; Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. – СПб., 2000; Немцы и развитие образования в России. – СПб., 1998; Немцы в России: три века научного сотрудничества. – СПб., 2003; Немцы России на рубеже веков: история, современное состояние, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург, 2000; Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв.). Материалы научной конференции «Германия-Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI-XX вв.». – Екатеринбург, 2001; Дмитриев, М.В., Пушкарева, Н.Л. Русские и немцы: представления друг о друге // Вопросы истории. – 1991. – №6; Остроух, И.Г., Шервуд, Е.А. Немцы в России // Этнографическое обозрение. – 1993. – №3; Русские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы. – М., 2002; Шилов, С.П. Немецкие фирмы на судостроительном рынке России перед первой мировой войной // Вопросы истории. – 2001. – №3; Оболенская, С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). – М., 2000; Оболенская, С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII - XX вв. // Одиссей. Человек в истории. – 1991; Дякин, В.С. Германские капиталы в России. – Л., 1971; Журнал «Родина». – №10. – 2002. Специальный выпуск. Россия и Германия. XX век; Субботин, Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торг. отношения в конце XIX в. - 1914 г.). – М., 1996; Александр Гумбольдт и исследования Урала. Материалы российско-германской конференции. 20-21 июня 2002 г. – Екатеринбург, 2002; Маркина, Л.А. Портретист Г.Х. Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII в. – М., 1999; Губкина, Н.В. Немецкий музыкальный театр в Петербурге в первой трети XIX в. – СПб., 2003; Павленко, Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. – М., 2002; Спивак, Д.Л. Метафизика Петербурга: Немецкий дух. – СПб., 2003; Шайдуров, В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX вв. – Барнаул, 2003; Martin, M. Maria Feodorovna en son temps (1759-1828). Contribution a l'histoire de la Russia et de l'Europe. – Paris, 2003; Копелев, Д.Н. Офицеры немецкого происхождения на службе в российском флоте (первая половина XIX в.). Дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000; Кабузан, В.М. Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII-XX веках (1719-1989). Историко-статистическое исследование. – М., 2003.

²³ Полякова, О.Б. Взаимовлияние культур России и Франции во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Франция XVIII - XX века. Вып. 4. – М., 2001.

²⁴ Марисина, И.М. Россия – Франция. Век восемнадцатый. – М., 1995; Швидковский, Д.О. Франция и развитие русской архитектуры в эпоху классицизма // Вестник истории, литературы, искусства. – М., 2006; Век Просвещения. – М., 2006. Вып. 1; Отношения между Россией и Францией в европейском контексте

- (в XVIII -XX вв.). – М., 2002; *La France et la Russie au siecle des Lumieres. Relations culturelles et artistiques de la France et la Russie au XVIII siecles.* – Paris, 1986.
- ²⁵ Кросс, Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. – М., 1996.
- ²⁶ Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005.
- ²⁷ Dukes P. Some Aberdenian Influences on the Early Russian Enlightenment // *Canadian-American Slavic Studies. Special Issue. Russia and the West in the XVIII Century.* – 1979. – Vol.13. – #4.
- ²⁸ «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646-1945. – М., 2001.
- ²⁹ Янгфельдт, Б. Шведские пути в Санкт-Петербург: главы из истории шведов на берегах Невы. – Стокгольм; СПб., 2003; Акишин, М.О. Пленные шведы и дьявол // *Родина.* – 1994. – №2; Черказьянова, И.В. Школа шведских пленных в Тобольске: опыт взаимодействия немецкой и русской культуры начала XVIII в. // *Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв.).* – Екатеринбург. 2001.
- ³⁰ Дания и Россия – 500 лет. – М., 1996.
- ³¹ Нидерланды и Северная Россия: Сборник научных статей / Коллектив авторов; под ред. Ю.Н. Беспярых, Я.В. Велувенкампа, Л.Д. Поповой. – СПб., 2003.
- ³² Русская библиография о Голландии и русско-голландских отношениях: 1700-2000 гг. / Под ред. Э. Вагеманса, Х.В. Конингсбрюгге. – СПб., 2003; От голландского капитана до российского министра: к 250-летию Франца Павловича де Воланна посвящается / Под ред В.Е. Павлова и др. – СПб., 2003; Стрижак, Н. [и др]. Анна Павловна: Русская принцесса на Голландском троне. – СПб., 2003; Горбатенко, С. Новый Амстердам: Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов. – СПб., 2003; Анисимов, Е. На голландский манер // *Родина.* – №3. – 2003.
- ³³ Степанов, А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // *Новая и новейшая история.* – 2006. – №1. – С.120-151.
- ³⁴ Швейцарцы в Петербурге. – СПб., 2002.
- ³⁵ *Montagnes Russes: La Russie vuee par des Belges.* – Bruxelles. 1989.
- ³⁶ Андросов, С.О. Русские заказчики и итальянские художники в XVIII в. – СПб., 2003.
- ³⁷ Алексеева, Е.В. Экзогенные факторы и диффузионные механизмы развития Российской империи: проблемы историографии // *Уральский исторический вестник.* – №10. – 2005.
- ³⁸ Обстоятельное изложение истории и сути диффузионистских идей см.: Александренков Э.Г. Диффузионизм в зарубежной западной этнографии // *Концепции зарубежной этнологии.* – М., 1976; Артановский, С.Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. – Л., 1967; Левин, М.Г., Токарев, С.А. Культурно-историческая школа на новом этапе // *Советская этнография.* – 1953. – №4; Токарев, С.А. Венская школа этнографии // *Вестник истории мировой культуры.* 1958. № 3; <http://www/countries.ru/library/ideas/tck.htm>; Rogers E. M. *Diffusion of innovations* (4th ed). – N.-Y., 1995.
- ³⁹ Rogers, E. M. *Diffusion of innovations* (4th ed). – N.-Y., 1995.
- ⁴⁰ Мак-Нил, У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. – Киев; М., 2004.

⁴¹ Ofer, G. The Modernization of Russia and China // Patterns of Modernity. Vol. II. Beyond the West. Ed. by S. Eisenstadt. – N.-Y., 1987. P.37-38.

⁴² Wallace, A. Technology in Culture: The Meaning of Cultural Fit // Science in Context. – 1995. – Vol.8. – #2. – P.293-324.

⁴³ Лотман, Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь / Отв. ред. Г.К. Вагнер. – М., 1989.

⁴⁴ Алексеев, В.В., Нефедов, С.А., Побережников, И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии // Уральский исторический вестник. № 5-6. – Екатеринбург, 2000. – С. 152-184.

⁴⁵ Алексеева, Е.В. Россия и Запад: проблемы общения и взаимодействия культур: Уч.-метод. комплекс. – Екатеринбург, 2003; Она же: Европейские ориентиры государственных преобразований в Российской империи // Теория, методология и методика изучения и преподавания историко-юридических наук. Вып. 2. – Екатеринбург, 2003; Она же: Экзогенные факторы и диффузионные механизмы развития Российской империи: историографические аспекты // Уральский исторический вестник. – 2005. – №10-11; Она же: Использование европейского опыта управления государством при Петре I // Вопросы истории. – №2. – 2006; Она же: Получение высшего образования россиянами в Европе (XVIII – начало XX вв.) // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации: Сб. науч. ст. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2006; Она же: Некоторые результаты и перспективы изучения значения иностранного технологического опыта в создании новых отраслей промышленности и развитии промышленного производства на Урале // Шестые Татишевские чтения: Тезисы докладов и сообщений (Екатеринбург, 20-21 апреля 2006 г.) / Под ред. С.П. Постникова. В 2-х т. Т.1. – Екатеринбург, 2006; Она же: Российская экономическая политика и основные тенденции мирового экономического развития (XVIII-начало XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII-XXI вв. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. – Екатеринбург, 2006; Alekseyeva, E., Mikityuk, V. Les transformations des traditions de la vie quotidienne dans le contexte de la modernization recente en Russie: production et consommation de boissons alcooliques // Les patrimoine des caves et des celliers. Actes du colloque international de l'APIC. – Epernay, 2006.

⁴⁶ Нефёдов, С. А. Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. – 2002. – №11.

⁴⁷ Он же: Реформы середины XVII века: попытка модернизации России по голландскому образцу // Западноевропейские специалисты в России XV-XVII веков. – М., 2002.; Он же: Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. – 2004. – №4.

⁴⁸ Он же: Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV–начало XX века. – Екатеринбург, 2005.

⁴⁹ Побережников, И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М., 2006. – С. 20.

⁵⁰ Он же. Социальное изменение в теоретических проекциях // Уральский исторический вестник. – №7. – 2001. – С. 63.

Глава 1

Каналы диффузии европейской культуры в Россию

Стрелки культурного компаса русской истории, начиная с конца XVI столетия, постепенно разворачиваются с Востока на Запад. В течение всего XVII века Московская Русь усваивала элементы западноевропейской цивилизации через Польшу и через прямые контакты с западноевропейскими государствами. Взаимодействие российской и западноевропейской цивилизационных сред осуществлялось прежде всего через людей - генераторов и главных проводников информации, знаний, опыта, наблюдений. Российские подданные оказывались на территории западноевропейских стран, а западноевропейцы проживали в России. Новые знания и опыт распространялись через дипломатическую деятельность, в ходе военных походов, торговлю, обучение, деловые поездки, путешествия, семейные узы и межличностные контакты, искусство, печатные средства информации, профессиональные встречи. Проанализируем наиболее значимые из этих каналов с точки зрения получения и распространения в России новых знаний о культуре и повседневной жизни модернизирующегося мира, оценим масштабы межкультурных контактов и их динамику.

1.1 Российские подданные в Западной Европе: масштабы и цели выезда

Официальная статистика выезжавших за границы Российской империи, особенно в XVIII в., отрывочна и неполна, и еще ждет своего исследователя. Цифры россиян, выезжавших за рубеж, указываются историками фрагментарно, к тому же трудно различить потоки уезжавших безвозвратно и возвращавшихся после поездок различного характера на родину. Количество россиян, ежегодно покидавших рубежи империи, варьировало от

нескольких десятков в начале XVIII в. до нескольких десятков тысяч человек в конце XIX – начале XX в.

Процесс этот берет истоки в Великом Посольстве в страны Западной Европы 1697-1698 гг. и подготовки к нему. В ноябре 1696 г. был оглашен указ царя о посылке на учебу в Европу (в порядке принудительной мобилизации) нескольких десятков отпрысков знатнейших семейств. 39 стольников отправлялись в Италию, 22 – в Голландию и Англию. За единственным исключением все они были представителями виднейших русских семейств (почти 40% из них носили княжеские титулы). Всего в рамках подготовки Великого посольства предполагалось отправить на учение не менее 128 человек¹. По подсчетам И. и Д. Гузевичей, общее число русских подданных и иностранцев на русской службе, принимавших участие в «большой акции Великого посольства» за пределами России приближалось к 400 человекам. С учётом временного служебного персонала это число возрастает до 1,5 тысяч².

Члены посольства в течение полутора лет познакомились с техническими, промышленными, военными, архитектурными объектами, административными, благотворительными, культурными и религиозными учреждениями Европы. В результате пребывания за рубежом участниками посольства был осмыслен опыт сооружения фортификационных комплексов, arsenалов, цейхгаузов, верфей, адмиралтейств, монетного двора, промышленных предприятий (литейных дворов, оружейных и железоделательных заводов, лесопильных мельниц, часовых и компасных мастерских, табачных мельниц, полотняных фабрик, соляных копей). Россияне осматривали также музеи, где познакомились с самыми разнообразными коллекциями (только в Амстердаме ко времени Великого посольства было более 40 кунсткамер), ботанические сады, библиотеки, учебные заведения, научные организации. Они посещали различные представления – театральные, музыкальные, цирковые. Любовались архитектурой, художественными произведениями и образцами садово-паркового искусства. Были они в богадельне, доме для умалишенных, воспитательном доме для сирот и незаконнорожденных, госпитале для инвалидов³.

Участники Великого Посольства в большинстве своем сделали достаточно успешную карьеру и имели возможность влиять

на развитие различных отраслей государственной жизни, используя опыт своего пребывания в Европе. В. Корчмин и Г. Скорняков-Писарев достигли генерал-майорских чинов и вошли в число первых русских инженеров. И. Головин стал обер-сарваером (высший чин в судостроении); Ф. Скляев и Г. Меншиков – крупными судостроителями; переводчик П. Шафиров – вице-канцлером государства; А. Имеретинский и Я. Брюс – генерал-фельдцейхмейстерами; С. Нарышкин – генерал-аншефом и дипломатом; Н. Синявин – контр-адмиралом; Б. Шереметев – генерал-фельдмаршалом; Б. Куракин – крупным дипломатом; С. Колычев – президентом Юстиц-Коллегии и герольдмейстером⁴. Среди обучавшихся в Италии и Голландии стольников, отправленных туда Петром в рамках Великого Посольства были Д. и Ф. Голицыны, А. Репнин, Ю. Хилков, И. Гагин, Б. Куракин. Последний стал позднее действительным статским советником, одним из виднейших дипломатов эпохи и активным «западником»⁵. Всего обучение, т.е. процесс «сознательной и форсированной передачи информации с помощью организации стажировок и привлечения профессионалов – мастеров и учителей» прошли около 30% состава посольства⁶. Инициированное монархом посольство, включавшее в себя большую часть родовитой знати, ближе познакомило россиян с Западной Европой. Опыт личного пребывания в иной социальной и культурной среде стал краеугольным камнем в карьере многих его участников – проводников в России модернизации по европейскому образцу.

Великое Посольство было акцией по своему масштабу, конечно, исключительной. Подсчитывая его бюджет, исследователи приходят к выводу, что он составлял почти 236 тыс. рублей, что было эквивалентно 10-20% всего годового бюджета страны⁷. После завершения посольства россияне за границу отправлялись в несравненно меньшем количестве. Тем не менее, в царствование Петра I едва ли можно было найти сколько-нибудь выдающуюся фамилию, из которой кто-либо не побывал за рубежами России в качестве студента, гардемарина, посланного обучаться плаванию и кораблестроению, офицера в заграничном походе, мастера или посла. Десятки русских учеников (дворян, приказных людей) посылались за рубеж для обучения военному и морскому делу, иностранным языкам, медицине, юриспруденции,

«всевозможным искусствам и мастерствам»⁸. При этом точное число россиян, направленных учиться за границу в царствование Петра I, с трудом поддается учету, если вообще возможно. Известно, что общее количество собственно студентов, уехавших из России учиться в немецких университетах в царствование Петра I составляло 53 человека. Из них 13 носили немецкие или голландские фамилии и являлись детьми иностранцев, приглашенных на русскую службу⁹.

Ежегодный выезд за рубеж в XVIII–начале XIX вв. все еще ограничивался несколькими десятками и сотнями человек, постепенно увеличиваясь после окончания войны с Наполеоном. Например, в 1816 г. за границу выехало 698 человек, а в 1833 г. – 1 178¹⁰. За период 1828–1859 гг. выезд составил 33 тыс. человек. Среднегодовой отток в этот период был равен примерно 1 тыс. человек¹¹. С другой стороны, известно, что, когда в 1849 г., правительство отдало распоряжение всем подданным вернуться на родину, их въехало в Россию более 40 тыс¹². В 1840-е гг. отмечается увеличение числа россиян, путешествовавших в Европе. По данным А.И. Куприянова, только в 1846 г. их выехало за рубеж 4 101 чел. Во второй половине 1840-х гг. возрастала численность «торговцев» и «промышленников», отправлявшихся за границу (как и их доля в потоке выезжавших): в 1846 г. 2 769 чел. (67,5%), в 1850 г. – 2 392 (69,6%)¹³.

В 1860 г. за границу выехало 70 044 российских подданных (из них 27 000 татар, переселившихся в Турцию). А в целом за период с 1860 по 1889 гг. – из России уехало 1 129 000 чел. С 1890 по 1915 гг. эмиграция возросла до 3 348 000 чел. (в среднем по 129 000 ежегодно). Если в XVIII–первой половине XIX вв. основным аттрактором для россиян выступала Европа, то в конце XIX – начале XX вв. они устремились в США. (В 1900–1917 гг. 105 тыс. россиян осело в европейских странах и 1 300 000 – в США)¹⁴. В XVIII и большей части XIX в. в Европу ехала русская аристократия, инженеры, люди творческих профессий. В последней четверти XIX — начале XX века из России за рубеж направился поток экономических переселенцев: безземельных крестьян, ремесленников, неквалифицированных рабочих. Всего за период с 1820 по 1915 гг. Россию покинули около 4 510 000 человек¹⁵. Из них подавляющее большинство – 4 200

500 человек выехали с 1861 по 1915 г., в том числе почти 2,6 млн. – в первые 15 лет XX в. В страны Нового Света, в основном в США, эмигрировали 3 978,9 тыс. человек, что составляет 94%¹⁶. Правда большая часть эмигрантов выезжали не из России в ее нынешних границах, а из других частей бывшей империи – Украины, Белоруссии, Балтийских губерний. Большинство эмигрантов из России не были этническими русскими. Более 40% эмигрантов составляли евреи, около 30% российских эмигрантов были поляками, остальные распределялись между литовцами, финнами, немцами и русскими. Число русских существенно возросло в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, – с 2% среди всех российских эмигрантов в 1899-1903 гг. до 12% в 1909—1913 гг.¹⁷.

Весточки переселенцев на родину живо описывали новый мир, необычные условия труда и быта, будоража сознание оставшейся в России родни и знакомых. Не все мигранты прижились на новых землях, и наряду с иммиграцией иностранцев, с начала XX века получает развитие и реэмиграция российских граждан, главным образом, русских. Они возвращались не солоно хлебавши, но с яркими впечатлениями и опытом заграничной жизни. В 1908-1920-х годах число «русских реэмигрантов» (включая украинцев и белорусов) составило 84 тыс. человек. В целом, по оценкам В.М. Кабузана, реэмиграция из США в Россию в XIX веке равнялась приблизительно 18% от общего числа российских эмигрантов в США¹⁸.

Во второй половине XIX—начале XX в. за границей жили (временно или постоянно) многие деятели российской науки, культуры и просто богатые дворяне, которые, имея обширный круг знакомств и значительную публичную аудиторию, являлись источниками информации о Европе в России, будируя сознание своих соотечественников. Подолгу проживали за рубежом Н.В. Гоголь, К.П. Брюллов. Крупный русский поэт В.А. Жуковский жил в Дрездене, готовясь на должность воспитателя царского наследника, будущего царя Александра II. В 1867-1871 гг. (с перерывами) в Дрездене же обитал Ф.М. Достоевский. В городе на Эльбе он окончил роман «Вечный муж», написал большие части романа «Бесы». С 1891 по 1893 г. в этом же саксонском

городе жил основатель петербургской консерватории композитор А.Г.Рубинштейн. Два лета (1859-1860) провел в Дрездене романист И.А.Гончаров, работая над романом «Обрыв». С 1860 по 1863 гг. летний период там проводил А.К.Толстой. В Дрездене бывали В.Г.Белинский, И.С.Тургенев. Регулярно останавливались в городе композиторы и пианисты А.Н.Скрябин и С.В.Рахманинов¹⁹.

С 1847 г. и до самой смерти в 1883 г. провел за рубежом, в основном во Франции, И.С. Тургенев. В 1877 г. эмигрировал во Францию историк, географ, член Русского географического общества, корреспондент журнала «Колокол» М.И. Венюков. Русский микробиолог, лауреат Нобелевской премии И.И. Мечников оставался во Франции с 1888 г. до самой своей смерти в 1916 г. (В 1888 г. он принял предложение Луи Пастера, возглавив самую крупную лабораторию бактериологического института в Париже, а с 1903 г. был одновременно и заместителем директора этого учреждения.) В целом, по данным Парижской префектуры полиции только в столице Франции в 1913 г. проживало 65 тыс. русских²⁰. В Швейцарии согласно переписи населения 1888 г. было отмечено 1 354 иностранца «из европейской части России», в 1910 г. цифра выросла до 8 458 человек²¹.

Таким образом, в XIX в. происходило постепенное увеличение количества россиян, покидавших пределы империи, что особенно заметно с 1840-х гг. До последнего десятилетия XIX в. выезд из России носил преимущественно элитарный характер. В конце XIX – начале XX вв. среди выезжающих резко возрастает число экономических эмигрантов, существенный процент которых возвращался обратно, являясь источником информации о зарубежье.

На протяжении всего рассматриваемого периода государство жестко контролировало потоки подданных, покидавших территорию империи. Запрет на выезд за рубеж действовал в период Французской революции, выезд ограничивался для разных категорий населения во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг.; в конце 1840 - начале 1850-х годов, что было непосредственно связано с политической обстановкой в Европе. В дореволюционной России действовала ст. 325 «О недозволенном оставлении

отечества» Уложения о наказаниях. Согласно ей, переход российских граждан в другое гражданство запрещался, а срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего надо было ходатайствовать о продлении срока. В противном случае человек считался потерявшим гражданство, его имущество переходило в опекуновское правление, а сам он, вернувшись в Россию, подлежал вечной ссылке.

Обучение архитектуре и изобразительным искусствам в Европе. В ряду задач, связанных с модернизацией страны, искусство не могло претендовать на первоочередные позиции. В то же время, трансформация традиционного общества в современное невозможна без революционных подвижек в представлениях о мире и его отражении художественными средствами. Стремление дворянства создать вокруг себя в российских условиях среду обитания, напоминающую увиденное в Европе, желание следовать моде, чувствовать себя сопричастным европейской культуре питало поток русских деятелей искусства, устремлявшихся за профессиональными знаниями за рубеж. Его истоки также лежат в начале царствования Петра, который отправил за границу более десятка молодых людей учиться архитектуре и искусствам. Однако, как отмечал П.Н.Милюков²², из них впоследствии выдвинулся только П.М.Еропкин. Изучив в Италии "гражданскую архитектуру", по возвращении он был определен "к разным строениям", получил чин гоф-бау-интенданта и считался одним из образованнейших людей своего времени. Кроме П.М. Еропкина получили известность А.М. Матвеев и братья Никитины, обучавшиеся в Европе живописи, и, в частности, искусству портрета. Матвеев и Никитины по возвращении из зарубежного путешествия занимались церковной живописью. Искусствоведы признают И.Н.Никитина (ок.1680-1742) одним из основоположников русского светского портрета нового времени. Пребывание в Италии способствовало достижению им высокого профессионального уровня.

На регулярную основу посылка русских деятелей искусства за рубеж становится после основания в Петербурге в 1758 г., Императорской Академии художеств. Русские ученики, окончившие ее курс, посылались в командировки для совершенство-

вания в искусстве живописи и ваяния, преимущественно в Париж – признанный центр изящных искусств, щедро поощряемых королевским двором и придворной аристократией. Первыми пенсионерами Академии, отправленными в Париж и Рим в 1760-е гг., были В.И.Баженов, А.П.Лосенко и И.Е.Старов. Русские архитекторы учились в мастерской знаменитого Шарля де Вайи в Париже. В.И.Баженов получил диплом архитектора Парижской академии. В 1762 г. он отправился в Италию, где был удостоен дипломов Флорентийской, Клементийской и Болонской академий. В 1765 г., возвращаясь в Петербург через Париж, он получил личное приглашение Людовика XV остаться во Франции архитектором двора, но отказался. В России же Баженову не удалось обрести места преподавателя в Академии то ли из-за происков коллег, испугавшихся талантливого конкурента, то ли потому, что "россиянину перед иностранными преимуществами не дано". Тем не менее, Баженов получил заказ на постройку Каменноостровского дворца. В 1769 г. им был выстроен заказанный Орловым «Старый арсенал».

И.Е.Старов, по возвращении в Санкт-Петербург, за проект здания для кадетского шляхетского корпуса, был признан в 1769 г. академиком, в следующем году занял в академии должность адъюнкт профессора, из которой в 1770 г. повышен в профессоры и в 1794 г. в адъюнкт ректоры. Он также служил при Кабинете Ее Величества в комиссии строения императорских дворцов и садов. Старов создал Троицкий собор в Александро-Невской Лавре, построенный в форме базилики. В 1788 г. был закончен грандиозный Таврический дворец, построенный для Потемкина²³. Баженов, Старов и французский архитектор Никола Легран стали основными исполнителями замысла создания идеального образа архитектуры Российской империи, как он представлялся Екатерине II в первой половине ее царствования²⁴. Таким образом, первая плеяда выдающихся русских архитекторов получила аутентичное знание обо всех достижениях европейской архитектуры, в течение ряда лет знакомясь с постройками и городскими ансамблями Франции и Италии. Во Францию направлялись не только архитекторы. Ее посетили

также скульпторы И.В.Прокофьев, живописец П.М.Гринев. И.Фирсов стажировался в Париже в 1765-1768 гг.

В 1767 г. правом пенсионерской поездки во Францию и Италию был награжден выдающийся русский скульптор Ф.Шубин. Окончив в 1766 г. Академию художеств в Петербурге, он совершенствовался в Италии и Франции. В Париже он учился у Пигаля, в Англии – у Ноллекенса. Его сокурсник Ф.Гордеев в 1767 г. был послан пенсионером в Париж, где он учился у известного скульптора Лемуана. Скульптор огромного дарования М.И. Козловский в 1774 г. посещал натуральный класс Французской Академии в Риме.

Заграничная поездка позволяла выпускникам Академии на месте знакомиться с европейским искусством, посещать музеи, выставки, картинные галереи. В 1770 г. было введено в правило, чтобы каждый ее пенсионер увидел и Париж, и Рим (посылаемые менялись местами). Пенсионером в Париже (1770-1773) и Риме (1773-1776) побывал Архип Иванов. В 1789 г. вышла его книга «Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев и Примечание о портретах». Первая часть была переведена с итальянского, вторая – с французского. Таким образом, теоретические основы классического искусства и его современных интерпретаций закладывались в России в переводах европейских авторов. Первые русские, более оригинальные сочинения (И.Урванова, П.И. Чекалевского) на эту тему появились в 1790-х гг.

Для опеки над пенсионерами Академия имела во всех главных городах Европы своих агентов. Присматривая за нравственностью и обучением пенсионеров, они также осуществляли связь русских художников с местным обществом и способствовали их знакомству с западными идеями. Так, первым опекуном в Париже русских пенсионеров в 1760-е гг. был русский посланник Д.А.Голицин. По прибытии партии пенсионеров в 1767 г. (Ф.Шубина, И.Иванова, П.Гринева) Голицин послал за Д. Дидро, который «обещал всякое прилагать старание вспомоществовать во всяких случаях»²⁵. Пенсионеры обязаны были посылать в Академию «журналы» о «достопримечательностях», доводя до сведения читающих в России свои заграничные, прежде

всего, профессиональные, впечатления. То есть, помимо персональных впечатлений и навыков самих пенсионеров, в Академии постепенно накапливалась информационная база о разнообразных произведениях европейского искусства, их профессиональная оценка и критика, служившая обучению воспитанников Академии.

Первыми учениками, присланными Академией художеств в Британию, были О.Шишорин и В.Свешников, обучавшиеся там пять лет с 1780 г. Длительное пребывание в Италии, посещение Парижа отточили мастерство портретиста О.Кипренского (1782-1836). После окончания Академии художеств в Италию уехал Ф.Щедрин (1791-1830). Автор первого монументального здания времени Александра I, Казанского собора (1801-1811) русский архитектор А.Н.Воронихин (крепостной графа Строгонова) доучивался в Париже. За границей он изучал перспективу, пейзажную живопись и архитектуру. И.П.Мартос пробыл в Риме с 1774 по 1779 гг. К А.Е.Егорову, - одному из главных художников просветительского классицизма, «русскому Рафаэлю», слава пришла еще в годы его пенсионерства в Риме. Со дня возвращения из Рима стал знаменит и самый прославленный (до К. Брюллова) живописец русской Академии В.К.Шебуев.

В связи с политической нестабильностью во Франции в последние десятилетия XVIII в., в образовании русских художников стало неуклонно расти значение Рима. Политические события во Франции в конце XVIII столетия привели к изменению маршрута русских стажеров. В 1790-х гг. посылка пенсионеров в Париж прекратилась. В конце XVIII в. установился обычай посылать пенсионеров только в Рим, художественная жизнь которого протекала в тиши, среди античных руин и работ старых великих мастеров. Париж – рассадник революции и якобинства – был «противопоказан» русским художникам. Он был фактически недоступен для русских пенсионеров и в годы войн с Наполеоном. В Париж в начале XIX в. попали только Уткин (1803), которого Академия непременно хотела направить к знаменитому граверу Бервику, и портретист Рейхель (1810). Военная разруха тяжело отразилась на Академии, которая едва перебивалась в 1810-е гг. В эти годы в Рим пенсионером был направлен С.Щедрин, которому «суждено

было в 1820-х гг. вывести русский пейзаж на широкую мировую дорогу»²⁶. Очередная партия пенсионеров не смогла выехать за границу по финансовым затруднениям, – Кипренский ждал встречи с Европой одиннадцать лет²⁷. Итак, готовя кадры своих первых художников и архитекторов, Россия ориентировалась на лучшие образцы европейского искусства, посылая учеников в признанные художественные центры мира. В XVIII столетии ими являлись классическая Италия, давшая миру шедевры Возрождения и роскошная Франция, чьи изысканность и изощренность стимулировались придворной аристократией Людовика XVI.

Европа оставалась художественным образцом для деятелей русского искусства знати на протяжении XIX в. В становлении крупнейшего художественного критика второй половины XIX в. В.В. Стасова решающую роль сыграла поездка в Италию. В этой же стране долгое время провели Ф.А.Бруни и А.А.Иванов. В 1867 г. в качестве пенсионера Академии художеств по Италии путешествовал Н.Г. Ге.

Несмотря на безусловную значимость для художников искусства Италии и Франции, практически для всех без исключения пенсионеров Европа чисто географически начиналась с Германии. В начале XIX в. в Германию приезжали пенсионеры Академии художеств или Общества поощрения художеств, посылаемые на казенный счет (правительства либо Кабинета его императорского величества), а также на частные средства. Помимо осмотра галерей, музеев, достопримечательностей, копирования с оригиналов известных мастеров прошлого молодые живописцы работали над собственными произведениями²⁸. Братья Карл и Александр Брюлловы, пенсионеры Общества поощрения художеств, перемещались из Кенигсберга в Берлин, Дрезден, Мюнхен. Передвижник-пейзажист И.И.Шишкин несколько лет провел в Дюссельдорфе. Получив в 1860 г. большую золотую медаль за два вида местности Кукко, на Валааме, Шишкин приобрел вместе с этой наградой право на поездку за границу в качестве пенсионера Академии. В 1861 г. он отправился в Мюнхен, посещал там мастерские известных художников, а затем, в 1863 г., перебрался в Цюрих, где, под руководством профессора Коллера, считавшегося тогда одним из лучших живописцев, срисовывал и писал с на-

туры. Из Цюриха он отправился в Женеву с целью ознакомиться с работами Диде и Калама, а потом переехал в Дюссельдорф и написал там по заказу Н.Быкова "Вид в окрестностях этого города". За эту картину в Санкт-Петербурге Шишкин был удостоен звания академика. За границей, помимо живописи, он много занимался рисунками пером, и некоторые его произведения были помещены в дюссельдорфском музее рядом с рисунками перво-классных европейских мастеров. В Германии бывали В.А. Серов, А.Н. Бенуа, В.Д.Поленов, И.Е. Репин²⁹. А.К. Саврасов, В.И. Суриков, И.Е.Репин приезжали и в Швейцарию³⁰.

Париж снова становится привлекательным для художников во второй половине XIX в. В 1870-1880-е гг. в Париже жили и работали И.Е.Репин, В.И.Суриков, В.А.Серов, В.В.Верещагин, И.Крамской, В.Поленов, В.Васнецов, В.Перов³¹. Выдающиеся российские художники В.А.Серов, И.И.Левитан, К.А.Коровин, И.Э.Грабарь изучали художественные приемы французских импрессионистов. Их воздействие очевидно сказалось на творчестве К.Коровина, И.Грабаря, Ф.Малявина и П.Трубецкого. Специалисты утверждают, что влияние художественных школ России и Франции было взаимным и творческим³². Долгие годы в Париже прожил российский скульптор М.М.Антакольский (1843-1902), здесь была его мастерская, здесь он умер. В Париже учились и практиковались у известных мастеров выдающиеся русские скульпторы С.Т.Коненков, В.И.Мухина³³.

В Париже бывал А.И.Куинджи. В 1898 г. он вывез целую группу своих учеников за границу, показав им памятники искусства и музеи Германии, Франции и Австрии. И.И.Левитан, «научившийся разбираться в самом себе, только побывав на Парижской выставке 1889 г. и оценив достижения барбизонской школы», в 1898 г. выставлялся в Мюнхене на выставке "Secession", в 1900 г. - на всемирной выставке в Париже. В 1888 г. совершил заграничную поездку М.В.Нестеров, ощутивший влияние не только Фра-Анжелико, Мантеньи и Боттичелли, но и Павюса де Шаванна. В 1900 г. из поездки в Париж и Венецию Рерих привез «замечательно посветлевшие краски», расставшись с «неоакадемическими приемами»³⁴. О влиянии крупнейшего художника австрийского модерна Г.Климта (1862-1918) на

русское искусство можно говорить на примере творчества А.Я. Головина (1863-1930) и В.Д.Милиоти (1875-1943)³⁵.

Таким образом, мироощущение русских художников складывалось в постоянном общении с передовыми культурными и художественными кругами Европы. Главным спонсором и распорядителем потоков русских художников для зарубежного обучения было государство – инициатор и проводник европеизации России, которая представлялась привлекательной до тех пор, пока не угрожала государственным устоям империи. Как только Франция стала потенциально опасным рассадником крамольных идей, ведущих к расправе над законным монархом, это направление для поездок российских подданных было закрыто. Вплоть до второй половины XIX в. Италия и Рим оставались Меккой европейских художников, куда русская Академия продолжала посылать своих стипендиатов. Участвовавшие поездки русских художников за рубеж (прежде всего в Париж) во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. послужили мощным импульсом для развития отечественного искусства, создания российских художественных шедевров. Из названных выше имен блестящих русских живописцев и скульпторов складывается яркая палитра национального русского искусства, возникшего и развивавшегося в непосредственной связи с мировой художественной культурой и ее признанными центрами.

Русские композиторы в Европе. Становление русских композиторов также происходило в тесном взаимодействии с европейской музыкальной культурой. Начиная со второй половины XVIII в., музыкальная Европа становится школой для наиболее талантливых музыкантов Российской империи. В Италии в 1768-79 гг. у Галуппи учился выдающийся русский композитор церковной музыки Д.С.Бортнянский. Он гармонизировал старинные знаменные напевы по правилам современной ему европейской композиции.

Сын канонира полковой артиллерии Е.Фомин, приобретая начальное музыкальное образование у пианиста Буини в Академии художеств в Петербурге, был командирован в Италию (1782-85) и получил диплом академика в Болонье, у знаменитого контрапунктиста Джамбаттиста Мартини³⁶. Творчество Е. Фомина достаточно обширно, он написал не менее 10 опер.

Гениальный композитор, основатель национальной русской музыкальной школы М.И.Глинка в 1830 г. находился в Италии, где познакомился с Мендельсоном, Поллини, Беллини, Доницетти и др. Пребывание в Италии поставило его ближе к вокальной музыке и научило искусству писать для голоса. Попытки сочинения в итальянском вкусе скоро убедили его в том, что он "не может быть искренно итальянцем", и невольно подготовили поворот в сторону национальной русской музыки. Решающее значение для дальнейшего музыкального развития Глинки имели его систематические, хотя и непродолжительные (около 5 месяцев), занятия теорией композиции с Деном на обратном пути в Россию через Берлин (1833). Ден, по словам Глинки, привел в порядок не только его теоретические знания, "но и идеи об искусстве вообще", дав ему впервые возможность "работать не ощупью, а с сознанием". В Берлине Глинка познакомился с пианистом Бергером, автором фортепианных этюдов, учителем Мендельсона. Здесь же начинают оформляться его мысли о национальной музыке, и складываются некоторые темы, вошедшие потом в "Жизнь за Царя". Из-за границы Глинка возвращается уже готовым мастером³⁷.

В 1845 г. Глинка вновь собрался за границу, сначала в Париж, где познакомился с Берлиозом и дал концерт из своих сочинений, вызвавший статью Берлиоза "Michel Glinka" ("Journal des Debats"), в которой впервые музыкальный гений Глинки получил верную и лестную оценку от величайшего музыканта Франции. Из Парижа в мае 1845 г. Глинка отправился в Испанию, где уже осенью была готова его первая испанская увертюра на тему "Арагонской хоты". Проведя здесь целых два года в поездках из одного города в другой, Глинка весной 1847 г. двинулся обратно на родину через Германию и Австрию. Прожив в Петербурге до конца мая 1852 г., Глинка снова уехал во Францию, собираясь оттуда в Испанию, но вернулся в Париж, где оставался до весны 1854 г. Весною 1856 г. он выехал с целью серьезного изучения средневековых церковных ладов в Берлин к своему старому учителю Дену и ревностно принялся за работу, прерванную смертью на чужбине 3 (15) февраля 1857 г.

Творческой деятельностью Глинки заканчивается переходный период истории русской музыки, начавшийся в XVIII в. широко-масштабным вторжением европейской культуры. Усвоение западных средств и форм выражения завершилось и уступило место самостоятельному творчеству. Глинка первый создал блестящие образцы национальной русской музыки, оставаясь в то же время европейцем в своих стройных и изящных оперных и симфонических формах, строгих основах гармонии и колоритной инструментовки, от которой ведут начало такие мастера оркестра, как Балакирев, Римский-Корсаков, Глазунов, Бородин и другие³⁸.

Таким образом, крупнейшие национальные фигуры русской музыки и ряд менее известных широкой публике музыкантов обучались своему искусству в Европе. Их знакомство с европейской музыкальной культурой явилось строительной площадкой, фундаментом, на котором впоследствии возвысилось грандиозное здание русской музыки.

Другие категории российского населения в Европе. Помимо деятелей искусства, в Европу для получения образования или повышения своей профессиональной квалификации отправлялись студенты (по самым приблизительным подсчетам в течение XVIII - начала XX вв. в европейских университетах обучалось и стажировалось более 20 000 человек из России); в производственных целях и для знакомства с новейшими технологиями за рубеж выезжали десятки инженеров, владельцев и управляющих заводов, иных предприятий.

Невольными наблюдателями европейской жизни оказывались сотни тысяч солдат и офицеров русской армии, участвовавших в военных действиях на территории Европы самостоятельно или в тесном контакте с союзниками. Среди военных действий русских в XVIII - начале XX вв. на западном направлении выделяются: Северная война (1700-1721); (на саксонской службе в 1704-1706 гг. находился русский вспомогательный корпус, насчитывавший почти двадцать тысяч русских солдат и офицеров³⁹); кампания 1705-07 гг. в Польше, пребывание русских войск в Померании в 1712-1714 гг.; посылка русских войск в союзный Мекленбург и Данию в 1716-17 гг.; русско-шведская война 1741-43 гг.; участие России в Семилетней войне, (совместные действия с союзниками

Австрией, Францией, Испанией, Саксонией и Швецией против Пруссии, Великобритании и Португалии) в 1756-1762 гг.; русско-шведская война 1788-1790 гг.; разделы Польши в 1792, 1793, 1795 гг.; голландская экспедиция 1799 г.; итальянский и швейцарский походы А.В.Суворова 1799-1800 гг.; русско-австро-французская война 1805 г.; русско-пруско-французская война 1806-1807 гг. (коалиция Англии, России, Пруссии, Саксонии, Швеции против Франции); русско-шведская война 1808-1809 гг., где Россия в союзе с Данией воевала против Швеции и Англии; Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии 1813-1814 гг. В 1813 г. были созданы совместные армии: русско-австрийская, русско-прусская и русско-шведская. В каждой из них численность русских войск была не менее 100 тыс. человек. Кроме того, в 1813 г. боевые действия в Европе вели ополченцы, которые после их окончания были распущены по домам. Они вернулись в родные деревни из Европы не только с массой впечатлений, но и с вещами, каким-то образом доставшимся им, а часто награбленными в походах. В 1815 г. во Франции был создан Русский оккупационный корпус численностью порядка 20-30 тыс. человек. И наконец, за время Первой мировой войны 1914-1918 гг. в армию было мобилизовано более 25% взрослого мужского населения страны.

Впечатления офицеров и солдат, вернувшихся на Родину, были аутентичным источником информации для того круга людей, с которым они общались. Война - как одна из форм межкультурного взаимодействия, открывала широкий фронт для восприятия инокультурного опыта. Этот канал знакомства с западным миром «отворялся» государством и втягивал большие массы людей. Численность регулярной армии Российской империи на протяжении ее существования колебалась от 220 000 человек личного состава при Петре I (1/64 всего населения) до 1 млн человек. (К началу 1880 г. по спискам числилось 32 019 генералов и офицеров и 894 094 нижних чинов.) В подавляющем большинстве они были выходцами из обычной крестьянской среды. Размещаясь на постой в деревнях, в крестьянских избах, солдаты делились своими впечатлениями об увиденном в заграничных походах. Перевод армии в казармы - и прекращение

нерегламентированных контактов с населением - начался лишь во времена Александра II, а окончательно войска стали расквартировываться в казармах в царствование Александра III. Таким образом, война давала невольную возможность наблюдать жизнь и быт за пределами своей страны большим массам людей. Высокая смертность солдат и пленных (вероятно, до 50%) резко ограничивала их потенциал как передатчиков информации. Тем не менее, общение с европейскими соратниками по оружию, восприятие зарубежных особенностей и условий жизни, и даже пребывание в плену давало пищу наблюдательному уму и обсу-ждалось по возвращении на родину.

Итак, два века приобщения России к Европе дали колоссальный опыт межкультурной коммуникации. Конечно, в некоторых случаях от заграничных поездок русских обучающихся (особенно в XVIII в.) было немного проку и «по возвращении домой с этих проводников культуры легко свеивались иноземные обычаи и научные впечатления, как налет дорожной пыли, и домой привозилась удивлявшая иностранцев смесь заграничных пороков с дурными родными привычками»⁴⁰. Но в целом россияне, вернувшиеся из зарубежных поездок, составили то ядро, которое определило и направило развитие высокой и повседневной культуры в России. Опыт, усвоенный во время обучения, путешествий, пребывания с другими целями за рубежом, в существенной степени влиял на кругозор и отношение к делу русских людей, многие из которых, будучи авторитетами в своих профессиональных областях, являлись проводниками передовых подходов в разнообразных сферах современной культуры.

В зависимости от личности человека и его социальной принадлежности, целей выезда в Европу, русские, по возвращении на родину, везли с собой художественные произведения, тетрадки с конспектами лекций европейских профессоров, альбомы и дневники с повседневными впечатлениями, минералогические и прочие коллекции, механизмы или понюшку табаку. Но все они получали представление об отличиях европейской и русской жизни, распространяли эти знания среди людей, с которыми они общались, внедряли в свой быт, участвовали в формировании новой предметной и представленческой среды, наполняя отечественную действительность европейскими идеалами и артефактами.

1.2 Европейцы в России: национальный состав, география проживания и основные виды деятельности

Европейская культура воспринималась жителями России и у себя на родине. Определённое число европейцев подолгу проживало в России, традиционно сосредоточиваясь в российских столицах и значимых городских центрах. Помимо Новонемецкой слободы на Яузе в Москве, особые слободы для иностранцев существовали в Архангельске и Вологде. Например, в Архангельске в 1710 г. имелось 35 иноземских дворов. В Москве в 1702 г. было учтено 2 тыс. чел. иностранцев (около 2% всего населения). В конце 1720-х гг. мастера-иноземцы составляли около 1% от ремесленного населения Москвы. К концу 1730-х гг. иноземцев насчитывалось более 2,5 тыс. чел. из более 140 тыс. жителей, к концу XVIII в. их число возросло до 10 тыс. (3,3%)⁴¹. В 1810 г. из порядка 300 тыс. населения Москвы иностранцами были 2 950 чел.⁴². В Петербурге в 1750 г. количество иностранцев составляло 6 тыс. чел. (около 8% населения), а в начале XIX в. – 35 тыс. (9%)⁴³. В абсолютном выражении и по доле в общей численности населения городов, наибольшее число иностранцев сосредоточивалась в Петербурге. Как же распределялись иностранцы на территории Российской империи по странам выхода?

Немцы. Общая численность немцев в России в ее современных границах в начале XVIII в. не превышала 5-6 тыс. чел.⁴⁴. К 1760-м гг. их число было не более 10 тыс.⁴⁵. Наибольшее количество немцев, конечно, сосредоточивалось в столицах. На рубеже XIX в. доля немцев в Петербургской губернии равнялась всего 0,2% ее населения, по 10 ревизии (1858 г.) - уже 9,3%. В «северной столице» в 1897 г. немцы составляли 4% населения города (более 50 тыс.). По данным городской переписи 1912 г. в Санкт-Петербурге проживало около 47 тыс. человек, признававших родным немецкий язык.

В Москве в конце XVIII в. немцев насчитывалось не более 3 тыс. человек (около 1,5% всех жителей)⁴⁶. Через столетие, в 1897 г. – 17,7 тыс. (1,7% всех жителей). В канун Первой мировой войны Москва представляла второй после Петербурга городской центр германоязычного населения в России. В Москве

перепись 1912 г. зафиксировала среди российских подданных 21,3 тыс. «немецкоговорящих», а кроме того 7,2 тыс. человек германских подданных. Немцы являлись второй по численности группой населения города после великорусов (общее количество жителей Москвы — 1 539 тыс. чел.), опережая все остальные национальные группировки, в том числе поляков (17,2 тыс.), татар (9,7 тыс.) и евреев (6,7 тыс. чел.).

По традиции, восходящей еще к допетровским временам, уроженцы германских земель играли заметную роль в торгово-промышленной жизни Москвы. В особенности влияние немецких по происхождению предпринимателей усилилось во второй половине XIX в., когда Россия вступила на путь индустриализации. По сведениям на 1912 г., приводимым Ю.А.Петровым, из 7,2 тыс. москвичей — германских подданных 969 чел. (13,5%) являлись владельцами промышленных и торговых заведений с наемными рабочими, 233 чел. (3,5%) жили на «доход с земли и капитала», то есть вели жизнь рантье, а основная масса (2 661 чел., или 36%) были заняты в торгово-промышленной сфере в качестве служащих. Поселяясь в Москве, немцы со временем пускали здесь глубокие корни, проводя большую часть жизни в России и передавая свои предприятия наследникам, для которых Москва уже являлась родным городом. Так, из тех же 7,2 тыс. жителей Москвы — германских подданных — родилось в городе 2,8 тыс., а из остальных родившихся вне Москвы 4,4 тыс. человек около половины (1,9 тыс.) прожили здесь десять и более лет. Приводимая статистика характеризует наименее русифицированную часть немецкоязычного населения города, которая сохраняла изначальное подданство (так называемые «*reichsdeutsche*»). Многие же из германских переселенцев становились подданными Российской империи («*russlanddeutsche*») и юридически иностранцами не значились⁴⁷.

Еще де Кюстин заметил, что в России «иностранные очень скоро утрачивают национальные черты, хотя и никогда не растворяются среди местных жителей»⁴⁸. Даже второе-третье поколение германских переселенцев, прочно осевшее в России, сохраняло языковую и религиозно-культурную автономию, оставаясь немцами по менталитету, быту и укладу жизни. Многие из

российских немцев становились предпринимателями, коммерсантами, юристами, преподавателями, деятелями искусства, врачами, аптекарями. Немецкий исследователь русско - германских связей К. Шлегель пишет о тесных контактах и постоянной взаимосвязи русских и немцев на рубеже XIX-XX веков. «Движение между Москвой и Берлином, Петербургом и Мюнхеном было чем-то само собой разумеющимся. В крупных городах Германской империи существовали русские общины, в Российской империи – немецкие... В образованных кругах двух- и трехязычие были не исключением, а скорее правилом. Крупные фирмы имели представительства в промышленных центрах и провинциальных городах... Немец присутствует в Российской империи не только как идея, но как инженер, фабрикант, банкир. В свою очередь, Россия в германском рейхе появляется в виде русских курортников, регулярно наезжающих в Бад-Эмс и Баденвейлер, в образе русских студенческих землячеств... В этом едином цивилизационном пространстве существует нечто вроде общих стандартов, которые в Санкт-Петербурге выглядят не иначе, чем в Берлине или Вене»⁴⁹.

Достаточно большой была колония немцев, проживавших в Екатеринбурге в первой половине XVIII в. Наряду с мастерами горного дела, здесь жили лекари, аптекари, учителя, торговцы, портные и т.д. В Александровскую эпоху значительная доля небольшого Златоуста приходилась на немецких мастеров (в 1818 г. вместе с семьями их проживало около 450 человек). Перенос своих обычаев, традиций, сам вид иностранных поселенцев, резко контрастировавший с внешностью коренных уральцев, позволили современнику, редактору «Отечественных записок» П.П. Свиньину писать о Златоусте, как об уголке «Германии, перенесенном в Уральские горы». И город, и сама оружейная фабрика порождали иллюзию сходства с Золингеном или Клингенталем «те же лица, та же одежда, тот же язык»⁵⁰. На работу в новый Ижевский завод было приглашено 140 иностранных мастеров-оружейников, в основном немцев, шведов, датчан, бельгийцев. Для них специально были выстроены в итальянском стиле усадьбы, выделявшиеся в архитектуре города⁵¹.

В конце XIX в. в Одессе жило 10 248 немцев (2,5%), в Саратове – 8 367 (4,2%)⁵². В остальных частях империи немцев было немного. В основном они сосредоточивались в Белорусско-Литовском регионе, в некоторых районах Северного Кавказа, Закавказья, Сибири и Казахстане. Все немецкое население Западной Сибири в 1914 г. составило примерно 75 тыс. человек⁵³. Многочисленные немецкие поселения существовали со времен Екатерины II в Поволжье и Новороссии. Подавляющая часть немецких переселенцев осела в России на территории Саратовской губернии, ставшей землей обетованной для многих поколений немцев. За сто лет, с 1764 по 1864 г., в Поволжье было основано 190 немецких колоний. Только в 1764-1766 годах в Саратовской и Самарской губерниях было образовано 102 колонии с численностью населения около 50 тыс. человек⁵⁴. В начале XX в. немцы вышли на девятое место по численности среди народов Российской империи. С конца XVIII в. по 1914—1917 гг. удельный вес немецкого этноса в России вырос с 0,6% до 1,4% населения страны, а численность—с 237,1 тыс. до 2 448,5 тыс. человек.

Во многих российских городах славились лавки немецких часовщиков, колбасников, булочников. Так, правом устанавливать башенные часы в городах России обладала немецкая фирма «Фридрих Винтер». Немцы не только усовершенствовали технологию хлебопечения, «изобрели тестомесилку, но и обогатили русский язык словом «крендель» (от немецкого «Krengel»)»⁵⁵. Как здесь не вспомнить строки из «Евгения Онегина» «И хлебник, немец аккуратный, В бумажном колпаке, не раз Уж отворял свой васисдас». Среди российских дворян и состоятельных городских слоев славились мебель мастера Гамбсов. Основатель фирмы Генрих Гамбс приехал в Петербург в конце XVIII в., проработал там почти сорок лет, принял русское подданство, и около 1830 г. передал дело сыновьям. Фирма была поставщиком императорского двора. Со временем «гамбсова мебель» прочно вошла в русский быт и в русскую литературу⁵⁶. Но Гамбсы были не единственными мебельщиками. В XIX в. в Петербурге работали Х.Мейер, Ф.Гроссе, И.Бауман, А.Тур, Ф.Мельцер и другие⁵⁷.

Многие семейства немцев вырастали в целые династии. В Петербурге были известны четыре поколения семьи Кёниг. «Ио-

ганн Георг Кёниг – питерский булочник, его сын – Леопольд Георг, богатый сахарозаводчик, известный в России как “Zucker Koenig” («сахарный король»), внук и правнук – владельцы крупной бумагопрядильни «Леопольд Кёниг»⁵⁸. На последнем из названных предприятий не применялся детский труд, все рабочие были застрахованы владельцем от несчастных случаев, при фабрике было построено недорогое жилье для рабочих, бесплатные читальня, вечерняя школа, больница.

Немецкое купечество в Петербурге во второй половине XIX в. было представлено именами Блессингов, Шписов, Брандтов, Бекелей, Тильмансов, Фроне и др. «Единственной в своем роде фигурой среди немецких коммерсантов XIX века был Генрих Эрнст Шлиман»⁵⁹. В северной столице он прожил около 20 лет, здесь жила его русская жена и трое детей, именно в Петербурге он изучил древнегреческий язык и читал Гомера, «наконец, именно здесь он нажил состояние, позволившее ему отправиться на поиски загадочной Трои»⁶⁰. Свое двух с половиной миллионное состояние Шлиман сделал, в том числе, на контрабандных операциях с селитрой и порохом во время Крымской войны.

За пределами столичных городов немцы также были преимущественно заняты в сферах обслуживания населения. В 1897 г. в Перми большой процент немцев приходился на долю прислуги (18%), в образовании, науке, здравоохранении было занято 17%. В учебных заведениях города преподавали Л.Ф.Фарб, М.Ф. фон Фесинг, Н.Я.Клинберг. Железнодорожное училище возглавлял А.И.Бер. Ректором Пермского университета был В.К. Шмидт. Среди врачей выделялись В.И.Циммерман, Э.И.Берг, В.К. Фришман. 10% немцев служили в вооруженных силах; на общественной и государственной службе и на транспорте было задействовано по 9%. Делопроизводителем Губернского правления был Н.Ф.Дрейер, председателем Пермского окружного суда – барон А.Н.Зальц. В обрабатывающей промышленности трудились 8% немцев; торговлей, питейным, мелким и точным производствами занимались по 3%, изготовлением одежды, работой на почте и в торговле – по 2%, в бумажном деле, в трактирах и гостиницах было задействовано по 1%⁶¹. Итак, профессии аптекаря, врача, булочника, колбасника, пивовара, часовщи-

ка, металлиста - то есть тех людей, с которыми российские обыватели сталкивались повседневно - были приоритетно немецкими, а немецкая диаспора в России – самой многочисленной.

Однако помимо немцев, самостоятельно выбравших Россию в качестве своего постоянного места обитания, часть их соотечественников оказалась на нашей земле не по своей воле. Миллионы офицеров и солдат Центральных держав попали в русский плен в период Первой мировой войны. Авторы работ по истории военнопленных приводят разные цифры о их численности: от 1,9 до 2,4 млн. человек (около 500 тыс. венгров, 250 тыс. чехов и словаков, 190 тыс. немцев). Количество военнопленных, занятых в экономике России в 1918 г., составляло приблизительно 1,5 млн. человек⁶². К началу 1917 года, по данным Главного управления Генштаба русской армии, на территории Омского и Иркутского военных округов было размещено более 240 тысяч военнопленных. Подавляющее большинство (99,4%) составляли военнослужащие армий Австро-Венгрии (223,7 тысяч) и Германии (18,2 тысяч). Пленные использовались как массовая рабочая сила. В 1915 г. в горнозаводской промышленности Урала военнопленные составляли 17,1%, а в наиболее крупных округах региона процент военнопленных к общей массе достигал 27,5%, увеличившись к ноябрю 1917 г. до 44%⁶³. К лету 1917 г. в Донбассе, подмосковном и западносибирском каменноугольном бассейнах около 30% рабочих, в металлургической промышленности Юга России более 25%, в железнорудной – около 60% составляли пленные⁶⁴. Военнопленные активно привлекались к благоустройству российских провинциальных городов, сельскохозяйственным работам⁶⁵. Тысячи пленных, ставших экономически и отчасти политически составляющими русского социума обрели многие права русских граждан де-факто, что по мнению исследователей данного вопроса, позволяет «говорить о начавшемся процессе их фактической массовой натурализации в России»⁶⁶.

Шведы. В Петербурге с начала его строительства шведы селились в основном на Адмиралтейском острове и в местности Финские шхеры (район современных улицы Миллионной и Аптекарского переулка). Шведы-лютеране, взятые в плен в ходе Северной войны, прокладывали «Невскую перспективу», участвовали в строительстве многих зданий.

Большое количество пленных было взято русскими войсками в крупных боях первых десятилетий Северной войны. Только под Полтавой и на Переволочной было пленено около 20 тыс. шведов. Среди них премьер-министр граф Пипер, королевский секретарь Цедергельм, фельдмаршал Реншильд. Пленные были распределены по различным российским городам, где они провели более 10 лет. В 1717 г. именным указом шведским пленным предлагалось вступить в гражданскую службу, обещалось довольное жалование, деньги на проезд, «чинилось всякое споможение»⁶⁷. Указом 1718 г. шведские военнопленные вновь приглашались в гражданскую службу⁶⁸. В 1721 г. Манифестом Петра I им были дарованы не только права русского подданства, но и целый ряд льгот, даже не обусловленных принятием православия. Пленным шведам, пожелавшим остаться в России, предоставлялось право приобретать земельную собственность и владеть крепостными крестьянами, «вступать в супружество», становиться купцами, заниматься торговлей и промыслами⁶⁹.

В конце 1710-х гг. пленных разместили в Астрахани, Казани и в Архангелогородской губернии, около 9 тыс. пленных шведов было отправлено в Сибирь⁷⁰. Шведы занимались изготовлением игральных карт, табакерок, шли в музыканты, артисты, учителя, нанимались слугами, участвовали в экспедициях. Они работали на мануфактурах, в мастерских, учреждениях, тесно контактируя с местным населением и порой роднясь с ним. Часть из них приняла православие. По некоторым данным около 40% - осталось на новой родине. В начале XVIII в. Сибирь стала местом поселения основной массы шведских пленных (по некоторым оценкам до 20 тыс.), значительную часть которых составляли немцы, состоявшие на службе Карла XII. Духовным центром их пребывания стал Тобольск «не только в силу своего административного положения, но и, прежде всего, благодаря созданию в городе силами немецких офицеров-пиетистов собственной школы. На целое десятилетие (1712-1721 гг.) эта школа стала центром контактов Сибири и Германии, а также связей пленных со своими единомышленниками из числа российских немцев в Москве»⁷¹. По типу немецких школ пиетистов военнопленный шведской армии капитан К.Ф.Вреех в 1712 г. открыл в

Тобольске школу для шведских и немецких детей, в которой преподавание велось на немецком языке, а среди учеников были и русские дети, а также украинцы, монгол и эвенк. Школа действовала до заключения Ништадтского мира. В 1721 г. в ней обучалось 73 ученика. Помимо Тобольска это были дети из Верхотурья, Епанчина, Енисейска, Соликамска⁷². Вреех состоял в личной переписке с лидером немецких pietистов А.Франке, получал из Германии книги и деньги⁷³. У школы Врееха не было приемников, такое образование не привилось в Сибири. Труд пленных шведов использовался на заводах Урала. Так, в 1722 г. в Москву прибыло 359 шведов, работавших до того на Алапаевском, Каменском и Невьянском заводах⁷⁴.

Во время русско-шведской войны 1788-90 гг. около 5 тыс. шведов попало в плен. Конечно, смертность среди пленных во все времена была очень высока. Из указанной цифры умерло порядка 3,5 тыс.

С первой четверти XVIII в. в Санкт-Петербурге существовала шведская община. В середине XIX в. шведский лютеранский приход св. Екатерины в Петербурге насчитывал 6 229 прихожан. К середине 1880-х гг. она увеличилась до 6 829 чел. Всего по приблизительным подсчетам, в России проживало около 200 тыс. шведов-лютеран⁷⁵.

Французы. Что касается других иностранных диаспор в России, то они были относительно немногочисленны. В 1716 г. в Петербург вместе со знаменитым французским архитектором Ж. Леблонном прибыла целая команда резчиков, рисовальщиков, литейщиков, камнерезов, ювелиров, плотников и других ремесленников-французов. Рядом с дворцом А.Меньшикова на Васильевском острове для них были построены казенные дома, «вытянувшиеся вдоль улиц-линий и образовавшие поселение под названием Французская слобода»⁷⁶. Французы жили вместе со своими семьями и работали здесь же, в слободе, в двух десятках самых разнообразных мастерских. В Москве французы и другие иностранцы издавна селились на Кузнецком мосту, где располагались французские, немецкие, голландские лавки.

На протяжении всего XVIII в. поток французов, направлявшихся в Россию возрастал, увлекая за собой инженеров, врачей,

офицеров, воспитателей, живописцев, зодчих, ремесленников. В «просвещенный век» Екатерины иметь в семье француза-губернера или учителя сделалось признаком хорошего тона. В это время в Петербурге проживало порядка 1 500 французов⁷⁷. В основном губернерами становились люди далеко не лучшего свойства. Французский дипломат при дворе Екатерины II де Корберон ужасался: «Как плохо представлена здесь наша нация! Сюда едут одни подонки нашего общества»⁷⁸. Другие французские наблюдатели подтверждали это мнение: «все губернеры, которые получают здесь 400-500 рублей в год, имеют бесплатный стол и квартиру, вышли из бывших барабанщиков, лакеев, фореиторов и компаньонов»⁷⁹.

Накануне Французской революции в России насчитывалось около 10 тыс. французов⁸⁰. Бурные события рубежа XVIII-XIX вв. привлекли в Россию новую волну французских граждан. От ужасов революции сюда бежали брат казненного короля граф д'Артуа, принц Ж.Л.Конде, любимая портретистка Мари-Антуанетты Э.Л. Виж-Лебрен и масса рядовых французов. После поражения революции в России оказались ее участники и сторонники, в том числе танцовщик Ш.Дидло, военный инженер, друг Ж.П. Марата С. Сенновер, родной брат Марата – Давид. Последний, переименовав фамилию на де Будри, преподавал французскую словесность в Царскосельском лицее, в том числе А.Пушкину. После реставрации Бурбонов в России оказались сторонники Наполеона, в числе которых был наполеоновский гвардеец, будущий знаменитый архитектор О.Монферран. В конце 1810-х гг. численность французской колонии в Петербурге достигла почти 4 тыс. человек⁸¹.

Большое число французов оказалось в России вынужденно – как пленные - в период Отечественной войны 1812 г. В её ходе русскими было взято в плен по некоторым (в своем верхнем значении, очевидно, завышенным) оценкам от 100 тыс. до 200 тыс. человек. Они вывозились в отдаленные губернии России: Ярославскую, Костромскую, Вологодскую, Пермскую, Вятскую. Именным указом от 4 июля 1813 г. военнопленным было дозволено вступать в подданство России, а через месяц новый указ предусматривал снабжение вступивших в российское подданство

паспортами⁸². Грамотные или сколько-нибудь пригодные распределялись по дворянским усадьбам в качестве гувернёров, работниками в губернские, уездные правления; мастеровые приписывались к казенным заводам и мануфактурам. Сын известного русского экономиста К. Арнольда вспоминал: «Редкий был тогда дом, в котором не встречалось бы пленного француза: иметь у себя «своего» француза – это установилось тогда само собой для каждого «порядочного дома»⁸³. Однако не только дворянские семьи принимали в свои стены пленных французов. «Просветителями этой эпохи сделались бессмысленные остатки от разбитой наполеоновской армии, когда пленных французов разбирали на расхват и вверяли им своих детей. Кухарки, прачки, сапожники и портные начали просвещать русских в разводимых им пансионах ... Эта несчастная эпоха продолжалась недолго, до 1820 г., но оставила гибельные последствия на целое столетие»⁸⁴.

Негласная перепись иностранцев, и прежде всего французов, вступивших в русское подданство в 1813-1825 гг., проведённая III Отделением, показала, что к концу 1837 г. большая часть бывших солдат «великой армии» оказалась в Москве и Московской губернии, где на 350 тыс. населения приходилось 3 229 иностранцев (в значительной части бывшие пленные и их дети). На 1 марта 1836 г. 710 чел. являлись ремесленниками, рабочими-мастеровыми и фабрикантами; гувернёров и слуг было 654 чел., купцов и приказчиков – 213 чел.⁸⁵.

В самом начале 1840 г. ограничения на въезд французов в Россию на постоянное место жительства временно ослабли. Развитию иммиграции способствовало установление в 1840 г. пароходного сообщения между Гавром и Санкт-Петербургом. С этого времени в Россию ежегодно уезжало 500-600 французов – преимущественно ремесленников и рабочих, их которых более половины были заняты в портновском и шляпном деле, другая половина включала в себя компаньонов, гувернанток, учительниц, приказчиков. Пожалуй, не было ни одного сколько-нибудь крупного города в империи, в котором не было бы французских модисток, гувернанток, парикмахеров, поваров, учителей танцев, музыки, фехтования, рабочих и пр. Первые рестораны в Петербурге в начале XIX в. открыли французы, и вплоть до 1830-х

гг. все рестораны столицы, назывались по-французски – «ресторасьон»⁸⁶. В 1846 г. современник писал: «По всем главным улицам всего Петербурга все вывески, все надписи – на французском языке»⁸⁷.

В 1850 г. число французов в России не превышало 8 тыс. человек. Из них 3 000 проживало в Санкт-Петербурге, от 600 до 800 в Москве⁸⁸. По данным 1912 г. французов среди москвичей было 2 800 чел⁸⁹. К 1910 г. численность французов в Петербурге составляла 3 700 человек. На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. они составляли от 0,5 до 0,2% по отношению ко всему населению столицы⁹⁰. Их основная деятельность сосредоточивалась в торговых домах, ателье, парикмахерских, ресторанах.

Бельгийцы. Значительным было присутствие в дореволюционной России бельгийцев. По одним данным в первые десятилетия XX в. их насчитывалось около 7 тыс., по другим – 22,5 тыс. человек⁹¹. По сведениям Э.Штольса, за период с 1884 по 1915 гг. 95 591 гражданин Бельгии официально въехал на российскую территорию. Помимо них 17 653 человека в течение 1890-1900, вероятно, курсировали туда и обратно, не задерживаясь в стране надолго⁹². То есть, в течение четверти века несколько десятков тысяч бельгийцев более или менее продолжительные сроки работали в России. География расположения предприятий с участием бельгийского человеческого, технического и финансового капитала была весьма широка: Варшава, Санкт-Петербург, Москва, Одесса, Харьков, Донецк, Ростов, Луганск, Тифлис, Кострома, Казань.

Бельгийские инженеры, техники проживали в этих городах, отлаживая, в частности, трамвайное движение. Среди бельгийских предпринимателей, «добравшихся» в последней трети XIX в. до Нижнего Новгорода, Екатеринославля, Нарвы, Брянска - Шарлье, Кадо, Садуан, Ван Вреком, Батай, Пельтцер и другие. Бельгийские агрономы и инженеры работали в крупных аграрных хозяйствах на Украине, на рафинадных заводах. Среди бельгийских рабочих было много стекольщиков, квалифицированных литейщиков, горняков, каменщиков. Бельгийцы работали гувернантками, садовниками, шофёрами, были владельцами различных небольших предприятий. Бельгийские художники и музыканты также обретались в России⁹³.

Швейцарцы. Точное число швейцарцев, появившихся на территории России в начале XVIII в. неизвестно: исследователи называют цифру в несколько сотен человек, преимущественно архитекторов, офицеров, деятелей искусства и ученых⁹⁴. С 1760-х гг. по середину XIX в. в Российскую империю швейцарцы прибывали группами. Например, в 1763 г. в Россию въехали сразу несколько тысяч семей⁹⁵. Швейцарцы не были столь многочисленны как немцы в потоке переселенцев, откликнувшихся на призыв Екатерины II заселить пустующие земли разросшейся империи, оглашенный в манифестах 1762 и 1763 гг. Однако, в период между 1763-1772 гг. не менее 1 тыс. швейцарцев осели, как и немцы, на Волге⁹⁶. После публикации в 1804 г. новых правил переселения в Россию, в Новороссийский край переселилось около 600 семей из Швейцарии.

Среди швейцарцев, оказавшихся в разное время на территории нашей страны, были учёные, архитекторы и строители (5,8%), домашние учителя и воспитатели (более 8%), педагоги (более 5%), ювелиры и часовщики, сыроделы (более 13%), кондитеры (более 21%), пекари, агрономы и виноделы (3,9%), врачи, инженеры (2%), предприниматели, торговцы (9%), военные, дипломаты и т.д. По подсчетам А.И.Степанова, швейцарцы, находившиеся в разное время в России, принадлежали более чем к 125 профессиям и трудились в 24 отраслях промышленности и сельского хозяйства⁹⁷. Причинами их отъезда с родины были экономические и социальные трудности, а поселения в России – потребности модернизирующейся страны в специалистах различных направлений. После 1900 г. в Россию массово устремились швейцарские сыроделы, вытесненные за пределы своей страны кризисом альпийского сыроварения.

Швейцарцы расселялись в 16 регионах Российской империи: большинство из них предпочитало европейскую Россию (центральная Россия, Северо-Восток, Юг, Санкт-Петербург, Москва, Рига, Киев, Одесса, Варшава), но были также переселенцы в азиатскую ее часть. Их жизнь и быт являли собой анклав альпийских обычаев в русском окружении. Это касалось веры, устройства построек, одежды, питания, воспитания детей, досуга. Среди швейцарцев, сыгравших видную роль в развитии культу-

ры и науки Урала – О.Е.Клер – основатель Уральского Общества Любителей Естествознания и его президент в 1909-1920 гг.

Ни у швейцарских, ни у отечественных исследователей нет единого мнения о численности швейцарских эмигрантов в России на рубеже XIX - XX вв. По данным переписи 1897 г. их было 5 902 чел. По мнению некоторых авторов, число швейцарцев вместе с семьями достигало 10 тыс. чел. «Специалисты сходятся во мнении: накануне Первой мировой войны колония выходцев из Швейцарии в России насчитывала около 30 тыс. человек»⁹⁸.

Англичане. К концу правления Петра I, по оценке Э.Кросса, в Петербурге постоянно проживало не более 200 британских подданных. В 1760-е гг. численность Британской общины выросла более чем вдвое. Перестраивая Царское Село, шотландский архитектор Ч.Камерон спроектировал по заданию Екатерины II вблизи его небольшой городок Софию. Он выписал из Англии камнерезов, художников, прочих ремесленников. 77 семей британских мастеров поселились в Софии на улице, названной Английской⁹⁹. «К началу 1780-х гг. английская церковь насчитывала 482 прихожанина, но это отражает лишь часть общей картины»¹⁰⁰.

К концу XVIII в. британская колония в Санкт-Петербурге насчитывала более 1 500 человек и была очень влиятельна¹⁰¹. В последние десятилетия в городе появились Английская библиотека, Английская гостиница, Английский кофейный дом, Английский магазин, масонская ложа «Совершенное согласие», и «самый эксклюзивный и респектабельный» Английский клуб. Членами Английского клуба в Петербурге со временем стали многие русские аристократы и деятели искусства: Г.Р. Державин, Ф.И.Шубин, И.А.Крылов, А.С.Пушкин. Они не только столовались и играли в клубе, но и пользовались его библиотекой, «газетной комнатой», общались и обменивались с британскими жителями Петербурга взглядами по самым разным вопросам современной жизни. Английский клуб, созданный в Петербурге в 1770 г., стимулировал создание нескольких других клубов и обществ, таких как Дворянский, Музыкальный (позднее Музыкальное общество), Танцевальный клубы¹⁰², а также «Бюргерского (или Шустеровского, по имени его основателя, где впервые в Петербурге появился импонирующий немецкой педантич-

ности гардероб с номерками¹⁰³). На берегу Невы располагалась Английская церковь, позже и сама набережная получила название Английской. Численность британской колонии в Петербурге к середине XIX в. достигла двух с небольшим тысяч человек, сохраняясь практически неизменным до Первой мировой войны¹⁰⁴. Это составляло лишь 0,2-0,3% населения столицы.

О Британской общине в Москве можно говорить применительно к двум первым десятилетиям XVIII в., до того, как дипломатический корпус разместился в Петербурге. Возродилась община в начале XIX в. В 1782 г. в Москве был образован собственный Английский клуб, но все же численность британских жителей в Москве была небольшой¹⁰⁵. По данным 1912 г. англичан среди москвичей была 1 тыс. чел.¹⁰⁶

Помимо Петербурга, Москвы, Архангельска, Екатеринбурга британцы проживали в Кронштадте на о.Котлин в Финском заливе. У британской Российской компании «был в Кронштадте агент, многие британские купцы держали там конторы, а многочисленная Британская община увеличивалась на сотни человек еще и за счет прибывавших моряков, а также путешественников»¹⁰⁷. Наряду с русскими церквями, в Кронштадте была и английская церковь, возглавлявшаяся капелланом, которого содержали купцы на свои деньги.

Датчане. Россия издавна имела контакты с населением Дании, но лишь в XIX веке их участие в экономической и культурной жизни Российской империи приобрело достаточно широкий масштаб и устойчивый характер. За период с 1875 по 1914 г. исследователи зафиксировали и изучили около 200 фактов переселений датчан в Россию. Пять самых крупных групп переселенцев составляли крестьяне, телеграфисты, инженеры, домохозяйки и специалисты по молочному хозяйству. Большинство из них осело на европейской территории России. Согласно российской переписи населения 1897 г., в стране проживало около полутора тысяч датчан¹⁰⁸.

Оценивая в совокупности масштабы иммиграции в Россию, необходимо подчеркнуть, что немцы, конечно, были самыми многочисленными, но не единственными представителями других наций на территории России, да и Россия не ограничивалась

столицами, Новороссией и Поволжьем. С 1857 по 1890 год чистая иммиграция в России составила около 300 тыс. человек. Из них 183 тыс., то есть более 60% были немцы. В последующие годы иммиграция еще более увеличилась. С 1881 по 1903 год она возросла до 830 тыс. человек. Доля иностранных подданных в Российской империи в 1858-1897 гг. выросла с 0,1 до 0,5%, а всего в 1828-1915 гг. чистая иммиграция в Россию составила 4,2 млн. иностранцев, большей частью из Германии и Австро-Венгрии¹⁰⁹.

Западноевропейское население в России в 1897 г. составляло относительно немного – порядка 300 тыс. чел., однако его роль в динамичном экономическом развитии русских городов, в распространении культуры модерна была значительна. В демографическом отношении иммиграция не оказала особо заметного влияния на численность населения России, как это было, например, в США, куда за годы периода рубежа веков иммигрировало более 20 млн человек¹¹⁰. Всего в 1897 г. на территории Российской империи (за исключением Финляндии) находилось 605 тыс. иностранцев разных национальностей, (т.е. 0,5% от всего населения империи): 158 тыс. немцев, 121,5 тыс. австро-венгров, 121 тыс. турок, 74 тыс. персов, 47,5 тыс. китайцев, 13 тыс. корейцев, 12,5 тыс. греков, 9,5 тыс. французов, 8 тыс. выходцев из Бухары, 7,5 тыс. англичан, 6 тыс. шведов, 5 тыс. итальянцев, 4 тыс. румын и 18 тыс. представителей других национальностей¹¹¹.

Западные европейцы, преимущественно городские жители, работали на транспорте, в промышленности, в коммерции или занимали руководящие посты. 40% из общего числа иммигрантов становились горожанами, в то время как уровень урбанизации среди собственных жителей империи не превышал 25%. Треть всех иммигрантов группировалась в четырех наиболее быстро развивавшихся городах: Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Тифлисе. Австро-Венгры и немцы были многочисленны в сельскохозяйственных колониях Южной России и в Волжском бассейне – 77% и 58% из них соответственно, жили в сельской местности. 82% французов, 78% итальянцев и 60% бельгийцев жили в городах¹¹².

Таким образом, большая часть немцев на территории Российской империи оказались здесь в качестве колонистов. Что каса-

ется выходцев из других стран, то они также ехали в Россию в поисках работы, богатства, или для обучения русских в той или иной сфере деятельности. Номенклатура востребованных специалистов в той или иной области знаний, ремесла или производства была чрезвычайно широка: доктора и аптекари, морские офицеры, кораблестроители, инженеры, механики, деятели искусства, портные, парикмахеры, разного рода ремесленники, промышленники, садовники, учителя и многие другие.

Выходцы из западноевропейских стран выступали в роли посредников между отечественными фабрикантами и иностранными поставщиками оборудования и сырья. Владение языками, естественное знание европейской торговой практики и правил позволяло представителям европейских диаспор в России обеспечивать надежную связь между русскими коммерсантами и их западноевропейскими партнерами, способствуя проникновению в российский быт большого ассортимента товаров европейского производства. Жившие в России иностранцы знакомили россиян со своими знаниями, умениями, обычаями, культурой, товарами через различные производства, театры, магазины, рестораны, клубы, гостиницы и пр.

1.3 Российская элита – связующее звено между Россией и Европой

Рассматривая каналы диффузии европейских инноваций в социальную практику Российской империи, нельзя обойти представителей правящей элиты. Роль верховных правителей в выборе курса развития страны непропорционально велика по сравнению с их мизерной долей в общем населении страны. Ярчайшим примером самодержца, волевым усилием повернувшим страну в сторону европейского прогресса был, конечно, Пётр I. Его преемники на троне, несмотря на периодически рецидивирующую традиционалистскую реакцию, в своей государственной деятельности постоянно апеллировали к административной и социальной практике европейских государств.

Поиск брачных партнёров на Западе был самым крепким залогом действительно кровной заинтересованности в приверженности западноевропейским стандартам развития. Браки царской семьи уже в XVIII веке стали носить межгосударственный, междинастический характер. Господствовавший в допетровской Руси взгляд на недопустимость браков православных с иноверцами был развенчан¹¹³. На протяжении столетия традиции семейных отношений все больше отходили от русских домостроевских времен, все шире воспроизводили западноевропейские стандарты. Возрастающая роль женщин в императорской семье свидетельствовала об устойчивом развитии европейской культуры в России, а русская императрица являла собой образец европейских манер, поведения и стиля для семей русской аристократии.

У всех императоров России (за исключением Николая II) матери были немецкими принцессами. Николай II был сыном Дамары Датской (Марии Федоровны), из династии датских Глюксбургов. Таким образом, по крови все русские цари были скорее немцами, чем русскими. Кроме того, среди их воспитателей и учителей – множество представителей Западной Европы. Р. Уортман выпукло показал, как являя себя чужестранцами или подобными чужестранцам, русские монархи и их приближенные утверждали неизменность и неизбежность своего дистанцирования от населения, которым они правили. «Конечно, русскую политическую символику и мифологию пронизывал и национальный подтекст, но до конца XIX века он оставался лишь антитезой, постоянно подавляемой господствующим мотивом чужеземности»¹¹⁴. Западные прецеденты оставались образцами для российских правителей и их элит вплоть до 1881 г., после кровавых событий которого император Александр III стал всячески подчеркивать национальный характер монарха.

В контексте нашего исследования закономерен вопрос: как далеко (в географическом и социальном смысле) распространялось представление о жизни императорского двора? Р. Уортман подразделяет общество, охватывавшееся монаршим присутствием на два круга. Внутренний круг был ограничен по составу, включал в себя помимо членов императорской фамилии придворных сановников, военных и чиновников высших рангов.

Внешний круг охватывал до трех-четырёх тысяч человек, участвовавших в церемониальных торжествах, балах, праздниках¹¹⁵.

Помимо этого, надо иметь в виду, что российские самодержцы и наследники престола совершали множество поездок по своей империи. Подготовка визитов, встречи царственных особ и двора с представителями различных сословий на местах репрезентировали власть, демонстрировали европеизированный облик их жизни, который вызывал стремление к подражанию у дворянства и каким-то образом осмысливался простыми людьми.

Екатерина II в 1763 г. предприняла пешее паломничество в Ростов. В 1787 г. в течение полугода императрица совершала путешествие по империи, проехав через главные губернии Европейской России к Киеву, затем по Днепру к Новороссии, Севастополю, Херсону и Екатеринославлю. Путешествие по Новороссии вовлекло глав завоеванных земель и местную придворную знать в церемониальные представления имперской элиты¹¹⁶. Дважды – в 1780 и 1787 гг. во время путешествий Екатерины по империи она встречалась с императором Священной римской империи Иосифом II. Всего Екатерина II совершила восемь поездок по России.

Поездки Павла I доносили до губерний его казарменные идеалы. Он посещал Вильно, Ковно, Гродно, Казань. На коронации Александра I огромная масса дворян из Московской и других губерний хлынула в город, чтобы увидеть царя, простой народ толпился возле нового царя. В последние годы Александр предпринимал отдаленные поездки за границу и по губерниям своей империи. В августе-сентябре 1824 г. император проехал по маршруту, среди пунктов которого на востоке были Оренбург, Екатеринбург и Пермь. По пути он осматривал заводы, рудники, поселения, военные гарнизоны.

Наследник престола Николай Александрович совершил трехмесячную поездку весной 1816 г. через центральную Россию, Украину, Крым и Новороссию. Став императором, Николай I много ездил по своей империи. Кюстин писал: «Император беспрестанно путешествует; за сезон он преодолевает 1 500 лье». Обычно он проводил один-два дня в губернских городах, инспектируя работу учреждений и делая смотр войскам.

В 1837 г. будущий император Александр II в течение восьми месяцев совершал поездку по России и Сибири, проехав более тринадцати тысяч вёрст. В коронационных торжествах Александра II участвовало несколько тысяч человек, представлявших разные группы населения, в том числе, простые крестьяне¹¹⁷. Осенью 1855 г. он посетил Москву, Новороссию и Крым.

Александр III совершил путешествие по Волге, посетив Кострому и другие города. Осенью 1888 г. царь с семейством отправились через Украину на юг в Елизаветград, путешествовали по Кавказу, добрались до Севастополя, направившись оттуда в Москву. Николай II, будучи наследником престола, предпринял большое путешествие на Восток, возвращаясь из которого, проехал через всю Россию, начиная от Владивостока. В 1902 г. император совершал поездку по Курской и шести другим губерниям, в том числе, Полтавской и Харьковской. В 1913 г. императорская семья путешествовала через Владимир, Нижний Новгород, по Волге в Кострому и Ярославль. Таким образом, путешествия императоров по России - еще один канал, по которому шло восприятие европейскости (в ее административном и бытовом проявлении) населением страны.

Царская семья, конечно, не была исключением в плане европейских браков. Многие дворянские семьи были «смешанными». Среди подобных примеров – брак красавицы Авроры Шернваль с одним из богатейших людей России, егермейстером двора и владельцем уральских и сибирских железодельных и медных заводов П.Н.Демидовым. Адмирал Н.С.Мордвинов, в молодости плававший на британских судах и живший в Англии, был женат на англичанке М.Г.Колби. На англичанке Э.Проуби был женат адмирал П.В.Чичагов, также обучавшийся морскому делу в Великобритании. Женой выдающегося политического деятеля Александровской эпохи М.М.Сперанского тоже была англичанка. Среди европейских супругов российских оппозиционеров власти – декабристов – прославлены имена французенок Полины Гебль (Прасковья Егоровна Анненкова) и Камиллы Ледантю (Камилла Петровна Ивашева). (Кстати, ее сводной сестрой была Сидония – будущая мать русского писателя Д.В. Григоровича). Многие дворянские фамилии - около 50% - в России имели нерусское, европейское происхождение¹¹⁸.

Л.Е.Шепелёв приводит примеры трансформации европейских фамилий в русские. Фамилия приехавшего в Россию англичанина Гамильтона сначала стала писаться Гамантов, потом Гаматов и, наконец, Хомутов. Немецкая фамилия Левенштейн через Левштейна и Левтина превратилась в Левшина. Немец Гаррах стал именоваться Гороховым. Кос фон Дален был переименован в Козодавлева. Маркграф Мейссенский стал в России Мышницким, а потом князем Мышецким¹¹⁹.

Таким образом, российский императорский дом был теснейшим образом связан с европейскими правящими домами, а воспитание и обучение наследников русского престола доверялось крупным европейским ученым и общественным деятелям, воспитателям и гувернерам - иностранцам. Природная, национальная и социокультурная специфика Российской империи не позволяли царям управлять Россией по-европейски. В то же время, их европейские корни и воспитание, стремление включить свою империю в круг ведущих держав эпохи способствовали становлению и развитию европейских традиций придворной жизни, распространению европейских социокультурных элементов в российскую культуру. Личные, семейные узы крепко связывали европейцев и россиян. Российская элита буквально «с молоком матери» впитывала европейские стандарты быта, поведения, культуры. Этому же способствовало воспитание детей иностранными учителями и гувернерами.

1.4 Печать как источник информации о европейском развитии

Организация книгопечатания, издание и продажа печатной продукции. Ведущая роль в распространении информации, столь важной для трансформации традиционного общества в современное, в новое время принадлежала книгам и газетам. Искусство книгопечатания постигалось русскими мастерами в тесном контакте с европейскими специалистами. Подьячий Посольского приказа М.П.Аврамов в 1697-1702 гг. обучался в Голландии «типографическим наукам». Со временем он стал директором Петербургской типографии¹²⁰. Московский Печатный двор

был переоборудован при помощи голландских и немецких мастеров. Там печатались учебники и светские книги, переведенные с европейских языков руководства по кораблестроению, фортификации, архитектуре, словари, календари, гравюры, периодические издания. В 1725 г. в стране насчитывалось уже шесть типографий, издававших переводные учебники и другую литературу¹²¹. Придворным и «академическим» переплетчиком был Вильгельм Конрад Миллер, приехавший в 1741 г. из Любека.

В 1700 г. голландец И.Тессинг получил от Петра I монополию на 15 лет на всю типографскую продукцию кроме богослужебных книг. За 1699-1706 гг. в России было издано и получено 16 изданий (не учитывая картографических)¹²². В начале XVIII в. русский читатель получил 64 переводных издания (в XVII в. – только одно)¹²³. В 1708 г. Петр издал указ о печати книг светского содержания гражданским шрифтом, сближенным по начертанию букв с латинским. Переход на новый шрифт в основном закончился в течение 1708-1710 гг. Первой книгой напечатанной новым шрифтом была «Геометрия, словенски землемерие», второй – «Приклады, како пишутся комплементы разные» - перевод немецкого издания с образцами написания разного рода писем. В 1717 г. новым шрифтом была издана переведенная с немецкого языка книга «Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению» - популярное пособие по европейским манерам поведения. Помимо «азбуки и цифири», книга содержала советы по поводу того, как следовало держать себя в обществе, а также рекомендацию «младым отрокам» не говорить между собою по-русски, «чтоб слуги и служанки дознаться не могли, и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать».

За период с 1741 по 1770 г. в России было издано 1 800 книг, из них свыше 400 наименований (22%) приходится на долю переводных произведений. В ноябре 1768 г. при Академии наук было организовано «Собрание старающихся о переводе иностранных книг на российский язык». Оно выполняло обширную программу переводов от античной классики до новейших комедийных и философских произведений. Усилиями его членов за 1768-1783 гг. было переведено 112 сочинений, изданных в 173 томах¹²⁴. В 1788 г. благодаря новой организации и деятельности Н. Новикова, по-

ощряемого Екатериной II, общее количество опубликованных изданий выросло до 439 (из которых 248 было литературных и философских, 19 периодических и 88 романов)¹²⁵. Причем, как отмечает специально исследовавшая этот вопрос М.-П.Рэй, если до середины 1770-х гг. доминировали научные и технические произведения, то после 1775 г. характер публикуемых работ изменился. Преобладание получила сентиментальная литература и современная философия. Публиковались произведения философов Просвещения, некоторые публикации Дидро и все произведения Вольтера (68 публикаций в период 1785-1790 гг.)¹²⁶. Значительное влияние на развитие отечественной общественной мысли оказало творчество Ж.Ж.Руссо. Всего в 1770-1790-е гг. в России было выпущено в свет 7 600 книг, свыше 50% из них были переводами¹²⁷. Переводная литература сыграла важную роль в распространении просвещения, формировании мировоззрения и эстетического вкуса новых поколений россиян.

При Екатерине II была разрешена организация частных типографий. Первая «вольная» типография появилась в Петербурге в 1771 г. Ее владельцем был уроженец Майнца Иоганн Гартунг. Самая большая частная типография конца XVIII в. в Петербурге также принадлежала немцу Иоганну Карлу Шнору. Организатором типографии Министерства иностранных дел был выходец из Брауншвейга Александр Плюшар. В частной типографии Плюшаров печаталась популярная газета «Русский инвалид», впервые увидели свет многие произведения русской классики¹²⁸. Новым явлением екатерининской эпохи стали домашние библиотеки, значительную часть которых составляли французские книги. В 1756 г. в России было продано три тысячи экземпляров «Философии истории» Вольтера¹²⁹. Произведения европейских философов активно распространялись в России благодаря издательским усилиям масонов. В начале XIX в. просветительскую инициативу из рук Новикова воспринял его последователь А.Ф. Лабзин. С 1803 г. он возобновил издание мистических сочинений Юнга-Штиллинга, К.Эккартсгаузена, публиковал переводы трудов И.Аригдта, Я.Беме, мадам Ж.-М. Гюйон, Сен-Мартена, И. Таулера, Ф.Фенелона¹³⁰.

Правящая элита хорошо понимала не только значение печатного слова как источника информации, но и его потенциальную опасность для устоев традиционного общества. Неудивительно, что этот канал был подконтролен цензуре и периодически перекрывался. События во Франции – революция, директория, приход к власти Наполеона – побудили правительство России изолироваться от культурного влияния этой страны, хотя в первые два года Французской революции российская периодическая печать, в том числе Санкт-Петербургские и Московские «Ведомости» свободно распространяли информацию о событиях во Франции. «Санкт-Петербургские ведомости» печатали полный текст «Декларации прав человека», сообщали о выступлениях депутатов Национального собрания и его декретах. Указ от 16 сентября 1796 г. об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг гласил: «...никакая книга не может быть вывезена без подобного осмотра, подвергая сожжению те из них, кои найдутся противными Закону Божию, Верховной власти или же развращающие нравы». Этим же указом упразднили частные типографии. Тогда же были учреждены таможенные цензурные комитеты в Москве, Петербурге, Риге и Радзивилове для проверки поступающих из-за границы книг. Тем самым правительство ввело государственную монополию на печать¹³¹.

После прихода к власти молодого, либерально ориентированного Александра I одним из первых стало распоряжение от 31 марта 1801 г. о распечатывании закрытых в 1796 г. вольных типографий и об отмене запрета на ввоз из-за границы книг и нот. «Профессорам, учёным и вообще особам известным в обществе» было позволено «получать по особому разрешению книги известных авторов, обращение которых в России запрещено цензурой»¹³². К 1810 г. количество типографий приближалось к 90. Тем не менее, к началу XIX в. сложилось вполне определенное отношение российских властей к франкоязычной литературе. Впервые был составлен список запрещённых книг, которые не допускались к продаже, печатанию и переводу в Россию¹³³. Вступление России в антифранцузские коалиции повлекло за собой усиление правительственного контроля над общественным мнением, а, следовательно, и над чтением. В 1806 г. был издан указ, запрещающий продажу иностранных книг. С наступлением войны 1812

г. правительственная пропаганда разжигала в российском обществе антинаполеоновские, антифранцузские настроения. В списке книг, запрещенных с 1811 по 1824 гг., безусловно, преобладали книги на французском языке. Из 889 книг 506 либо принадлежали перу французских писателей, либо были изданы на французском языке¹³⁴. На цензуре иностранной, прежде всего франкоязычной литературы в России первой четверти XIX в. сказывалось противоречивое желание императора Александра I, с одной стороны, способствовать привитию свобод, в том числе свободы слова и чтения, а с другой – контролировать общественное мнение, оградить страну от политических потрясений¹³⁵.

Интенсивные контакты с европейскими производителями печатных машин и оборудования для типографий, поощрение отечественных изобретателей привели к настоящей революции в технике и технологии отрасли. Важнейшим изобретением в сфере типографского дела стала литография, позволившая тиражировать изображения и рисунки. У истоков этой техники в России стояли немцы (Х.Кек, И.Гамель, П.Шиллинг)¹³⁶. В 1810-е гг. началась активная механизация печатного процесса. Вначале скоропечатные машины приобретались за границей. С 1828-29 гг. они начали изготавливаться в России. Поскольку отечественное оборудование было дороже иностранного, владельцы типографий зачастую предпочитали выписывать его из-за границы¹³⁷.

Книжные магазины в городах Российской империи обычно принадлежали немцам или французам. Карл Вильгельм Миллер в начале 1770-х гг. открыл «частный магазин, какого еще не было в России. Миллер устроил его на европейский лад: выпускал книжные каталоги, использовал рекламу, первым ввел подписку на издания»¹³⁸. В Петербурге книги на французском языке можно было купить в магазинах «Мелье и К°», «Битепаж Ф.А.», «Виоле Ж.А.» и др. В 1827 г. выходец из Гамбурга Г.Шмицдорф основал торгово-издательскую фирму, которая неизменно возглавлялась книгопродавцами и книгоиздателями немецкого происхождения¹³⁹. В 1860-х гг. в Петербурге появились первые специализированные книжные издательства и магазины. Фирма Карла Леопольда Риккера специализировалась на выпуске медицинской литературы, трудов по естествознанию, технике, сельскому хозяйству¹⁴⁰.

Немцы по происхождению становились известными российскими издателями. Адольф Маркс с 1867 г. издавал «Ниву» - популярнейший журнал «для семейного чтения» с бесплатными приложениями в виде календарей, книг, картин. Тираж «Нивы» достигал 250 тыс. экземпляров, которые попадали и в respectable дома, и в провинциальные углы. В созданной А. Марксом типографии (где в две смены работало около 700 рабочих и 150 машин) печатались полные собрания сочинений русских и зарубежных классиков¹⁴¹. В «Ниве» впервые были опубликованы многие произведения Лермонтова, Толстого, Тургенева, Голя, Достоевского, Чехова.

86 томов «Энциклопедического словаря», изданных с 1890 по 1907 г. совместными усилиями Лейпцигской фирмы Ф.А. Брокгауза и российского предпринимателя И.А.Ефрона – еще одна иллюстрация российско-немецкого сотрудничества. Созданное ими русско-германское акционерное общество издавало много книг самой разной тематики и продавало их в рассрочку, что было новшеством в пореформенной России¹⁴².

«Немцы были в числе организаторов первых петербургских платных библиотек, называвшихся в конце XVIII века «кабинетами для чтения». Они стали также первыми в столице нотоиздателями и владельцами специальных магазинов, где продавались книги, ноты и музыкальные инструменты. В конце XVIII века из Германии на берега Невы был привезен и такой вид сервиса, как музыкально-нотные библиотеки, в которых можно было взять напрокат за небольшую плату нужные «музыкальные пьесы»¹⁴³. В XIX в. высокий спрос дворянской среды и образованных людей в целом на нотную литературу удовлетворяли И. Герстенберг, Дитмар, Дальмас, Пец, Бернард – в Петербурге, Рейнсдорп, Ленгольд, Керстнер, Грессер, Миллер – в Москве. Специально для публикации издателем М.Бернардом композитор М.И.Глинка написал многие ставшие впоследствии всемирно известными пьесы, романсы, песни.

Таким образом, первыми «словолитцами», печатниками, переплетчиками, типографами, издателями, владельцами книжных магазинов в России в большинстве своем были европейцы по происхождению. Весь цикл производства печатной продукции

являлся сферой приложения знаний и умений иностранных мастеров. Наборщики, резчики, граверы, переплетчики привезли с собой технику и технологию печатного дела. Неудивительно, что терминология типографского, книгоиздательского, газетного дела – транслитерации преимущественно из немецкого языка. Большую роль в продаже печатных изданий в России также играли представители европейских наций.

Печатные средства передачи информации в рассматриваемый период можно условно подразделить на три вида: 1. Периодическая печать (газеты, бюллетени, журналы (как общего характера («Вестник Европы»), так и специализированные, как, например, «Горный журнал»)); 2. Специализированная (профессиональная) литература; 3. Литературные произведения. Остановимся здесь на наиболее оперативном и информационно насыщенном виде изданий – периодической печати.

Периодическая печать. В понятие прессы в рассматриваемый период включались журналы, газеты, альманахи, бюллетени. Нетрудно заметить, что все эти виды организации информации вместе со своими названиями пришли к нам из-за рубежа. По примеру англичан Петр I в январе 1703 г. повелел издавать в Москве еженедельное периодическое издание «Ведомости», которое и стало первой печатной газетой в России. Для своего времени новое издание имело большой тираж – около 1 тыс. экземпляров, позднее он доходил до 2,5 тыс. экземпляров. Вначале газета издавалась в Москве, затем – в Петербурге, а распространялась по всей России. Издание рассказывало о событиях внутри страны и за рубежом. В «Ведомостях» в том числе перепечатывалась информация из иностранных европейских газет. Выходили «Ведомости» нерегулярно – от одного до семидесяти номеров в год. Второй газетой после «Ведомостей» стали «Санкт-Петербургские ведомости» «St. – Peterburger Zeitung» – русско- и немецкоязычная газета, издававшаяся в Петербурге с 1728 г. Ее издание было организовано Г.Ф.Миллером.

В просвещении российских подданных, распространении современных знаний большую роль играла Академия наук (состоявшая в первые годы почти исключительно из иностранцев). Массовым источником информации по самым разным аспектам

жизни, способствовавшим просвещению населения были издаваемые Академией наук календари и месяцесловы. Идея их издания была привнесена учёными немцами из-за рубежа, где европейские коллеги россиян также были вынуждены поддерживать своё существование за счет печати календарей. Из напечатанных в 1750 г. в академической типографии 10 020 календарей 7 610 было на русском языке¹⁴⁴. Наибольшее количество статей в них посвящалось вопросам мореплавания, географии, астрономии, публиковались статьи по географии некоторых районов России, по метеорологии, физике, медицине, истории. Спрос на издававшиеся Академией календари постоянно возрастал. В 1777 г. «Большой» академический месяцеслов был напечатан в количестве 13 500 экземпляров, в 1797 г. – 23 646 экз. Это был лишь один из множества календарей, выпускавшихся Академией¹⁴⁵. Академия же издавала несколько научно-популярных журналов, рассчитанных на широкий круг читателей. Первым опытом научно-популярного журнального издания на русском языке стали «Примечания на ведомости», выходившие с 1728 г. на русском языке в виде приложений к «Санкт-Петербургским Ведомостям»¹⁴⁶.

Екатерининская эпоха – это время появления массы разнообразных журналов. Образцом для «Всякой всячины», издававшимся секретарем Екатерины Г.Козицким, послужил английский журнал «Спектейтор». Русская периодика немало почерпнула из английских образцов, в частности, определение «границ дозволенного» в сатире, напечатанное во «Всякой всячине»¹⁴⁷.

В последней четверти XVIII в. в Россию привносится идея специализированных изданий. Академия наук издавала несколько журналов, в том числе, с 1779 г. «Академические известия», целью которых было распространение научных и полезных знаний. Для популяризации немецкой труппы, игравшей в немецком театре в Петербурге, актер И.Зауервайд начал в 1783 г. издавать первый в России театральный журнал «Russische Theatralien», выходивший, впрочем, недолго¹⁴⁸.

В 1792 г. вышел в свет первый номер журнала «Санкт-Петербургские врачебные ведомости». Инициаторами его издания был петербургский «кружок немецких врачей». (В Европе

специализированные медицинские журналы появились на столетие раньше – во Франции «Новые открытия по всем разделам медицины» стали выходить в 1679 г. и продолжали пополняться новыми изданиями в других европейских странах позднее, на протяжении XVIII в.). Основателем «Военно-медицинского журнала», который издается до сих пор, был шотландец Я. Виллие, отдавший русской медицине 64 года своей жизни¹⁴⁹. Во второй трети XIX в. в России издавался «Друг здравия», ни один номер которого не обходился без информации о новостях мировой медицины. В нем публиковались статьи и рефераты из французских, немецких, английских, итальянских, американских изданий. С 1884 г. в Петербурге выходил журнал «Практическая медицина», являвший собой собрание монографий, руководств и клинических лекций известных ученых, почти исключительно зарубежных¹⁵⁰. Общественные объединения немецких врачей и других деятелей здравоохранения, действовавшие в России в XIX – первой трети XX вв., издавали с 1861 Санкт-Петербургскую медицинскую газету, в которой публиковались новости из зарубежных и отечественных медицинских журналов.

В 1807 г. появился первый журнал, специально посвященный изобразительному искусству, – «Журнал изящных искусств». Он издавался профессором эстетики Московского университета Иваном Феофиловичем (Иоганном Готлибом) Буле.

«Горный журнал» публиковал как отчеты горных инженеров о заграничных поездках, так и переводы статей из иностранных технических изданий. В «Докладной записке» об издании «Горного журнала» задачи нового издания (учрежденного в 1825 г.) формулировались как распространение «вообще сведений и новых открытий по сей части, а особенно для обеспечения способа чиновникам горной службы усовершенствовать свои познания успехами всей ученой Европы»¹⁵¹. Ежемесячный научно-технический и производственный «Горный журнал» в течение почти столетия был единственным периодическим изданием в России, освещавшим разнообразные проблемы многочисленных отраслей горной и металлургической промышленности, незамедлительно откликаясь на появление в Европе технических новинок, изобретений, оригинальных идей.

Основоположниками некоторых журналов становились иностранцы. Герцог Вюртембергский, служивший по рекомендации А.В. Суворова в русской армии с 1800 г., в 1824 г. основал журнал ведомства путей сообщения. К.Ф.Герман, который вместе с Л. Эйлером и Шлецером разделяет славу «основателя науки статистики в России» создал и редактировал специализированный журнал на русском языке «Статистический журнал» (1806-1808). Основателем одного из самых влиятельных литературных журналов своего времени «Сын Отечества», как известно, был Н.И. Греч – выходец из прусского рода Гречей. А.Догель в 1916 г. основал журнал «Русский архив анатомии, гистологии и эмбриологии».

В течение всего XVIII в. в России одновременно выходило 119 наименований периодических изданий. В XIX в. их число возросло до 2 173¹⁵². Подводя итоги распространению печатных средств передачи информации в России, отметим, что с 1901 по 1913 г. число названий книжной продукции только на русском языке выросло с 10,2 до 26,6 тыс. К началу XX в. чтение книг и газет перестало быть монополией образованного общества и начало широко распространяться среди городских низов и крестьян. Если в середине XIX в. в России было только 6% грамотных, то к началу XX в. около 25% сельского и 45% городского населения умели читать и писать¹⁵³. Как было показано, существенный вклад в распространение культуры мысли, тиражирование информации в дореволюционной России, что было чрезвычайно значимо для интеллектуального развития, внесли европейцы.

Литературные контакты. В конце XVIII в. настоящий фурор среди русской читающей публики произвели «Письма русского путешественника» Н.М.Карамзина, живым литературным слогом «открывшего» Европу для русского дворянства. В конце 1840-х гг. русский журналист, писатель, редактор-издатель журнала «Сын Отечества» и газеты «Северная пчела» Н.И.Греч посетил Европу. Его впечатления нашли отражение в «Парижских письмах с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии», опубликованных в 1847 г. в Санкт-Петербурге. В европейских странах, как уже отмечалось, бывали и многие другие выдающиеся представители русской литературы XIX столетия: Н.В.

Гоголь, И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский. Русские «люди слова» несли своим читателям живую и неформальную информацию о политическом устройстве, социальных условиях, культуре европейских стран.

С другой стороны, просвещённые европейские знаменитости приезжали в Россию. В 1773-1774 гг. Россию посетил философ Д.Дидро. В 1812 - знаменитая писательница Ж. де Сталь, в 1843 - О.Бальзак, в 1858 - А.Дюма - отец. В 1876 г. в Россию приехал Л.Кэррол, в 1899 г. - Дж.К.Джером, в 1913 - А.Франс, в 1914 - Г.Уэллс, в 1917 - С.Мозм.

Подводя итоги изучению основных каналов распространения разнообразных элементов европейской общественной жизни в России, прежде всего, следует отметить, что число людей (которые рассматриваются как основные передатчики информации) относительно основной массы населения на протяжении полутора столетий было очень невелико. Количество россиян, выезжавших за рубеж, увеличивается во второй половине XIX в. Наивысшие цифры дореволюционного выезда из России приходятся на начало XX в. Рубеж веков стал важной вехой, символизирующей смену качественных социальных характеристик мигрантов - от узкого, элитарного, высокопрофессионального к массовому, в том числе, рабочему выезду. С зарубежной жизнью вплотную соприкоснулись новые слои российского населения. Проходившие через сознание людей личные впечатления расширяли модернизационный контекст.

Подавляющее большинство крупнейших имен, прославивших национальную архитектуру, изобразительное и музыкальное искусство, обучались в лучших художественных центрах Европы. Талантливые деятели искусства России и Европы постоянно контактировали друг с другом, как в России, так и за рубежом. Присутствие широкого круга западноевропейцев в России способствовало распространению европеизированных норм повседневности среди российских обывателей.

Сближению России с Европой содействовали личные, семейные связи, широко распространенные в среде русской аристократии. Кроме того, в дворянских домах жили выходцы из Западной Европы, воспитывавшие в европейском духе молодые

поколения русских граждан, создававших в дворянских семьях подобие европейского быта.

Важнейшим источником информирования россиян о последних тенденциях европейского развития были периодические издания, специализированная, художественная литература. Печатные средства передачи информации в России в значительной степени продвигались европейцами: типографистами, издателями, продавцами готовой продукции.

¹ Гузевич, Д.Ю., Гузевич, И.Д. Великое посольство. – СПб., 2003. С.35.

² Там же. С.40.

³ Там же. С.101-133.

⁴ Там же. С.227.

⁵ Там же. С.218.

⁶ Там же. С.84.

⁷ Там же. С.195.

⁸ Ключевский, В.О. Сочинения в восьми томах. Т.4. – М., 1958. – С.111.

⁹ Андреев, А.Ю. «Учености ради изгнанники»: опыт изучения русского студенчества в немецких университетах XVIII-первой половины XIX века // Россия и Германия. Вып. 3. – М., 2004. – С. 76.

¹⁰ Ерофеев, Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг. – М., 1982. – С.34.

¹¹ Ионцев, В.А., Лебедева, Н.М., Назаров, М.В., Огороков, А.В. Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001. – С. 309.

¹² Нифонтов, А.С. Россия в 1848 г. – М., 1949. С.73.

¹³ Куприянов, А.И. «Немецкая» мода и идентичность в русском городе (конец XVIII – первая половина XIX века) // Труды Института российской истории. Вып. 4. – М., 2004. – С.100.

¹⁴ Ионцев, В.А., Лебедева, Н.М., Назаров, М.В., Огороков, А.В. Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001. – С.34.

¹⁵ Там же. С.309.

¹⁶ Кабузан, В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1917-1989). Формирование этнических границ русского народа. – СПб., 1997. – С. 307.

¹⁷ Россия в начале XX века. – М., 2002. – С.86.

¹⁸ Ионцев, В.А., Лебедева, Н.М., Назаров, М.В., Огороков, А.В. Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001. – С. 373.

¹⁹ Хексельшнейдер, Э. Русские в Дрездене до Первой мировой войны // Немцы в России. Три века научного сотрудничества. – СПб., 2003. – С. 545-546.

²⁰ Гутнов, Д.А. Русская высшая школа общественных наук в Париже (1901-1906 гг.). – М., 2004. – С. 40.

²¹ Степанов, А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. – 2006. – №1. – С.148.

²² Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2, Ч.2. – М., 1994. – С. 25.

²³ Там же.

²⁴ Швидковский, Д.О. Франция и развитие русской архитектуры в эпоху классицизма // Вестник истории, литературы, искусства. Т.2. – М., 2006. – С.155.

²⁵ Коваленская, Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. – М., 1964. – С.93.

²⁶ Там же. С.379.

²⁷ Там же. С.285.

²⁸ Богдан, В.-И. Т. Русские художники XIX в. в Германии // Немцы в России. Три века научного сотрудничества. – СПб., 2003. – С. 518.

²⁹ Там же. С. 523.

³⁰ Степанов, А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. – 2006. – №1. – С.147.

³¹ Montclos, V. de. Les Russes a Paris au XIXe siecle. 1814-1896. – Paris, 1996. – P. 69-76.

³² Полякова, О.Б. Взаимовлияние культур России и Франции во второй половине 19 – начале 20 века // Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 4. – М., 2001. – С.195.

³³ Там же. С.201.

³⁴ Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2, ч.2. – М., 1994. – С. 83.

³⁵ Киселев, М.Ф. Густав Климт и русское искусство «серебряного века» // Две империи – три столицы. Культурно-исторические параллели и взаимодействие в конце XIX - начале XX вв. – Будапешт, 2006. – С.101, 105.

³⁶ Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2, ч.2. – М., 1994. – С.141.

³⁷ <http://www.hi-edu.ru/Brok/about.htm>

³⁸ Там же.

³⁹ Беспалов, А.В. Русский вспомогательный корпус на службе Саксонии в эпоху Великой Северной войны // Северная Европа: проблемы истории. Вып. 5. – М., 2005. – С. 234.

⁴⁰ Ключевский, В.О. Сочинения в восьми томах. Т.4. – М., 1958. – С. 238.

⁴¹ Ковригина, В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII в. – М., 1998. – С.35-37.

⁴² Немцы России. Энциклопедия. Т.2. – М., 2004. – С. 565.

⁴³ Юхнева, Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. – Л., 1984. – С. 22-24.

⁴⁴ Кабузан, В.М. Немецкоязычное население в Российской империи и СССР в XVIII-XX веках (1719-1989). Историко-статистическое исследование. – М., 2003. – С. 28.

⁴⁵ Там же. С.30.

⁴⁶ Там же. С.35.

- ⁴⁷ Петров, Ю.А. Немецкие предприниматели в дореволюционной Москве: торговый дом «Воган и К^о» // Экономический ежегодник. 2000. – М., 2001. – С. 242; Немцы России. Энциклопедия. Т.2. – М., 2004. – С.565.
- ⁴⁸ Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т.1. – М., 2000. – С. 149.
- ⁴⁹ Шлегель, К. Немецкий образ России в первой трети 20-го столетия: попытка реконструкции // Вопросы философии. – 1994. – №5. – С. 50, 51.
- ⁵⁰ Цит по: Ляпин, В.А. Немецкие оружейники на Урале // Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв.). – Екатеринбург, 2001. – С.139.
- ⁵¹ Шумилов, Е.Ф. «Для пользы ближних...» Андрей Федорович Дерябин. Очерк жизни гениального человека пушкинской эпохи. – Ижевск, 2004. – С. 100.
- ⁵² Немцы России. Энциклопедия. Т.1. – М., 1999. – С.683.
- ⁵³ Там же. С.779.
- ⁵⁴ Ионцев, В.А. и др. Эмиграция и репатриация ... С.367.
- ⁵⁵ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С. 103.
- ⁵⁶ Там же. С.104.
- ⁵⁷ Там же. С.105.
- ⁵⁸ Там же. С.108-109.
- ⁵⁹ Там же. С.60.
- ⁶⁰ Там же. С.101.
- ⁶¹ Козлова, В.Ю. Профессиональный состав населения г. Перми в конце XIX в. // Шестые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. – Екатеринбург, 2006. – Т.2. – С.264.
- ⁶² Солнцева, С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // Вопросы истории. – 2002. – №1. – С.144.
- ⁶³ Алексеева, В.К. Военнопленные на Урале в годы первой мировой войны // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Тез. докл. Ч. 2. – Челябинск, 1995. – С. 55–57.
- ⁶⁴ Солнцева, С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // Вопросы истории. – 2002. – №1. – С.144.
- ⁶⁵ Чудиновских, Е.Н. Военнопленные Первой мировой в российской провинции // Отечественные архивы. – 2000. – № 2.
- ⁶⁶ Солнцева, С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // Вопросы истории. – 2002. – №1. – С.148.
- ⁶⁷ ПСЗ. – Т.5. – №3101.
- ⁶⁸ ПСЗ. – Т.5. – № 3259.
- ⁶⁹ ПСЗ. – Т.5. – № 3278.
- ⁷⁰ Акишин, М.О. Пленные шведы и дьявол // Родина. – 1994. – №2. – С.43.
- ⁷¹ Черказьянова, И.В. Школа шведских пленных в Тобольске: опыт взаимодействия немецкой и русской культуры начала XVIII в. // Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв.). – Екатеринбург, 2001. – С.209.
- ⁷² Там же. С.165.
- ⁷³ Там же. С.161.

- ⁷⁴ Акишин, М.О. Пленные шведы и дьявол // Родина. – 1994. – №2. – С.44.
- ⁷⁵ Августин, Архимандрит (Никитин). Шведская лютеранская община в Петербурге // Скандинавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. – СПб., 2002. – С.219.
- ⁷⁶ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.133.
- ⁷⁷ Там же. С.136.
- ⁷⁸ Артёмова, Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века). – М., 2000. – С.179.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Там же. С.44.
- ⁸¹ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.138.
- ⁸² ПСЗ. № 25.415; № 25. 432.
- ⁸³ Цит. по: Сироткин, В.Г. Судьба французских солдат в России после 1812 г. // Вопросы истории. – 1974. – №3. – С. 129.
- ⁸⁴ Там же. С. 130.
- ⁸⁵ Там же. С. 136.
- ⁸⁶ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.194.
- ⁸⁷ Цит. по: Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.195.
- ⁸⁸ Rey, M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible a Boris Eltsine. – Paris, 2002. – P.150.
- ⁸⁹ Петров, Ю.А. Немецкие предприниматели в дореволюционной Москве: торговый дом «Вогау и К^о» // Экономический ежегодник. 2000. – М., 2001. – С.241.
- ⁹⁰ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.138.
- ⁹¹ Dumoulin, M. Quelques aspects des relations economiques belgo-russes a la Belle Epoque // Montagnes Russes: La Russie vecue par des Belges. – Bruxelles. 1989. – P. 57.
- ⁹² Stols E. La Russie meridionale, une province industrielle belge // Montagnes Russes: La Russie vecue par des Belges. – Bruxelles, 1989. – P.88.
- ⁹³ Ibid. P.88-89.
- ⁹⁴ Степанов, А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. – 2006. – №1. – С.128.
- ⁹⁵ Там же. С.124.
- ⁹⁶ Там же. С.125.
- ⁹⁷ Там же. С.126.
- ⁹⁸ Там же. С.139.
- ⁹⁹ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С. 222.
- ¹⁰⁰ Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005. – С.28.
- ¹⁰¹ Кросс, Э. Величайшие дары // Родина. – № 5-6. – 2003. – С.146.

- ¹⁰² Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005. – С.40.
- ¹⁰³ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.128.
- ¹⁰⁴ Там же. С.270.
- ¹⁰⁵ Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005. – С.53.
- ¹⁰⁶ Петров, Ю.А. Немецкие предприниматели в дореволюционной Москве: торговый дом «Вогау и К^о» // Экономический ежегодник. 2000. – М., 2001. – С.241.
- ¹⁰⁷ Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005. – С.132.
- ¹⁰⁸ Енсен, Б. «Новая Америка». Россия и датское предпринимательство до 1917 года // Дания и Россия – 500 лет. – М., 1996. – С. 244.
- ¹⁰⁹ Россия. Энциклопедический словарь. С. 86; Кабузан, В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. – М., 1998. – С.269.
- ¹¹⁰ Ионцев, В.А., Лебедева, Н.М., Назаров, М.В., Огороков, А.В. Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001. – С. 372.
- ¹¹¹ Rey, M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible a Boris Eltsine. – Paris, 2002. – P. 182.
- ¹¹² Ibid. P.183.
- ¹¹³ Агеева, О.Г. Новые явления в общественной жизни и быту Петербурга первой четверти 18 в.: на примере царских свадеб // Русская культура в переходный период от средневековья к новому времени. – М., 1992. – С.79-89.
- ¹¹⁴ Уортман, Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. – М., 2004. – С.21.
- ¹¹⁵ Там же. С.24.
- ¹¹⁶ Там же. С.195.
- ¹¹⁷ Уортман, Р. Сценарии власти... Т.2. С.72.
- ¹¹⁸ Любимов, С.В. Титулованные роды Российской империи. – М., 2004.
- ¹¹⁹ Шепелёв, Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX вв. – СПб., 1999. – С. 368.
- ¹²⁰ Гузевич, Д.Ю., Гузевич, И.Д. Великое посольство... С.212.
- ¹²¹ Rey, M.-P. Le dilemme Russe... P.75.
- ¹²² Гузевич, Д.Ю., Гузевич, И.Д. Великое посольство... С.200.
- ¹²³ История человечества. Т.VIII. Россия. – М., 2003. С.277.
- ¹²⁴ Смагина, Г.И. Академия наук и российская школа ... С.20.
- ¹²⁵ Rey, M.-P. Le dilemme Russe... P.116.
- ¹²⁶ Ibid. P.117-118.
- ¹²⁷ Смагина, Г.И. Немецкие учебники по всеобщей истории в Российской школе XVIII в. // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. – СПб., 2001. – С.169.
- ¹²⁸ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки ... С.94.
- ¹²⁹ Уткин, А.И. Вызов Запада и ответ России. – М., 2003. – С. 114.
- ¹³⁰ Вишленкова, Е.А. Заботясь о душах подданных: религиозная политика в России первой четверти XIX в. – Саратов, 2002. – С.106.

- ¹³¹ Шанская, Т.А. Французская литература и российская цензура в первой четверти XIX века. // Россия и Франция XVIII-XX века. – М., 2001. – С.119.
- ¹³² ПСЗ. Собр. 1. Т. XXVI. № 19807. Об отмене запрещения ввозить из-за границы книги и музыкальные ноты и о дозволении типографиям печатания книг. Шанская Т.А. Французская литература и российская цензура ... С.121.
- ¹³³ Шанская Т.А. Французская литература и российская цензура ... С.120
- ¹³⁴ Там же. С.126.
- ¹³⁵ Там же. С.131.
- ¹³⁶ Иларионова, Т.С. Немецкие издатели в России (XVIII - начало XX вв.) // Немцы в России. Три века научного сотрудничества. – СПб., 2003. – С. 368.
- ¹³⁷ Очерки русской культуры XIX века... С.389.
- ¹³⁸ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки ... С.93.
- ¹³⁹ Бежжанова, Н.В. Из истории торгово-издательской фирмы Г. Шмицдорфа // Немцы в России. Три века научного сотрудничества. – СПб., 2003. – С. 369.
- ¹⁴⁰ Чеснокова А.Н. Иностранцы и их потомки ... С.95.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² Там же. С.96.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Смагина, Г.И. Академия наук и российская школа ... С.16.
- ¹⁴⁵ Там же. С.23.
- ¹⁴⁶ Там же. С.16.
- ¹⁴⁷ Де Мадариага, И. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М., 2002. – С. 528-529.
- ¹⁴⁸ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки ... С.89.
- ¹⁴⁹ Там же. С.231.
- ¹⁵⁰ Мирский, М.Б. Медицина России X-XX веков... С.250.
- ¹⁵¹ Докладная записка, поднесенная на Высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение г. министром финансов, об издании Горного журнала // Горный журнал. – 1825. – №1. – С.4-5.
- ¹⁵² Очерки русской культуры XIX века... С.444.
- ¹⁵³ Иларионова, Т.С. Немецкие издатели в России ... С. 370.

2.1 Архитектура

Господствующим архитектурным направлением в России первой половины XVIII в. было барокко – художественный стиль, преобладавший в архитектуре и искусстве Западной Европы эпохи позднего ренессанса. Он отличался размахом, парадной торжественностью, стремлением к величию и пышности. Для барокко характерны сложные формы, обилие лепных деталей и декоративной скульптуры. В Россию барокко пришло в последней трети XVII в. с Запада через Польшу и Украину. «Московское барокко» имело общие черты с архитектурой Западной Европы, что свидетельствовало о культурном влиянии, но не являлось механическим заимствованием. «Нарышкинский стиль» представлял собой оригинальное и самобытное направление русского зодчества.

Русское барокко XVIII в. обладало рядом национальных особенностей, обусловленных влиянием традиций отечественного зодчества. Период раннего барокко (1700-1730-е гг.) в Петербурге – это строительство парадного центра города, возведения дворцов вместо хором, правительственных зданий. Иностранные архитекторы, приглашенные Петром I в Петербург: Д. Трезини, Ж.Б.Леблон, Г.И.Маттарнови, Н.Микетти, А.Шлютер и другие имели разный профессиональный опыт и художественные пристрастия, что привело к большому многообразию архитектурных форм раннего барокко в России. Особый интерес русского общества был направлен в сторону Голландии – наиболее буржуазно развитой страны в современной Петру Европе. Даже немцы и итальянцы, приглашенные в Россию, должны были работать «под голландцев». Однако действительно реалисти-

ческие «голландские» элементы часто переплетались с совершенно противоположными - парадностью и декоративностью.¹

Архитектура «петровского барокко» характеризуется четкостью планов, скромным декоративным убранством, сочетающимися с отдельными элементами барокко. Примерами этого стиля являются Петропавловский собор Петропавловской крепости, здание Двенадцати коллегий, Кунсткамера. В этот период создаются Летний дворец Петра I, Адмиралтейство, дворцово-парковые ансамбли Летний сад, Царское Село, Петергоф. Среди создателей северной Пальмиры: немецкий архитектор А. Шлютер, участвовавший в сооружении Летнего дворца Петра I, И.Г. Шедель – дворцов А.Меншикова на Васильевском острове и в Ораниенбауме, Г.И.Маттарнови – Кунсткамеры. Швейцарец Д. Трезини создавал Петропавловскую крепость, здание Двенадцати коллегий, дворец Петра I в Летнем саду. Эти комплексы создавались преимущественно иностранными мастерами, но уже появились и русские зодчие, освоившие опыт иностранцев – М.Г. Земцов, И.К.Коробов, П.М.Еропкин и др. Примером созидательного симбиоза иностранных и русских мастеров может служить творчество архитектора М.Г.Земцова и его коллег. Русский зодчий М.Г.Земцов (когда-то привезенный в Петербург из Москвы для обучения итальянскому языку и службы переводчиком при иностранных мастерах) сыграл значительную роль в создании архитектурного облика новой столицы совместно с первым архитектором Санкт-Петербурга швейцарцем Д. Трезини. Под руководством Трезини, отдавшим столице Российской империи около трех десятилетий своей жизни, был построен собор Петропавловской крепости. В 1714 г. им были разработаны типовые проекты жилых домов для «подлых», «зажиточных» и «именитых» горожан, к 1718 г. построено более 4 тыс. жилищ. Совместно с Земцовым Трезини спроектировал здание Двенадцати коллегий. Земцов участвовал также в создании Летнего сада, дворцово-парковых ансамблей в Петергофе, загородной резиденции царей на Финском заливе и в сооружении здания Кунсткамеры совместно с архитекторами Г.Маттаранови, Н. Гербелем и Г.Къявери.

В наибольшей степени европеизации оказался подвержен, конечно, Санкт-Петербург, возводимый Петром I на отвоёванных у

Запада территориях как европейская столица будущей империи. Все в его планировании и строительстве символично: название, доминанты, навевавшие сопоставление с предшествующей мировой столицей, европейская планировка, стиль застройки, приближавшие создающуюся империю к современному идеалу. «Наименование новой столицы Градом Святаго Петра, - писали Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский, изучавшие символику Петербурга, - неизбежно ассоциировались не только с прославлением небесного покровителя Петра Первого, но и с представлениями о Петербурге, как о новом Риме. Эта ориентация на Рим проявляется не только в названии столицы, но и в её гербе... Особое значение приобретает подчёркнутое насаждение в Петербурге культов апостолов Петра и Павла. Им посвящается собор в Петропавловской крепости, что должно было по первоначальному плану совпадать с центром города. В этом нельзя не видеть переключки с местом, которое занимает ... собор святого Петра в Риме»².

Пётр I не издавал запрещения строить в старорусском стиле, но личное пристрастие императора к западноевропейскому отразилось на постройках его времени, усвоивших главным образом голландские формы. Европейские прообразы имели петербургские шпили и крыши; выстраивание домов «сплошную фасадую», противоречившее русскому архитектурному опыту; аллеи и бульвары, полюбившиеся Петру в Голландии; сады с фонтанами, каналами, пристанями (Летний сад, сад при Меншиковском дворце, Екатерингоф, Петергоф, Ораниенбаум). Новые строительные материалы и конструкции: массовое фахверковое (мазанковое) строительство североευропейского типа (деревянный каркас с глинобитно-кирпичным заполнением), голландская керамика (изразцы дельфтского типа) – характерный отделочный материал первых дворцовых сооружений Петербурга и его окрестностей (Меншиковский дворец, Летний дворец, Монплешир и др.). Типичными для раннего Петербурга стали разводные мосты коромысловой системы, распространённой в Голландии и северогерманских городах. На территории Ингерманландии возводились крепости по принципам европейской фортификации. Градостроительные, флото- и портостроительные, фортификационные, архитектурные, военные, гидротехнические, организационные и

прочие задачи, вставшие при строительстве Петербурга, профессионально решали европейские специалисты и 200 русских подданных, получивших образование в ходе Великого Посольства³.

По замыслу Петра I, архитектура Петербурга должна была быть решена в едином ключе, по примеру Амстердама. Е. Анисимов, специально исследовавший вопрос голландского влияния в постройке новой столицы, акцентировал внимание на том, что за стоящими на переднем плане гравюр Петербурга 1717 г. вдоль набережной красивыми зданиями повсюду виднеются типично голландские шпили – как тогда их называли «шпицы». Большинство разводных мостов делалось с голландскими, напоминающими склонившихся аистов, противовесами, выкрашенными белилами, как это делают в стране тюльпанов и сегодня, что неудивительно – почти все их построил голландский мастер Герман ван Болес. Этот образ дополнял звон голландских курантов на церквях, Адмиралтействе, колокольне Петропавловского собора. Петропавловская крепость напоминала Амстердам, на бастионах которого в то время тоже стояли ветряки. Современники постоянно отмечали, что многие дома построены в «голландском вкусе». Заметные в городе здания строили по проектам архитектора Стефана ван Звидена. Каналы копали под надзором «слезного мастера» Питера фан Гезеля (или Геселена) и Виллема Ковенховена, свинцовые трубы и фигуры для Летнего сада и Петергофа по моделям Растрелли-отца отливал голландский «свинечного литья и паяния мастер Корнелиус Гарлей (Корнелий Гарлинг)». Оранжереи и погреба делал Дирк ван Ершт, упомянутый выше ван Болес, а также Тимофей Фонармус, который одновременно владел кирпичными заводами в окрестностях города. Стены дворцов выкладывал каменщик Дирк ван Намберс. Часы на колокольне Петропавловского собора, а потом Адмиралтейства устраивал «часовой мастер Андрис Форсен», а за музыкальный механизм отвечал «колокольный игральный музыкант» Яган Христофор Форстер⁴.

Таким образом, то, что позже было названо «Петровским барокко», на самом деле было вариантом голландского барокко, приспособленным к условиям России. Самым выразительным примером этой страсти русского царя к голландской архитекту-

ре может служить знаменитый деревянный домик Петра, покрашенный под красный голландский кирпич. Пётр говорил: «дай Бог мне здоровья, и Петербург будет второй Амстердам!» Голландия была во многом образцом для Петра I. Месяцы работы в Амстердаме, на Остенбурге в 1697-1698 гг. не прошли для царя даром. Название Новая Голландия закрепилось за островной территорией, ограниченной рекой Мойкой и двумя каналами – Крюковым и Адмиралтейским⁵.

Европейский облик Петербурга творили, конечно, не только голландцы. Очень высоко оценивалась Петром французская архитектура эпохи Людовика XIV. Об этом свидетельствует признание французского архитектора Леблона, приглашённого в Россию и назначенного главным архитектором Петербурга (с годовым жалованьем в 5 тыс. рублей, квартирой и бесплатным содержанием). Несмотря на то, что выдающийся зодчий прожил в Петербурге недолго (в 1718 г. он умер от оспы), для создания единого стиля возводимого города чрезвычайно значима его попытка организовать целый строительный комплекс, который мог бы обслуживать всю придворную архитектуру Петербурга.

Петербург рождался совместными усилиями русских, итальянских, немецких, французских, швейцарских мастеров, чьи творения отражали стиль, присущий их мировосприятию и велению времени. Автор знаменитого определения Санкт - Петербурга как «окна в Европу» Альгаротти, наблюдавший становление города, писал с долей иронии в 1739 г.: «Здесь правит бал смешение итальянской, французской, голландской архитектур; голландское влияние доминирует, и в этом нет ничего удивительного, так как именно в Голландии царь стал постигать эту науку...»⁶. Общий характер петровской архитектуры – северо-немецкий и голландский, не только потому, что сам он был ближе всего знаком с Голландией, но «потому, что его главный архитектор Доменико Трезини, выходец из итальянской Швейцарии, вынес привычку к северному барокко из своей долговременной службы при дворе датского короля» - писал П.Н. Милюков⁷.

В новом архитектурном направлении шло строительство различных зданий не только во вновь возводимой столице, но и в Москве. В начале XVIII в. в нём активно принимали участие

иностранные мастера. К числу построек, выполненных с их участием, относятся: Сухарева башня, каменные здания Монетного двора и Земского приказа (1692-1701), деревянное здание театра на Красной площади, каменный цейхгауз (1701-1736), первый военный госпиталь на р.Яуза, земляные бастионы вокруг Кремля и Китай-города.

По образцу европейской архитектуры в первое десятилетие XVIII в. начали возводиться примечательные московские особняки: Б.П.Шереметева на ул. Никольская, кн. М.П.Гагарина на ул. Тверская, кн. И.Б.Куракина на Большой Басманной, адмирала Ф.М.Апраксина на Большой Никитской.

В строительстве своих резиденций городская знать на протяжении всего столетия ориентировалась на признанные современные образцы европейской архитектуры. В.И.Баженов перенес на московскую почву характерный образ парижского отеля, каким он представлялся в соответствии с французской модой начала 1760-х годов. Примером этому - построенный в 1784-1786 гг. знаменитый дом дворянина и откупщика П.Е.Пашкова, ныне входящий в комплекс зданий Российской государственной библиотеки. Среди московских резиденций аристократии – дворец в Архангельском, возведённый по проекту де Герна. И.Е. Старов попытался применить те же идеи, переработав их в более камерном и сдержанном варианте, для сельского дворянского жилища, прежде всего строя усадебные дома в Богородицке и Бобриках. В усадебном зодчестве России образцы английского и итальянского палладианства возобладали над примерами французского классицизма⁸. В конце XVIII столетия «Павловский дворец Камерона, построенный при участии младшего архитектора Бренна, со своими полукружиями боковых галерей, напоминающих виллы Палладио в Северной Италии, сделался образцом для Москвы и для богатых помещичьих усадеб»⁹.

Цельным, в полной мере европеизированным явлением в русской архитектуре было елизаветинское барокко. Зрелое барокко (1740-е – начало 1760-х гг.) – это размах и декоративная пышность. Величественные, торжественные здания выглядят чрезвычайно нарядно. Объем фасадов создают ризалиты, портики, колонны, лепные украшения, скульптуры. Двухцветная окраска и

позолота – узнаваемые «маркеры» этого стиля. Крупнейшим мастером зрелого барокко (с середины XVIII в.) в России был итальянец Б.Ф.Растрелли, творчество которого ассоциируется с такими постройками, как: Зимний дворец (1754-62), Строгановский дворец, Смольный монастырь в Петербурге, Екатерининский дворец в Царском Селе (1749), Большой дворец в Петергофе (1747) и др. «Свои образцы Растрелли взял не только из Франции, где он учился в школе де Котта и Бофрана, но и из южной Германии (Мюнхен, Дрезден, Вена), где стиль рококо отличается особенной перегруженностью декоративными элементами»¹⁰. Влияние распространенного в это время во Франции стиля рококо (стиль Регентства и Людовика XV) проявилось в лепном декоре многочисленных зданий и отделке дворцовых интерьеров, созданных как самим Б.Ф.Растрелли, так и в подражание ему. Среди русских мастеров, работавших в этом русле – С.И.Чевакинский, М.Д.Расторгуев и др. Рост национального самосознания в елизаветинскую эпоху нашел отражение в огромной жизнерадостности искусства этой поры, что серьезно отличало его от французского рококо с его эпикурейским гедонизмом, связанным с ощущением надвигающейся катастрофы.

Становление классицизма в России, как и на Западе, происходит как утверждение антипода гедонистической культуре рококо. Переход от орнаментальной перегруженности рококо к классическому стилю Палладио ознаменован в Петербурге работами Валлена де Ла Мота, последователя знаменитого Габриэля, строителя парижской Ecole Militaire, зданий на Place de la Concorde и реставратора колоннады Лувра. При содействии русского архитектора А.Ф.Кокоринова, Жан-Батист-Мишель Валлен де Ла Мот построил образцовое здание Академии художеств и «старый Эрмитаж» (возле Зимнего дворца), Гостиный двор и другие постройки.

Архитектура раннего классицизма (1760-1770-е гг.), сохраняя черты барокко, сочетала его пластическое богатство с чёткостью и геометризмом форм. Ранний классицизм представлен в России именами архитекторов Ю.М.Фельтена, Ж.Б. Валлен де Ла Мота, А. Ринальди, А.Ф.Кокоринова. Итальянец А.Ринальди – автор Мраморного дворца (1768), Князь-Владимирского собора, Ки-

тайского дворца и Дворца Петра III, Каталной горки с павильоном в Ораниенбауме. Француз Валлен де Ла Мот построил здание Академии художеств, Малый Эрмитаж, церковь Св. Екатерины на Невском проспекте, здание Педагогического института. Среди созданного Ю.Фельтеном - Старый Эрмитаж и галерея-арка над Зимней канавкой, ограда Летнего сада.

В период зрелого классицизма (1780-1790-е гг.) нарастает торжественность, монументальность и подавляющее великолепие. Характерными особенностями этого стиля является украшение стен массивными портиками с мощными колоннами и фронтонами. Итальянец Д.Кваренги возводил в этом стиле здания Смольного института, Академии наук (1783-87), бывшего Конногвардейского манежа, Мальтийской церкви, Юсуповского дворца, Эрмитажного театра (1782-85), Ассигнационного банка (1783-88), Александровского Царскосельского дворца (1792-96). Шотландец Ч.Камерон сооружал строения в Павловске и Царском Селе. В результате приглашения иностранных мастеров во второй половине XVIII в. в России были воспроизведены все те стили, которые за это время сменились в Европе, преимущественно во Франции¹¹.

Любопытна история создания самого символического памятника Санкт-Петербурга – «Медного всадника». Будущего знаменитого скульптора Э.-М.Фальконе порекомендовал русскому правительству Д.Дидро как своего друга, сотрудничавшего в «Энциклопедии». Именно в Париже, в доме Дидро будущий автор «Медного всадника» выполнил его первый эскиз. Философ перед отъездом Фальконе из Парижа предлагал ему следующий образ памятника: «Покажите им вашего героя на горячем коне, поднимающегося на крутую скалу, служащую ему основанием, и гонящего перед собой варварство...»¹². Фальконе был автором лаконичной надписи на постаменте «Медного всадника», открытого в 1782 г.: «Петру Первому Екатерина Вторая». Образцом монументальной фигуры всадника в римской тоге послужила статуя Людовика XIV Бернини¹³. Камень, на который установили памятник, был найден находившимся на русской службе французским инженером М.Карбюри. Он же придумал приспособление для его перевозки и возглавил работы по уста-

новке статуи на постамент¹⁴. Разногласия между Фальконе с одной стороны и Екатерины с Бецким с другой по поводу вида этого камня послужили причиной скоропалительного отъезда скульптора из России. Он так и не увидел свое творение установленным на площади.

В период высокого классицизма, или ампира (1800-1830-е гг.) в России архитектор итальянец К.И.Росси создает великолепные ансамбли Дворцовой и Сенатской площадей (1819-29), Михайловского дворца (1819-23). Образцами для построенного французом О.Монферраном Исаакиевского собора (1817-57) были собор Св.Павла в Лондоне и Пантеон в Париже. Александровская колонна, возведенная О.Монферраном на Дворцовой площади, по замыслу Николая I должна была превзойти наполеоновскую (Вандомскую) колонну. Помимо этих колоссов, Монферран создавал облик парадных залов Зимнего дворца. Швейцарец Ж. Тома де Томон – знаменитый зодчий ансамбля Стрелки Васильевского острова, включая здание Биржи и Ростральных колонн, здания Государственного исторического архива и Адмиралтейской набережной. Скульптурное оформление Стрелки Васильевского острова выполнили французы Ж. Камберлен и Ж.Тибо (в том числе скульптуры Ростральных колонн). В этих творениях подчеркивается величественная мощь русского государства, огромное значение приобретает скульптурный декор: здания украшаются военными эмблемами, воинскими доспехами, лавровыми венками, орлами, Гениями и колесницами Славы. Среди выдающихся представителей русского высокого классицизма – А.Н.Воронихин, А.Д.Захаров, Ф.Ф.Щедрин, И.П. Мартос, С.С.Пименов, И.И.Теребенев.

Европейские заимствования в самых разных сферах отечественной жизни, в том числе и в архитектуре, не всегда были органичны. Де Кюстин, посетивший Петербург более чем через столетие после его основания, был поражен чужеродностью классического европейского искусства в Петербурге: «Несколько золочёных шпицев, тонких, словно громоотводы; портики, основание которых едва не уходит под воду; площади с колоннами, теряющимися среди громадных пустых пространств; античные статуи, чьи черты, стиль и облик так разительно противоречат здешней

почве, цвету неба и климату, а равно лицам, одеждам и привычкам местных жителей, что статуи эти напоминают пленных героев в стане врага; здания, стоящие не на своем месте, храмы, неизвестно отчего перенесенные с вершин греческих гор в лапландские болота и утратившие всё свое величие»¹⁵. Де Кюстин называл творение Петра «колоссом на глиняных ногах», в сказочном великолепии не похожим «ни на одну из столиц цивилизованного мира, даром что возводился в подражание им всем»¹⁶. Он же саркастически акцентировал внимание на контрастах и искусственности созданного в Петербурге великолепия. Французскому аристократу представлялись отвратительными «выкрашенная степь и отштукатуренное болото»¹⁷. «Скажите же на милость, - дивился де Кюстин, - чего ради в стране, где девять месяцев в году жить можно лишь при герметически закупоренных двойных стеклах, некие здравомыслящие люди нагромоздили такое количество пилястров, аркад и колоннад?»¹⁸.

И тем не менее, именно в создании Петербурга наметилось, а на рубеже XVIII – XIX вв. в России достигло небывалой высоты искусство ансамбля. Искусство городского ансамбля процветало в Европе в XVII в., в эпоху барокко и классицизма, захватив также и первую половину XVIII в. Шедевры городского ансамбля были созданы в Париже в 1755-1763 гг. (площадь Людовика XV, позже – Согласия) и в Нанси (1752-1755 гг.). В России городской ансамбль развивался дольше, чем на Западе. Уже в петровское время в Петербурге наметилась блестящая планировка трех лучей, сходящихся к Адмиралтейству: Невского и Вознесенского проспектов и Гороховой улицы. «Тогда же появились и первые загородные ансамбли: в 10-х годах была создана замечательная планировка Ораниенбаума, которая положила начало новому типу приморских усадеб, обращенных к морю и связанных с ним как разворотом своих крыльев, так и каналом. Эта идея была разработана в Петергофе с исключительным богатством, создав здесь единственную по красоте систему фонтанов»¹⁹.

Наивысшего расцвета русский городской ансамбль достигает в 1820-е гг. в творчестве К.И.Росси. Дворцовая площадь перед Зимним дворцом, окаймленная гигантским полукругом здания Главного штаба со знаменитой аркой над б.Морской улицей,

составляет гордость русского градостроительства начала XIX в. Грандиозен также ансамбль Александринского театра, включающий площадь перед ним, и здание Публичной библиотеки, целую улицу за театром (улица архитектора Росси), и, наконец, вторую площадь (Чернышева), которой заканчивается эта улица. В эти годы создаются ансамбли и в других городах (ансамбль Театральной площади в Москве, созданный О.И.Бове, ансамбли в Одессе).

Принципиально важным с точки зрения утверждения новых подходов в области градостроительства был переход под влиянием планировочных и композиционных принципов западноевропейской архитектуры от радиально-кольцевой к «регулярной» планировке. Характерными чертами принципа регулярности были геометрическая правильность планировки, наличие единых правил и приёмов строительства и оформления, симметричность в застройке улиц, определённое соотношение размеров зданий.

Впервые европейский принцип регулярности был использован в России при строительстве Петербурга, ставшем важной вехой в развитии отечественной архитектуры. Вслед за Петербургом принципы регулярной планировки были распространены на старые русские города. Вскоре после восшествия на престол, Екатерина II сделала свой первый шаг на пути европеизации страны. Императрица распорядилась о создании специальной «Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» (1763 г.), которая в течение тридцати пяти лет своей работы составила около 400 проектов перепланировки русских городов, разработанных иностранными и русскими специалистами. В основу каждого проекта были положены градостроительные принципы классицизма. Важнейший из них – «регулярство», устройство широких и прямых улиц, просторных площадей, рациональное размещение административных и жилых зданий. По разработанным планам в течение нескольких десятилетий были перестроены Кострома, Тверь, Ярославль, Владимир, Тула, Калуга, Вологда, Архангельск. Таким образом, были установлены единые принципы застройки не только вновь создаваемых, но и реконструкции хаотично застроенных старых русских городов.

Формирование принципов градостроительной деятельности осуществлялось под определяющим влиянием И.Е.Старова, применявшим к планировке поселений идеи классицизма, воспринятые им во время учёбы в Париже. В распространении новых принципов городского планирования и конструкций большую роль сыграл шотландец В.И.Гесте (Уильям Хэсти), получивший известность благодаря спроектированным в Петербурге мостам. (В ноябре 1806 г. был официально открыт Полицейский мост через Мойку. Новый мост заложил проектный стандарт целой серии мостов через Мойку и другие русла Невы, и мосты эти строил не только Гесте, но и другие специалисты на протяжении всей первой четверти XIX в. С 1806 по 1810 г. Гесте построил пять из спроектированных им десяти петербургских мостов: Полицейский (Народный), Ново-Московский, Красный, Поцелуев, Александровский)²⁰. В 1809 г. Гесте вместе с итальянским архитектором Луиджи Руска сделал альбом стандартизированных фасадов двух- и трехэтажных частных домов для городов по всей России. «В последующие годы этот альбом наряду с другими, опубликованными позднее Стасовым и Руска и содержащими изображения всевозможных общественных и частных зданий, были повсеместно распространены, и вышел приказ строго следовать их рекомендациям: они фактически явились приложением к Полному своду законов Российской империи»²¹. Эти проекты стали воплощением представлений Петра о регулярной застройке, классическом порядке и единообразии города, которые Екатерина II начала внедрять по всей России. По требованию строительного комитета, Гесте в 1811 г. «создал двадцать шесть планов стандартизированных городских районов или кварталов и площадей, на следующий год все они были опубликованы в виде гравюр тиражом 450 экземпляров. Туда вошли всевозможные вариации городских кварталов, имеющих треугольную, четырех-, пяти-, шестиугольную и даже круглую формы и планы величественных городских площадей»²².

После ухода французов из Москвы, уже в декабре 1812 г. Александр I распорядился отправить петербургского архитектора В.И.Гесте в Москву. Ему было поручено составить план восстановления города. Большая часть предложений Гесте, про-

служившего в России более полувека, была реализована на практике, свидетельством чему современные Театральная и Манежная площади.

До 1832 г. Гесте был главным «градостроителем - планировщиком империи»²³. Любой провинциальный губернатор, желавший внести изменения в городскую застройку или перестроить город после пожара, должен был делать это в соответствии с утвержденными в Петербурге планами. Влияние Гесте на облик российских городов было обширно: от побережья Балтики до сибирских Омска и Томска, от Онеги на севере до Киева и Екатеринослава на юге. Однако, «фундаментом» отечественного классицизма были российские градостроительные реалии и традиции. Большинство городских зданий по-прежнему строили из дерева. Даже дворцы и усадьбы знати нередко возводили из деревянного бруса и только снаружи оштукатуривали стены под камень. Из 7 900 домовых строений Петербурга в 1833 г. 5 200 были деревянными, а деревенский дом «в три окошка» был самым распространенным типом городского здания.

Архитектура городов-заводов и собственно промышленная архитектура также испытала сильное европейское влияние. Аналогии с европейскими производственными постройками просматриваются при сопоставлении их с крупными предприятиями, основанными Петром I: голландская стилистика первых каменных корпусов Адмиралтейства – такелажной мастерской и «магазинов», петербургская Шпалерная мануфактура, основанная по типу парижской гобеленовой мануфактуры, петербургские пивоварни строившиеся «на голландский манер», Сестрорецкий, Ижорский заводы, Партикулярная, Галерная верфи, Канатные заводы, Петергофская гранильная и шпалерная мануфактуры. В первой половине XIX в. были развиты классические черты планировки промышленных городов Урала. «Их реконструкция в стиле русского классицизма обогатила промышленные города величественными ансамблями с ордерными композициями в духе французского ампира конца XVIII в... На формирование представлений о классической индустриальной архитектуре российских зодчих отмечено значительное влияние Ле-ду – одного из первых промышленных зодчих Европы. Его ар-

хитектура и увражи внимательно изучались русскими исследователями, и их влияние можно проследить на некоторых русских заводах (Ижевский, Ижорский)²⁴.

Первые текстильные многоэтажные фабрики Петербурга - кирпичные, неоштукатуренные 4-5-этажные здания - по архитектурной стилистике и общему решению были схожи с английскими текстильными фабриками эпохи промышленной революции. Позднее Виктор Шретер и Иеронимус Фридрих Китнер в Петербурге инициировали и пропагандировали «кирпичный стиль» - рациональной отделки фасадов зданий (в том числе, промышленных) облицовочным кирпичом вместо непрочной штукатурки. Фасады таких зданий обходились на четверть дешевле. Этот стиль широко распространился в архитектуре конца XIX в²⁵. И. Китнер также много строил с применением металлических конструкций с остеклением. К началу XX в. влияние немецкой архитектуры, прежде всего промышленной, усилилось. В основном оно проявилось в решении технических вопросов и преобладании в промышленном зодчестве тяжеловесной монументальной архитектуры в стиле П. Беренса²⁶. В стиле модерн работали К. Шмидт, Ф. фон Постельс, Р. Мельцер, А. фон Гоген, В. Шауб и др²⁷.

Иностранцы принимали активное участие в возведении не только столичных городов, и не только в качестве архитекторов. Тобольск строился пленными шведами, отправленными в Сибирь в период Северной войны Петром I. Работников, мастеровых, участвовавших в строительных и отделочных работах дворцовых зданий, также специально привозили из-за границы. Мастера, прибывшие в Петербург в 1716 г. вместе с Леблонем из Франции, поселились во Французской слободе на Васильевском острове. В 1784 г. по просьбе британского архитектора Ч. Камерона группа из 140 работников с женами и детьми прибыла из Шотландии в Царское Село. Приехавшие поселились в маленьких деревянных домиках на каменных фундаментах, построенных Камероном в юго-западной части Царского Села на «Английской Линии»²⁸.

Разумеется, внутренние интерьеры построек также воспроизводили стиль европейских дворцов и особняков. В екатеринин-

ское время Россия переживает увлечение Англией. С Британских островов возвращаются восторженные путешественники - Н.М. Карамзин, Е.Р.Дашкова. Ярким свидетельством влияния английского классицизма на убранство московских и подмосковных особняков последней четверти XVIII в. служат сохранившиеся почти в неизменном виде интерьеры Останкинского дворца-театра графа Н.П.Шереметева. Специально для дворца было приобретено множество английских товаров, широко использовались золотые гротесковые орнаменты из резного дерева и папье-маше, введенные в моду по всей Европе одним из лидирующих представителей английского классицизма Робертом Адамом²⁹. В Москве получили распространение сложные техники имитации материалов: резное дерево, папье-маше, мастика и бумажные обои заменяли дорогостоящую бронзу, цветные мраморы, мозаику. Особенно ценились английские люстры с музыкальной механикой внутри. «При помощи спрятанного внутри механизма рожки вращались вокруг стержня люстры под музыку, производимую карильоном»³⁰.

В конце XVIII в. в России появились относительно дешевые французские бумажные обои. По примеру европейских особняков стены комнат в богатых русских домах драпировали также шелковым штофом, на потолке создавали лепные орнаменты или расписывали его плафонной живописью. В соответствии с общеевропейскими канонами комнатного убранства, залы обставляли дорогой мебелью, украшали зеркалами, картинами, декорировали скульптурой, вазами, часами, устанавливали музыкальные инструменты (клавесины, фортепьяно, механические органы). В Россию импортировались новые предметы мебели: помимо обеденного стола появляются ломберные, бильярдные, туалетные, письменные. Ввозятся из-за границы или делаются по последним европейским образцам в России бюро, трюмо, канапе.

При Александре I стиль «Людовика XVI» уступает место стилю «империи». Его наиболее знаменитыми представителями во Франции были Пиранези и Леду, а в Россию он пришел с опозданием в 30 лет. Представителем этого стиля в России стал Тома де Томон, автор одного из самых совершенных в мире архитектурных ансамблей – Стрелки Васильевского острова,

строитель не сохранившегося петербургского Большого Театра (1802-05) и петербургской Биржи (при ее проектировании использовался опубликованный проект биржи П.Бернара). Адмиралтейство А.Захарова и Горный институт А.Воронихина знаменовали освоение в России французской архитектуры ампира. Казанский собор А.Воронихина был явно вдохновлен собором Святого Петра в Ватикане, но на его стиле «сильно сказались занятия архитектора в парижской Академии»³¹. Истинным завершителем Александровского стиля и всего петербургского периода архитектуры был К.Росси, незаконный сын «итальянской танцовщицы времени Екатерины, обучавшийся во Флоренции»³². О.И.Бове создавал архитектурный облик и убранство Манежа, а также проектировал Александровский сад у Кремлевской стены и ансамбль Театральной площади в Москве. Швейцарец Д.Жилярди был творцом московского архитектурного классицизма (здание Университета, ансамбль Манежной площади); он же восстанавливал Москву после пожара 1812 г.

Если в петровский период и на протяжении XVIII в. – первой четверти XIX в. в петербургском строительстве преобладали голландские, итальянские и французские фамилии, то большая часть XIX столетия – время английских и немецких архитекторов и инженеров. Французские мастера доминировали лишь в первые два десятилетия XIX в., в эпоху Александра I, что связано, в том числе, с притоком эмигрантов. Среди них Ш.Б.Митуар, А.Ш. Карафф, Н.Куртель, Л. де Сент-Обен, О.Дезарно, А.Ф. Лагрене, Ж.А.Пеншон, А.Беннер и др.³³. В 1810-1820-е гг. в эпоху расцвета стиля ампир, «язык русского зодчества стал, как и речь представителей высшего общества Петербурга и Москвы, в полной мере франкофонным»³⁴.

Ориентация на Францию на всех стадиях развития архитектуры русского классицизма очевидна. В ментальности зодчих, строивших в России в это время, преобладали нормы и представления, ориентированные на французские технические достижения и художественные стили. Можно сказать, что от эпохи Петра Великого до наполеоновских войн интенсивность и значение франко-русских архитектурных контактов неуклонно возрастали. И после окончания войны с Наполеоном Санкт - Пе-

тербург продолжал обновляться в духе французского неоклассицизма. В 1816 г. Александр I назначил испанского военного инженера, наполеоновского генерала О. де Бетанкура председателем Комитета для приведения в лучшее устройство всех строений и гидравлических устройств в Санкт-Петербурге.

В то же время, после освобождения России от наполеоновских войск и поднявшегося национального самосознания готовность к подражанию чужому уступила место потребности в собственном «национальном» стиле, хотя европейское влияние, конечно, не пресеклось вовсе. Так, образцом английской архитектуры в николаевскую эпоху стал Коттедж, построенный для Александры Фёдоровны. Он был спроектирован А.Менеласом, приехавшим в Россию из Англии в 1784 г. для совместной работы с архитектором Ч.Камероном. Особняк был построен в стиле псевдоготического английского деревенского дома начала XIX в.

Для архитектуры позднего русского классицизма характерна тесная связь с германским зодчеством. В Петербурге строили К.Шинкель и Л. фон Кленце. Среди выдающихся петербургских инженеров и архитекторов XIX в.: Л.Бонштедт, Р.Гедике, Р.Генрихсен, В.Шретер, И.Китнер, Р.Бернгард, А.Гун, Г.Паукер, О.Крелль, К.Шмидт, Э.Юргенс, А.Мерц и др. Русские немцы не теряли своей связи с исторической родиной, как правило, они оканчивали немецкие школы Петербурга, а высшее образование стремились получить в Германии.

Царствованию Николая I принадлежит характерный, так называемый казарменный стиль, отличающийся однообразными прямыми линиями и простотой орнамента - стиль тоже западноевропейского происхождения, культивировавшийся Стасовым, Росси, Штаубертом и др. Одобряя этот стиль для правительственных сооружений, Николай I высказывал постоянное желание, чтобы при составлении проектов православных церквей преимущественно был сохраняем вкус древнего зодчества. Проводником этого направления был российский немец архитектор К.А. Тон. Его первым произведением в этом роде была церковь св. Екатерины в Санкт-Петербурге. В конце 1830-х гг. Тон составил «нормальные» (типовые) проекты, по которым должны были строиться церкви по всей России. Сам термин «нормальные» предположи-

тельно пришел из Пруссии, где также возводились стандартные культовые постройки, называвшиеся «Normalkirchen»³⁵. В 1835 году в том же стиле Тоном была начата постройка храма Христа Спасителя в Москве. Задавшись целью восстановить древнерусское зодчество, Николай I заботился о сохранении его памятников, об их реставрации, обнаружении и изучении.

В царствование Николая I по проекту Тона был возведен Большой Кремлёвский дворец (1838-1849 гг.), строительством которого ведал уроженец Эльзаса, герой Отечественной войны гофмейстер полковник Л.К.Бодэ. Тон также был архитектором Оружейной палаты в Кремле (1844-1850 гг.), железнодорожных вокзалов в Москве и Петербурге.

Вторая треть XIX в. ознаменовалась распадом классицизма и появлением множества стилизаторских течений: здания строились в новом греческом духе, псевдорусском духе, русско-византийском, готическом, барокко. К середине XIX в. классицизм сменяется эклектизмом – сочетанием, а часто и нагромождением разных стилей. В области архитектуры царствование Александра II отличается необычайной жизненностью. Вместо прежнего, скучного, холодного единообразия появилось в различных постройках часто удачное применение разнообразных стилей - византийского (Гримм, Кузьмин, Парланд), романского (Макаров, Рахау, Гримм), готического (Бернгард, Гиппиус, Бейне), ренессанса (Китнер, Шретер), Людовика XIV и XV (Рахау), арабско-мавританского (Бахман, Шапошников, Серебряков), армяно-грузинского (Гримм). С другой стороны, деятельно продолжалось и усиливалось более сознательное и верное применение форм старорусского зодчества. Среди архитекторов-эклектиков второй половины XIX в. - Р.А.Гедике, Г.А.Боссе, М.Е. Месмахер, И.С.Китнер, П.Ю.Сюзор. В числе зданий, построенных в это время - крытые рынки, вокзалы, банки, гостиницы, здания акционерных обществ, множество доходных домов.

Под воздействием движения 1860-х гг. в архитектуре барский помещичий стиль с колоннами и галереями, заимствованный с Запада, отходит в прошлое. Для построек стали искать образцы в национальном стиле. Мебель и домашняя утварь в русском стиле становятся модными под влиянием коллективного творче-

ства художников, тяготевших к мастерским, созданным В. Васнецовым, В. Поленовым, И. Репиным, М. Антакольским, В. Суриковым, В. Серовым, М. Врубелем, К. Коровиным и др. в подмосковном Абрамцево.

Интерес к культуре Древней Руси в эпоху Александра III отражался в семиотике русских мотивов в архитектуре, декоративном искусстве, платье. Новый вкус всячески поддерживал младший брат Александра, великий князь Владимир Александрович. В 1885-1886 гг. он перестроил нижнюю гостиную своего дворца на берегу Невы в духе древнерусских палат. Демонстрацией русского стиля стал костюмированный бал, который великий князь дал в своем дворце 25 января 1883 г. Николай II высказывал открытое предпочтение культурным формам Московской Руси в искусстве, одежде. Ведущие мастера нового национально-романтического направления в архитектуре России были в большинстве своем немецкого происхождения. Наиболее яркой фигурой из них был А. Витберг³⁶.

В конце столетия прекрасное творение еще одного архитектора-немца – Альфреда Парланда – Храм Воскресения Христова (Спас на крови) в Санкт-Петербурге, стал господствующей моделью официального русского стиля церковной архитектуры с 1881 по 1905 г. Глазурованный кирпич для фасадов этого собора был изготовлен на Зигерсдорфских заводах в Германии, а заказ на выполнение мозаичных икон в боковых приделах получила берлинская фирма «Пауль и Вагнер». Фасады храма украшали барельефы святых работы петербургского скульптора Роберта Баха, а кованая ограда была изготовлена в мастерской петербургского кузнеца Карла Винклера³⁷. В Москве ярчайшим примером русского национального стиля стал Ярославский вокзал архитектора Франца Альберта (Федора Осиповича) Шехтеля, выходца из поволжских немцев.

Многие иностранные архитекторы (среди которых особенно много немцев) привлекались к строительству самых разнообразных построек промышленной и гражданской архитектуры и в XIX - начале XX вв. (Д. и Г. Гримм, А. Гун, В. Гартман, Л. Даль). При этом потомки немецких переселенцев настолько восприняли русскую культуру, что стали создателями многих построек в

«национальном русском стиле». Например, «придворный архитектор Д.Гримм, дед которого переселился из Германии еще во времена Екатерины II, разработал тип церкви на основе русских культовых построек XVI-XVII веков. По его проектам были возведены православные храмы «в русском стиле» не только в России, но и за рубежом: в Женеве, Ницце, Копенгагене и близ Иерусалима, на Елеонской горе»³⁸.

В последнюю четверть века в старорусском стиле возводятся не только ряд церквей. Этот стиль переносится на здания общественные (например, музеи Исторический и Политехнический, Ряды, Дума в Москве, театры, выставочные здания, частные дома Мамонтова, Лопатина, Щукина, Порховщикова в Москве). Развивается не только зодчество каменное, но и деревянное. Своим своеобразием и красотой возродившееся русское зодчество – симбиоз западноевропейских техник и русского колорита – вызывает удивление и признание иностранцев.

В конце XIX – начале XX в. параллельно с эклектизмом с его многочисленными разнородными украшениями развивается и набирает силу модерн, для которого характерно использование новых конструкций, строительных и облицовочных материалов (металлы, железобетон, стекло, керамика, глазурованные изразцы). Фасады зданий украшались пейзажами, мозаиками, майоликой. В интерьерах широко применялось дерево, цветное стекло, художественная роспись, резьба, витражи. Очень популярны были стилизованные растительные узоры, плавно изогнутые текущие линии, цветовые акценты. Архитекторы модерна предпочитали регулярной планировке свободную, асимметричную и обтекаемые формы. Карнизы, дверные и оконные проёмы имели изогнутые очертания; ажурные решётки балконов и ворот плавно вращались в здание, повторяя, дополняя или подчеркивая изгибы фасадных линий. Ранний модерн – романтичен, живописен, декоративен (примерами его являются дом компании «Зингер», построенный в 1902-1904 гг. архитектором П.Ю.Сюзором; особняк М.Ф.Кшесинской (1904-1906), автор - А.И.Гоген). Поздний модерн апеллирует к классицизму, он более строг. Таково построенное в 1907-1913 гг. архитекторами Ф.И.Лидвалем и В.В.Кузнецовым здание Азовско-Донского банка, здание магази-

на Гвардейского экономического общества (1908-1909 гг., архитекторы Э.Ф.Виррих, С.С.Кричинский). Среди архитекторов петербургского модерна известны также В.В.Шауб, Н.В. Васильев.

В 1910-х гг. на смену модерну пришел неоклассицизм (с его апелляциями к классическому наследию XVIII – начала XIX в., интересом к архитектуре петровской эпохи и древнерусскому зодчеству), затем наступила эпоха массового жилищного строительства.

Итак, становление новой русской архитектуры в первой половине XVIII в. непосредственно связано с распространением господствовавших в Европе стилей и принципов городского планирования и строительства. Дворцовые, частные и производственные здания второй половины XVIII – XIX вв. создавалась под заметным влиянием архитектуры Западной Европы. Иностранные архитекторы и мастера совместно с их русскими коллегами и учениками возвели сотни выдающихся национальных памятников архитектуры и тысячи зданий городской, усадебной и промышленной архитектуры по всей России. Архитекторы – немцы (даже и родившиеся на территории Российской империи, но тесно связанные с Европой через немецкоязычные школы, а которых они обучались, лютеранское вероисповедание, профессиональное образование, полученное в германских высших учебных заведениях) внесли яркий вклад в создание так называемого русского стиля – национального архитектурного достояния нашей страны.

Парковое искусство. Принцип ансамблевой застройки распространял творческую концепцию архитектора на прилегающую территорию. Возведение дворцов, усадеб, городских строений включало и ландшафтные работы. Ориентирами в этой области были Франция и Британия. Садово-парковое искусство Франции не могло оставить равнодушным русского царя-реформатора Петра I. Жан-Батист Леблон был приглашен в Россию, вероятно, именно благодаря своему трактату «Теория садового искусства», чрезвычайно популярному в 1720-е гг. в Европе.

Перед дворцами и усадьбами стали устраивать партер (открытую часть парка с газонами и цветниками). Пышными резиденциями французских королей были навеяны дворцы и парки

Петергофа и Стрельны³⁹. Позднее, во второй половине столетия под влиянием Руссо в парках высоких особ «начали появляться «эрмитажи», павильоны «дружбы» и «уединения», деревенские фермы и домики в стиле Трианона»⁴⁰. Итак, в первой половине XVIII в. в России были распространены регулярные, или французские парки, создававшиеся по образцам, приближенным к знаменитому Версалю.

Французские правильные сады, все еще популярные при Елизавете, сменились в годы правления Екатерины II английской «плантоманией». Самое большое влияние на ландшафтную архитектуру оказали, конечно, британцы. Первым из них на русскую службу был принят шотландец Ч.Спарроу, прибывший в Россию в 1769 г. и в течение десяти лет занимавшийся созданием парков в Гатчине (владельцем которой в те времена был Г. Орлов). Позднее Павел I разбил в Гатчине парки по образцу парков в Шантильи. В 1793 г., в период увлечения Павла I Е. Нелидовой, в Гатчине был построен Павильон Венеры на «Острове любви» - копия павильона, который понравился Павлу в Шантильи⁴¹.

Особенно выделяется деятельность шотландца Ч.Камерона по планировке садово-парковых зон в Царском Селе. Выдающийся зодчий прибыл в 1779 г. по контракту на три года, а прожил в России больше 30 лет, до конца своей жизни. На протяжении всего царствования Екатерины II Ч.Камерон был её личным архитектором. (При Александре I он был назначен на должность главного архитектора Адмиралтейской коллегии.) В числе других наиболее значительных британских специалистов по ландшафтным паркам, работавшим в екатерининской России – Д.Буш, У.Гульд (придворный садовник Екатерины II)⁴². Шотландский садовник Дж.Мидер устроил в Петергофе по поручению императрицы парк «в английском вкусе», названный позже «Английским», как и дворец, в нём построенный. В последующие годы над созданием прекрасных парков в Царском Селе, Павловске, Петергофе, Ропше, Царицино трудились Грей, Маннерсы, Колл, А.Менелаус и многие другие британские садовники и архитекторы. Со временем парк (сад) становится обязательной принадлежностью не только богатой дворянской усадьбы, но и усадебного комплекса помещиков средней руки.

Таким образом, в 1770-е гг. французский регулярный парк был постепенно вытеснен английским, пейзажным. «Английские парки», ставшие отличительной чертой императорских и аристократических имений, «в ряде случаев создавались русскими, которых посылали изучать это искусство в Британию, но в подавляющем большинстве появились благодаря труду целой плеяды одаренных британских садовников, о которых мало кто вспоминает в России и о деятельности которых часто даже не подозревают на их родине»⁴³. Архитектурное убранство – беседки, павильоны, гроты, эрмитажи, театры, оранжереи, фермы, вольеры, мостики (как видно даже из названий) – заимствовались из французского и английского ландшафтного искусства.

2.2 Изобразительное искусство

Гравюра. Прикладное искусство. Гравюра была наиболее доступным видом искусства для относительно широкой массы людей. В России гравюра нашла доступ к народу в качестве лубочной картинки. Сам Петр научился гравировать «иглой и крепкой водкой под смотрением Адриана Шхонебека в Амстердаме». Голландский мастер Адриан Шхонебек посетил Москву в 1696-1697 гг. и запечатлел на гравюре фейерверк по случаю азовской победы. В 1698 г. он поступил на русскую службу, организовал при Оружейной палате гравировальную мастерскую, и начал обучать русских художников новой технике⁴⁴.

В середине XVIII в. большой вклад в развитие техники гравирования внесли немецкие мастера – Штенглин, Г.Ф.Шмидт. «В Петербурге гравёрное искусство процветало. «Лицевые известия о монстрах», «лицевые объявления о военных кампаниях» заменяли для народа газету»⁴⁵. Русских гравёров обучал тот же Шхонебек, а также Вортман и Шмидт (вторая половина XVIII). Они передали свое искусство русским ученикам: А.Ф. Зубову, гравировавшему петербургские постройки, мастеру портретной гравюры Ивану Соколову, Чемесову.

Екатерина II в качестве придворного гравёра пригласила англичанина Дж.Уолкера, который приехал в Петербург в 1784 г. и

прожил в России почти двадцать лет⁴⁶. Гравёрные мастера многочисленными копиями с известных картин знакомили общество с произведениями изящного вкуса, способствуя пробуждению интереса к светскому искусству.

В области декоративного и прикладного искусства русские мастера ориентировались на французских мэтров. В царствование Елизаветы стремление к роскоши и комфорту, провоцируемое необычайным великолепием двора, развилось в высших слоях общества. Следуя моде, занесённой с Запада, вельможи стали, наряду с портретами, заказывать плафоны и картины, расписанные сюжетами из классической мифологии, для украшения своих усадеб. Композиции во французском вкусе стали любимым и необходимым дополнением всякого торжества. За недостатком русских, а иногда и вследствие предпочтения ко всему иностранному, все эти работы выполняли выписанные иностранцы. Из них, пожалуй, только Джузеппе Валериани, после своей 14-летней деятельности, оставил несколько талантливых русских учеников, которые выдвинулись в царствование Екатерины II. Остальные иностранные мастера оставались колонией, искусственно примыкавшей ко двору и аристократии и мало сделавшей для усвоения западного искусства русскими преемниками.

Наиболее яркий пример французского влияния являет Санкт-Петербургская императорская фарфоровая мануфактура, основанная Елизаветой, и достигшая больших высот к концу XVIII в. под руководством французского мастера главного модельера Императорского фарфорового завода Ж.Д.Рашетта, проведшего в России последние 30 лет жизни (до него эту должность занимал Фальконе). Под непосредственным впечатлением от северского «Олимпийского» и «Египетского» сервизов, подаренных Наполеоном Александру I по случаю Тильзитского мира в 1807 г., был создан так называемый «Гурьевский» сервиз, по цветовой гамме, типу декора и форме практически копирующий знаменитый «Олимпийский» сервиз Наполеона. Парадное великолепие этого сервиза было выполнено как русскими, так и европейскими мастерами (А.Адам, П.-Ш. Ландель, Ф. Давиньон, Д.-Ж.Моро, Ж.-Ф.-Ж. Свебах). Давиньоном была также вылеплена, а Моро – раскрашена колоссальная ваза «Россия». Фарфор и фаянс зани-

мают место деревянной посуды на столах всех сословий кроме крестьянского. Французское влияние явственно ощутимо в первой трети XIX в. даже в производстве традиционно тульских самоваров. Форма и отделка парадных императорских самоваров свидетельствует о том, что они создавались в стиле ампир.

Многие керамические производства Европы испытали мощное влияние форм и декора фарфоровых изделий лучших производителей других стран: знаменитого Мейсенского завода, английского Веджвуда, голландского Дельфта. Естественно, что и художественно-мануфактурные производства России в XVIII в. развивались под воздействием европейских образцов, что прекрасно просматривается, например, в ассортименте и росписи фаянсовых изделий в Архангельском⁴⁷.

Живопись. Проникновение европейского стиля портретной живописи, отход от доминировавших на Руси парсун, связан с европейскими впечатлениями участников Великого Посольства 1697-1698 гг. За полтора года путешествия по Европе с Петра I было сделано больше портретов (живописных, графических, медальных), чем со всех правителей Московии за всю ее историю. Таким образом, через «портрет государя европейское художественное знание прорывалось в Россию»⁴⁸.

Диффузия новых подходов в изобразительном искусстве шла через канал выезда русских художников для обучения живописи за рубеж (рассмотренный выше) и пребывание иностранных художников с целью создания произведений искусства и обучения его приёмам в России. Одним из основоположников русского светского портрета нового времени искусствоведы признают И.Н. Никитина (ок. 1680-1742). Достижению высокого профессионального уровня способствовало его пенсионерское пребывание в Италии.

Заметную роль в становлении отечественного искусства первой половины XVIII в. сыграли приезжие иностранцы. Портретная живопись в России XVIII в. развивалась под сильным влиянием художников-портретистов Каравака и Таннауэра. Французский живописец Л.Каравак провел в России более 35 лет, оставив в нашей культуре яркий плодотворный след. Он работал как декоратор, оформлял интерьеры, коронационные торжества,

писал портреты, будучи придворным живописцем Анны Иоанновны, делал эскизы одеяний императрицы. Традиционалистская реакция, наступившая в русском обществе после смерти императора-реформатора Петра I, проявилась и в искусстве. В годы правления типичной царицы-помещицы Анны Иоанновны реалистические элементы петровского времени в искусстве угасают. И даже Л.Каравак подпал под влияние рецидивов парсунного иератизма, с его тяжеловесной, грозной торжественностью (Л. Каравак «Портрет имп. Анны Иоанновны»). Самым талантливым учеником Каравака был Иван Вишняков (1699-1761).

С кончиной Каравака Елизавета Петровна заключила контракт на работу в России со знаменитым королевским живописцем французом Л.Токе. Вслед за ним в Россию прибыл Ж.Б. Лепренс. «В сущности, - писал первый директор Французского института в Санкт-Петербурге Л.Рео в 1909 г., - Россия принадлежит к числу тех стран, на примере которых можно самым исчерпывающим образом изучить экспансию французского искусства в XVIII и XIX веках»⁴⁹.

Больше всего живописных произведений, созданных в XVIII в. в России иностранцами, принадлежит кисти немецких мастеров⁵⁰. Немцы создавали проекты иллюминаций и фейерверков, преподавали свое искусство русским ученикам. Приехавший из Нижней Саксонии И.Г.Таннауэр, проработав в России 16 лет, многое сделал для развития русского портретного искусства. С 1735 г. в Петербургской Академии художеств работал Я. Штелин. Его называют первым русским искусствоведом⁵¹. С 1747 г., занимая пост директора ее Художественного департамента, «покровитель всех немецких муз» Штелин последовательно осуществлял программу по привлечению в Россию своих соотечественников. Среди «петербургских немцев» выделялся портретист Георг Гроот (1716-1749). Первым профессиональным реставратором в России (1740-е гг.) был немец из города Ульм художник Лукас Конрад Пфандцельт⁵². Он же был назначен первым хранителем картинной галереи Эрмитажа. Во многом благодаря влиянию Пфандцельта, в России сложилась собственная национальная школа реставрации, а сам он стал фактически первым реставратором Эрмитажа.

С началом сближения между Россией и Францией во второй половине XVIII в., в Россию стали прибывать французские мастера. При Елизавете Петровне расписывали дворцы и писали портреты Ротари, Торелли, де Вейи, Токе, Моро, де Лоррен, Лагрене. Екатерина II в числе прочих пригласила иностранных художников: Кристинек, Ритт, Лампи, Рослен, Эриксен, Виже-Либрэн. Они оказывали большое влияние на становление отечественной школы портрета и лучших её представителей, уверенно творивших уже к концу XIX столетия: «Антропов, подражавший знаменитым женским головкам Ротари; братья Аргуновы, крепостные Шереметева, особенно Рокотов, последователь де Лоррена, Ротари и Токе»⁵³. Левицкого (1735-1822) сравнивали с Гейнсборо. Итак, со второй четверти XVIII в. в тесном взаимодействии с европейскими мастерами, набирает силу русское национальное искусство, складываются и расцветают русские школы живописцев, скульпторов, гравёров. В то же время, русские живописцы обнаруживают в своих портретах такую реалистичность, которая была немислима во французском аристократическом искусстве. Даже утонченный Рокотов создает в своих ранних парадных портретах гармонию чистых и бодрых красок, не похожую на пепельную, пудренную приглушенность французских мастеров⁵⁴. При всех национальных особенностях русского искусства середины XVIII в. для него, как и для западноевропейского искусства, был характерен пышный расцвет декоративности и сенсуалистической живописи. Произведения искусства, создававшиеся для дворцов и усадеб русской знати, выполнялись главным образом иностранными мастерами, преимущественно итальянцами и французами.

Придворным живописцем при Павле I и Александре I был К. фон Кюгельхен. (Любопытно, что его сын Вильгельм, родившись и став профессиональным художником в Петербурге, переселился в Германию и стал придворным живописцем у одной из немецких принцесс)⁵⁵. Десять лет провел в Петербурге английский живописец Д. Доу – создатель портретной галереи участников кампании 1812-1814 гг., торжественно открытой в Зимнем дворце в 1826 г. Он же написал сотни портретов членов царской семьи, государственных деятелей, офицеров, писателей.

Английские художники рисовали императорскую семью в стиле семейных портретов, доведенных до совершенства при английском дворе. В начале 1840-х гг. столичная знать охотно заказывала свои портреты у британской художницы К.Робертсон. В 1840-50-х гг. ведущим мастером акварельного портрета в России был Вольдемар Гау. Николаевская эпоха в России запечатлена на нескольких сотнях полотен Франца Крюгера. Его же царствование отмечено расцветом батальной живописи в России, большой вклад в развитие которой и подготовку русских учеников внес А.И.Зауервейд, родом из Курляндии.

С начала XIX в. существенно меняется отношение русского общества (и в том числе, Академии художеств) к иностранным мастерам. Несмотря на то, что сохранялась практика более высокой оплаты иностранных мастеров по сравнению с русскими, их в Россию приглашается всё меньше. В это время в Академии из живописцев работали лишь Дуайен и Монье. В 1822 г., когда один венский скульптор просил Академию принять его на работу, она ответила, что принимает русских подданных, а иностранцев лишь в крайности⁵⁶. Преимущественное право русских художников, воспитанников Академии, перед иностранцами на работы в «публичных зданиях» было зафиксировано в дополнительных статьях к «Уставу» Академии 1802 г.

Во второй четверти XIX века число художников в России значительно увеличилось, интерес к живописи заметно возрос и из узкой сферы, придворной и аристократической, начал распространяться шире в обществе. Художественные выставки начали привлекать всё большее число посетителей. В обществе стали появляться любители, которые с охотой покупали картины отечественных художников и даже составляли из них галереи. Потребность художественного образования развилась настолько, что само общество стало помогать Академии художеств. Возник ряд частных рисовальных и живописных школ в провинции, в Москве образовался художественный класс, в Санкт-Петербурге - общество поощрения художников, много сделавшее для поддержки искусства и распространения образования и искусства. Кружок любителей, основанный в 1833 г. художественный класс, скоро расширился в Общество любите-

лей художеств, при котором в 1843 г. художественный класс превратился в училище живописи и ваяния (позднее и зодчества), давшее ряд даровитых художников. И все же до середины XIX века главное течение русской живописи шло из западноевропейского источника. По-прежнему старались подражать или французам, или итальянцам. Так появлялись «русские Пуссены, Караччи, Рафаэли, Гвидо-Рени».

П.Н. Милюков полагал, что нить зависимости русского искусства от иностранного прерывается только на передвижниках⁵⁷. К 1850-м гг. в России уже сформировалась национальная художественная школа, выросли свои таланты и педагоги. Молодые люди с разных концов Руси, стоявшие близко к жизни, проникнутые национальным самосознанием, более сознательные и художественно образованные, самостоятельные не могли примириться с условностью классических программ Академии и, в числе 13, с Крамским во главе, вышли из Академии в 1863 году. В 1872 году они составили "товарищество передвижных выставок", ставшее главным центром русской национальной школы. К нему примыкали почти все выдающиеся таланты 1870-1880-х годов.

Протест художников, вошедших в историю русской культуры под именем передвижников, был направлен как раз против закостенелых европейских традиций, ставших обязательной нормой в артистическом мире Российской империи. Свободный выбор сюжета для работ, представлявшихся на конкурс был неприемлем для преподавателей Императорской Академии художеств, ссылавшихся на Европу: «Нигде в Европе этого нет, во всех академиях конкурсы существуют, другого способа для экзамена Европа не выработала».

Реалистичная манера изображения, присущая передвижникам, корреспондировалась с современными им мировыми художественными тенденциями. Так, знаменитая картина В.Перова «Тройка» очевидно перекликается с «Бедным шарманщиком» бельгийского художника Ж. Стивенса⁵⁸. В конце XIX в., связь русского и европейского искусства восстановилась, русские художники имели перед собой уже законченный цикл европейского развития, из которого могли черпать по собственному выбору⁵⁹.

Частые выставки иностранных художников в российских столицах, распространённость заграничных путешествий и дос-

тупность иллюстрированных изданий по искусству сближали российских художников рубежа XIX-XX веков с западным искусством. Именно в России стал проявляться особый интерес к новаторским течениям в западноевропейском, в частности во французском, искусстве. В музее современного французского искусства, открытого миллионером С.И.Щукиным во дворце Трубецких в Малом Знаменском переулке, были лучшие вещи В. ван Гога, П.Сезанна, П.Гогена, П.Пикассо и др. Кроме того, С.И. Щукин собрал известную на весь мир коллекцию А. Матисса, (который посетил его галерею в 1911 г.), создав прецедент музейной коллекции одного художника. По сути, С.И. Щукин, поддержав европейских авангардистов, помог их российским единомышленникам реализовать творческий потенциал. Влияние щукинского собрания на современников и последующие поколения проявлялось на протяжении всего XX столетия. Музей современного искусства появился в США лишь в 1929 г., во Франции – в 1947 г. Таким образом, С.И.Щукин опередил европейских и американских меценатов – первых на 20, вторых – на 40 лет – в создании музея современного искусства, в популяризации художников-авангардистов.⁶⁰ Со Щукиным соперничал другой миллионер И.А.Морозов, у которого была своя коллекция – работы Гогена, Сезанна, К.Моне, М.Дени, Ван Гога.

Скульптура. До середины XVIII в. в православной России практически не было скульптуры как самостоятельного вида искусства. Скульптуры рассматривались как проявление идолопоклонства и «латинства» (католичества). Этому виду искусств было достаточно сложно прижиться на русской почве. Однако уже в петровское время скульптура появляется во дворцах, парках, храмах, в отделке зданий. В Летнем саду были размещены более 300 мраморных скульптур, привезенных по распоряжению царя из Европы. Большую роль в процессе становления принципов скульптурного искусства в петровской России сыграли путешествия русских мастеров за рубеж; покупка работ венецианских скульпторов конца XVII - начала XVIII в. и античных подлинников для Летнего сада, а также работа иностранных мастеров в России (А.Шлютер, Н.Пино). И все же в первой половине столетия подлинной скульптуры было еще очень мало. В середине XVIII века портретная скульптура со-

всем исчезла, гегемония утвердилась за декоративной скульптурой. «Именно в этой области работали и первые русские мастера, главным образом под руководством иностранных скульпторов; имена русских мастеров почти не сохранились или не могут быть связаны с определёнными произведениями; пожалуй, только в области резьбы по камню приобрели известность русские мастера – в частности, семья резчиков Зиминых, работавших главным образом в Москве, но вызывавшихся также и в Петербург. Во дворцах и храмах подвизались преимущественно иностранцы... немцы Дункер, Штальмейер, французы Луи Роллан, Никола Жиле и многие другие»⁶¹.

По-европейски образованные русские ваятели Ф.Гордеев, Ф.Шубин, М.Козловский, И.Мартос, Ф.Щедрин, И.Прокофьев, составляют славу и гордость отечественной скульптурной школы, представляют «золотой век» русской скульптуры, охватывающий период 1770-1810-х гг. В России был создан собственный вариант общеевропейского стиля классицизма, отличавшийся от западноевропейского не только большей реалистичностью, переплетенной с изысканным декоративизмом, но прежде всего своим глубоким духовным наполнением⁶². При этом специалисты признают, что как многие другие виды материальной культуры, скульптура «целиком – в виде образцов и конкретных западных мастеров – была вывезена с Запада и привита на русскую почву, без права оглядок на старину»⁶³.

В России классицизм господствовал исключительно долго. Зародившись в 1760-х гг., он пережил эпоху своего расцвета на рубеже XVIII-XIX столетий. Его угасание пришлось на 1820-30-е гг.⁶⁴. Скульптурные произведения, статуи превозносили правление Александра I в неоклассических формах, господствовавших в тот период в западноевропейской скульптуре. Авторами многих прославленных памятников были русские немцы. Памятник И.Ф.Крузенштерну на берегу Невы был создан И.Н.Шредером, «Пушкин-лицеист» в Царском селе – Р.Р.Бахом.

Многие выходцы из Европы создавали в России целые творческие династии. Их представители ярко проявляли себя в самых разных жанрах: живописи, скульптуре, зодчестве, театральном и балетном искусстве, музыке и литературе. Потомок старинного немецкого рода Клодтов фон Юргенсбургов, знаме-

нитый скульптор, один из основоположников анималистического жанра в русской скульптуре Петр Карлович Клодт был представителем семьи художников, творивших в России в XIX - XX вв. Его работы украшают многие места Петербурга: шестерка коней Нарвских ворот, памятники И.А.Крылову и Николаю I, знаменитый ансамбль «Укротители коней».

Хорошо известна семья Бенуа-Лансере. Основатель династии Николай Леонтьевич Бенуа – сын кондитера, переселившегося из Франции и ставшего метрдотелем Павла I. В эпоху Николая I Н.Л. Бенуа был, по сути, главным архитектором города, последние четверть века своей жизни он неизменно возглавлял строительную часть Городской управы, «через его руки проходили проекты практически всех строившихся в столице зданий»⁶⁵. Среди его потомков - художник и историк искусств А.Н.Бенуа – петербургский француз в третьем поколении, выдающийся мастер «малой скульптуры» Е.А.Лансере, иллюстратор и живописец Е.Е.Лансере, архитектор Н.Е.Лансере, художница З.Н. Серебрякова-Лансере⁶⁶. Многочисленный клан составили потомки бежавшего из Франции в период революции 1788-1794 гг. знатного дворянина Матье Ге. Наиболее известен из них художник Н.Н. Ге, создатель исторических полотен «Царь Петр допрашивает своего сына Алексея», ряда картин на библейские темы «Что есть истина?», «Выход Христа в Гефсиманский сад», «Тайная вечеря», «Голгофа»⁶⁷.

Среди обрусевших выходцев из Франции - знаменитые на весь мир художники-ювелиры А.П.Фаберже, Е.К.Фаберже, создатель жанра художественной панорамы Ф.А.Рубо, архитектор П.Сюзор, построивший в Петербурге около 80 зданий, архитектор Петергофской гранитной фабрики, редактор журнала «Зодчий» Н. де Рошефор-старший, художники-авангардисты С.И. Бодуэн де Куртене и М.В.Леблан (участники группы «Бубновый валет») и М.В. Ле Дантю (входил в группу «Лучисты и будущники»)⁶⁸. Главным художником ювелирной фирмы Фаберже был швейцарец Франц Бирбаум, директором императорского фарфорового завода – швейцарец Франц Гаттенберг.

2.3 Музыка

Отечественная музыкальная культура на протяжении многих столетий питалась из двух источников: народных песен и танцев и знаменных литургических песнопений. Последние достались нам в наследство от Византии, где издавна существовала традиция хорового пения без инструментального сопровождения. Петровские реформы серьезно повлияли на развитие музыкальной культуры. Музыканты русской православной церкви стали обращаться к западным образцам полифонической и гармоничной музыки и адаптировать их технику для исполнения в императорской капелле, откуда она распространялась в другие хоры. Старый стиль постепенно вытеснялся, так что даже система нотного письма «на крюках» становилась не всем понятной. К XIX столетию связь со средневековой литургической традицией была сильно ослаблена⁶⁹.

Со времён Петра вместе с общим распространением западной культуры начинает сказываться влияние и в области русской музыки. Немецкие музыканты входили в состав придворного оркестра, который сопровождал Петра I в походах, играл на торжествах и ассамблеях. Известно, что жена Петра I Екатерина Алексеевна имела собственный оркестр, в составе которого «было много хороших немецких музыкантов»⁷⁰.

Новый стиль музыкального исполнения зарождался и в дворянских усадьбах. Он базировался на западных примерах. В XVIII в. многие вельможи увлекались роговой музыкой и содержали целые оркестры музыкантов. Музыканты и исполнители вокальных партий обучались исполнению в итальянской и австрийской манерах. В Санкт-Петербурге императорская власть поддерживала развитие оперы и балета, поначалу привлекая к постановкам иностранных музыкантов и актёров, а затем отсылая русских исполнителей для обучения за рубеж.

При дворах русских императриц безусловное преобладание получила итальянская музыка. Начало проникновению итальянской оперы было положено при императрице Анне, пригласившей в 1735 г. итальянского композитора Франческо Арайя. Неаполитанец по происхождению, Арайя более четверти века тру-

дился в России, содействуя развитию русской национальной оперы и балета. В течение 28 лет он поставил 17 своих опер.

Во времена Елизаветы Петровны первым русским арфистом стал Иоганн Христофор Гохбрикнер, концертировавший не менее 17 лет⁷¹. В 1756-64 гг. в России работал немецкий композитор Герман Раупах, до 1768 г. – в должности придворного капельмейстера по приглашению Екатерины II служил Б.Галуппи, до 1798 г. – Д.Сарти, одновременно с ним – В.Мартин-и-Солер и Д. Чимароза (1789-92), с 1794 по 1800 г. – Астарити. Потёмкин пытался привлечь на русскую службу и Моцарта, но сумел уговорить приехать только его современника В.Мартин-и-Солера. По заказу Потёмкина Сарти положил на музыку традиционный русский гимн «Тебе, Бога, хвалим» под аккомпанемент пушечных залпов⁷².

В 1764 г. в Россию была выписана французская комическая опера, которая культивировалась при малом дворе наследника Павла в противоположность итальянской опере большого двора. Почти пятьдесят лет прожил в Петербурге камер-музыкант Екатерины II и музыкальный учитель будущего императора Александра I Август Фердинанд Тиц из Нюрнберга. Он же был основателем первого русского квартета⁷³.

Основополагающим трудом о русской музыке вплоть до начала XIX в. считалась изданная в 1770 г. на немецком языке в Риге и Лейпциге двухтомная книга Я. фон Штелина «Известия о музыке и балете в России». Выпускник Лейпцигского университета Штелин стал, фактически, первым историком русской музыки⁷⁴.

Среди бельгийских музыкантов в России отмечены Д.-П. Пильтен, арфист П.Симон, виолончелист Ф.Сервэ, преподаватель игры на фортепиано Л.Брассен, певец Ж.Дюпюи, скрипач Э. Исэи. Пост придворного скрипача и учителя занимал А. Вьетамп.

Большой вклад в становление музыкальной культуры в России внесли немецкие музыканты и певцы К.Келлер, В.Пальшау, И. Геслер и др. Особенно много их приезжало в Россию в правление Екатерины II (К Гартман, И.Штейн и др.). Немцы также успешно занимались производством музыкальных инструментов. В Петербурге это были фабрики Р.Ф. Ратке, Дидерихсов, Ю.Г. Циммермана. С 1818 г. в Петербурге существовала форте-

пианная фабрика «Шредер». Качество производимых ею инструментов ценилось очень высоко: фирма была поставщиком пяти европейских дворов. «Карл Рюнеш» - официально поставлял свои фортепиано трем европейским дворам. Производством музыкальных инструментов занимались и бельгийцы. Например, Глиэр (отец известного советского композитора Р.Глиэра) имел мастерскую в Киеве.

Однако это были представители прежде всего светской музыки, а в России над всеми остальными видами музыкального творчества длительное время заметно преобладала музыка духовная. Ее классический этап связан с именем Д.С. Бортнянского, олицетворяющим собой расцвет духовной музыки в конце XVIII столетия. На формирование его творческого мышления большое влияние оказал знаменитый итальянский оперный композитор Б.Галуппи, занимавшийся с талантливым певчим композицией в 1765-68 гг. Скорее всего, по его рекомендации, Бортнянского в конце 1768 г. отправили в Италию для совершенствования композиторского мастерства⁷⁵. Там он провел десять лет (1769-1779), ставших важнейшими для формирования личности и творческих взглядов композитора. Классик русской духовной музыки, Бортнянский написал и много светских сочинений (в том числе оперы, романсы, песни и пр. на французском, итальянском языках). В Италии же оттачивал свой талант еще один уроженец Глухова, автор великолепных духовных кантат М.С.Березовский (1745-1777).

Принято считать, что русское музыкальное искусство достигло классического совершенства в первой половине XIX в. Первым композитором, объединившим в своем творчестве европейские и русские традиции был Михаил Глинка (1801-1857), учившийся в Италии у Доницетти (Donizetti) и Беллини (Bellini)⁷⁶. Его «Жизнь за Царя», исполненная впервые в Петербурге в 1836 г., считается первой национальной оперой. В ней сплавлены воедино итальянские рулады, германская гармонизация и оркестровка, народные мелодии и русская идея поддержки царя народом. П.Н. Милюков полагал, что явление Глинки в музыке отмечает такой же этап в её истории, который в истории литературы отмечен появлением Пушкина. «Оба начинают пе-

риод самостоятельного, покончившего с подражанием, русского национального творчества»⁷⁷. Сталкиваясь с иностранными влияниями, Глинка чувствовал себя особенно русским.

Толчок, данный Глинкой, был так силен, что за полвека русская музыка не только получила ярко выраженный национальный характер, но и сравнялась в своём поступательном движении с музыкой Западной Европы, начавшей развиваться несколькими веками ранее. Ближайшим последователем Глинки стал А.С. Даргомыжский, даровитый творец "Русалки", мелодика и гармония которой блещут истинно народными чертами. Значительное влияние на дальнейшие успехи русской музыки оказали братья А. и Н.Рубинштейн основанием двух первых русских консерваторий, давших целую плеяду композиторов, соединивших с выдающимся талантом превосходную подготовку и много сделавших для развития мелодических и гармонических форм. Чайковский симфониями и оперой "Евгений Онегин", Бородин оперой "Князь Игорь", Римский-Корсаков, Мусоргский, Кюи и другие продвинули вперёд великое дело создания самобытной русской музыки, которое завещал им Глинка.

Германское влияние сказалось как на Глинке, основным учебником гармонии для которого всю жизнь оставались тетрадки берлинского профессора Дена, так и на Даргомыжском, также тщательно переписавшим эти пять тетрадок в 1833-1834 гг. «Оба композитора не раз ездили за границу и имели возможность познакомиться в источнике с современной европейской музыкой и с её представителями. Глинка слышал в Германии (1830) и «Фрейшюца», и «Фиделио», в Италии свел знакомство с Доницетти, Беллини, виделся с Мендельсоном. Позднее он познакомился в Петербурге с Листом (1842-43), а в Париже (1844) с Берлиозом, с которым сравнивали его оркестровку и который, по собственному признанию, «произвел на него неопишное впечатление»⁷⁸.

Милюков полагал, что с преемников Глинки начинается отчуждение от Запада, которое скоро перешло в сознательный антагонизм, даже несмотря на поездки за рубеж и общение с европейскими композиторами – молодежь хотела стоять на своих ногах⁷⁹.

Русские композиторы взаимодействовали с европейскими коллегами и у себя дома, в России. Другом Глинки, Даргомыжского, Балакирева, других русских композиторов был Адольф Гензельт, поселившийся в Петербурге в 23 года и проведший там всю жизнь. «Несколько десятилетий своей жизни Гензельт посвятил преподаванию музыки, разработав целостную систему музыкального образования в России. В учебных заведениях российской столицы преподавали и такие талантливые немецкие музыканты, как пианисты К.Майер, И.Рейнгард, скрипач И.Ф. Мюллер и др.»⁸⁰.

Первоначально пересаженная в Россию целиком (при Петре, Елизавете, Екатерине II) в виде военных оркестров, серенад и маскарадов, позднее дивертисментов и опер, западноевропейская музыка оттеснила музыку чисто русскую в сферу исключительно простого народа. Культурная же Россия начала ограничиваться чуждой музыкой. Естественным последствием этого было развитие так называемой псевдонародной музыки, созданной русскими музыкантами, воспитавшимися на западноевропейской гармонизации и мелодике и в то же время проникнутыми инстинктивным стремлением к национальной русской музыке. Таковы были Варламов, Гурилёв, Алябьев и другие с их псевдорусскими мелодиями романсов-песен, сделавшихся очень популярными, благодаря простоте и миловидности мелодики. С 1810 по 1831 г. в Москве жил известный ирландский композитор и пианист Джон Филд, учениками которого были А.А. Алябьев, А.Н.Верстовский, А.Л.Гурилёв, А.С.Грибоедов и другие. Глубокий след в истории музыки оставили музыкальный критик (друг П.И.Чайковского и Н.Г.Рубинштейна) Г.А.Ларош (1845-1904), пианист А.И.Виллуан, композитор К.П.Вильбоа (1807-1882) – автор популярного среди революционно настроенной молодежи дуэта «Нелюдимо наше море», составитель сборника 150 русских песен для различных музыкальных инструментов⁸¹. В 1880-1882 гг. в доме московской меценатки Н.Ф. фон Мекк служил в качестве аккомпаниатора 18-летний Клод Дебюсси. На его творчество оказали большое влияние русские композиторы: интонационные ходы и темы М.П.Мусоргского, А.П. Бородина, С.И.Танеева звучат в произведениях этого французского композитора⁸².

Становление музыкальных жанров и техники сочинения и исполнения в России отражали не только стилевое влияние западной музыкальной культуры. Тематика музыкальных произведений также откликалась на неизменно актуальный вопрос о взаимоотношениях России и Запада. «Борис Годунов» и «Хованщина» - крупнейшие музыкальные произведения эпохи, интерпретируют ключевые события отечественной истории – столкновения российского и западного миров в начале XVII в. (Смутное время) и конце XVII столетия (смертельная схватка русской традиции и западных инноваций). Драматизм усиливается чисто музыкальными средствами: борьбой тем русского знаменного пения и западного военного марша.

Знаменитую сюиту «Картинки с выставки» М.Мусоргский написал под впечатлением посмертной выставки работ, организованной в память русского немца, одного из создателей нового «фольклорного» направления внутри «русского стиля» художника-архитектора Виктора Эдуарда Гартмана⁸³.

Композитор Г.Берлиоз дважды гастролировал в России – в 1847 и 1867/68 гг.⁸⁴. В Россию с концертами приезжал К.Сен-Санс. Напротив, в Европе бывали и концертировали русские композиторы. Швейцарию, например, посетили М.И.Глинка, П.И. Чайковский, А.Н.Скрябин, С.В.Рахманинов, И.Ф. Стравинский⁸⁵.

Широко известны русские сезоны в Париже, организованные С. Дягилевым в 1909-1913 гг. Обратная связь реализовывалась в музыкальных сезонах пианиста и дирижера Александра Зилоти – «Концертах Зилоти». Они почти совпадали во времени (1906-1914) с дягилевскими сезонами в Париже. Концерты эти устраивались в основном в Петербурге, в них участвовали выдающиеся композиторы и исполнители Франции – Шоссон, Дебюсси, Сен-Санс и др.⁸⁶.

Итак, длительное время (вплоть до открытия Антоном Рубинштейном консерватории в Санкт-Петербурге в 1862 г., и в Москве в 1866 г.) русские композиторы были либо самоучками, либо пополняли свои знания в период обучения за рубежом. На протяжении большей части рассматриваемого периода европейская музыкальная культура звучала камертоном для русских композиторов и исполнителей.

2.4 Танец

В русском языке слово «танец» (*danza* – итал., *danse* – франц., *tanz* – нем.) и европейский танцевальный стиль появились в XVII веке, как отголосок времени расцвета европейской бальной культуры. Благодаря усилению контактов с европейскими странами из-за участвовавших приездов иностранцев в Россию, шло знакомство с европейской бальной хореографией⁸⁷.

Первым празднеством, на которое были допущены ранее запертые в термах русские женщины, была прощальная аудиенция бранденбургского посла, устроенная 19 февраля 1699 г. в Лефортовском дворце на Кукуе. Таким образом, увеселения высшего общества были переустроены на европейские манер, в общественную жизнь включаются женщины. Танцевальная культура достаточно быстро внедрилась в светскую жизнь европеизировавшегося русского дворянства. Русские кавалеры и дамы в начале XVIII в. в большинстве своем обучались танцам либо во время поездок за границу, либо, что чаще, у пленных шведских офицеров, которых в это время в Москве было довольно много. Под страхом наказания приказано было танцевать всем девицам, начиная с 14-летнего возраста⁸⁸. Российские балы были декретированы сразу после возвращения императора из второй длительной заграничной поездки, быстро оказали влияние на бытовую этикет, пластику, костюм, и стали одним из важнейших каналов проникновения в Россию европейской моды⁸⁹. 26 ноября 1718 г., в один день со знаменитым указом о подушной подати, состоялось распоряжение об устройстве в частных домах ассамблей. Указ объяснял само новое слово и правила «каким образом оныя ассамблеи отправлять, покамест в обычай войдет». Данью западноевропейской традиции было отсутствие на ассамблеях хлебосольного стола, типичного для русских обычаев. Главным развлечением ассамблей было не традиционное угощение, а танцы, свободное общение дам и кавалеров. В объявлении генерал-полицмейстера Девиера об ассамблеях (1718 г.) пояснялось: «Хозяин не повинен гостей ни встречать, ни провожать, ни потчевать...». В то же время, в комнатах готовились столы с трубками, табаком и деревянными лучинками.

Едва ли не самая важная «контркультурная» особенность бала состояла в том, что он радикально изменил статус женщины. На Руси женщина не должна была появляться в публичном пространстве и лишь на свадебных пирах могла оказаться в обществе мужчин, не находившихся с ней в кровнородственных связях. Декретированный Петром I бальный церемониал вывел её из закрытых хором и сделал эпицентром театрализованного зрелища. Более того, бал оказался едва ли не первой в России формой демонстрации инициативного выбора женщиной мужчины. Так, менуэт, обычно следовавший за первым полонезом, на протяжении почти всего XVIII века был «белым танцем». Да и правила бала достаточно недвусмысленно ставили мужчину в зависимость от женщины⁹⁰. Элементы бального этикета в виде приветствий, пластических норм поведения и общения постепенно входили в обиход, преобразуя не только церемониальные большие балы, но и частные, домашние танцевальные вечера, распространившиеся со второй половины XIX века.

Основы русской школы классического балетного танца были заложены в первой половине XVIII в. У её истоков стояли мастера французской и итальянской балетных школ. Ж.Б.Ланде был приглашен в царствование Анны Иоанновны на должность танцмейстера в только что открытый Сухопутный шляхетский корпус. Став придворным балетмейстером, он представил Анне Иоанновне проект устройства государственной танцевальной школы. В 1738 г. в Петербурге была основана балетная школа Ж.Б. Ланде для подготовки танцоров придворной балетной труппы. Здесь берет начало знаменитая ныне Санкт - Петербургская государственная Академия русского балета имени профессора А.Я.Вагановой.

Первая четверть XIX в. в российском балете известна как «эпоха Ш.Л.Дидло». Прославленный балетмейстер Ш.Л.Дидло в течение многих лет возглавлял петербургскую театральную школу, и в том, «что к 1820-м годам в России сложилась национальная школа классического танца, несомненная заслуга француза Ш.Л.Дидло, проработавшего в северной столице в общей сложности четверть века»⁹¹. В русской столице моду подносить букеты и подарки артистам ввели иностранные танцовщицы, появившиеся на петербургской сцене.

Для русского балета чрезвычайно много значит фамилия Петипа. Солист балета и хореограф Мариинского театра в Петербурге француз Мариус Петипа, женившийся на русской балерине М.А.Суровщиковой, стал основателем целой династии танцовщиков и актеров. Приглашённый танцовщиком-премьером в императорскую труппу в 1847 г., А.В.М.Петипа прожил в России всю жизнь. Более полувека Петипа содействовал развитию российского балета, будучи танцовщиком, балетмейстером, педагогом. Как балетмейстер он поставил свыше 60 балетов. (Свой лучший балет-феерию «Спящая красавица» он поставил в возрасте 72 лет, а «Раймонду» - в 80).

Парадоксальным образом, привнеся в Россию танцевальную культуру, европейцы сохранили её ядро для повторного открытия в Европе. Французский критик К.Моклер писал о дягилевских сезонах в Париже: «На этот раз мы были удивлены, узнав в русской хореографии принципы старинной французской хореографии, совершенно забытые в настоящее время и внесённые в Россию в конце XVIII - начале XIX в. нашими балетмейстерами»⁹².

2.5 Театр. Кинематограф

Бесспорно, значительным явлением в культурной жизни петровской России являлся театр. Придворный театр в Москве был устроен в 1672 г. еще при отце Петра — царе Алексее Михайловиче. Представления в нем давала «иноземная труппа» (играли немецкие актеры), но русские люди также привлекались к новому развлечению. Однако этот театр просуществовал лишь четыре года.

Во время своей первой поездки за границу, Петр I не раз посещал театры Амстердама, Лондона, Вены. Идея привнести в Россию это зрелищное явление не оставляла русского царя. В ходе Великого Посольства были наняты антрепренёры, актёры, музыканты и драматурги. В 1702 г. Петр I выписал странствующую немецкую труппу актеров во главе с актером и драматургом И.Х. Кунстом. Он же должен был подготовить русских артистов. Театральные представления давались два раза в неделю

на Красной площади с октября 1703 г., где в спешном порядке было выстроено специальное помещение — «комедиальная храмина», или «комедиальный анбар». Таким образом был создан Публичный общественный театр. Труппа играла переделки различных пьес немецких, французских, итальянских авторов нового времени. Через год Кунст умер, и с 1703 г. руководителем театра стал Отто Фюрст. Сначала немецкие актеры играли на немецком языке, но после того, как согласно договору с царем они включили в труппу русских учеников и исполнителей, спектакли стали идти и на русском языке. В 1706 г. театр, «осиротевший» после смерти Кунста, и не пользовавшийся успехом у зрителей, прекратил свое существование. Когда столицей стал Петербург, там был построен первый театр немцем Манном. В эпоху Петра I даже в Духовном Регламенте 1722 г. предписывалось семинариям "заставлять в свободное время учеников разыгрывать нравственные комедии".

Тропинку, проложенную труппой Кунста, продолжили топить другие европейские актёры. По приглашению Анны Иоанновны (познакомившейся с театральными представлениями в Митаве), в Россию прибывали итальянские актеры комедии дель арте, итальянские и немецкие музыканты, певцы.

Большой любительницей театра была Елизавета Петровна. Вскоре после воцарения, она выписала из Парижа драматическую труппу Ш. Сериньи, которая начала выступать в Петербурге в 1742 г. и давала спектакли в течение 16 лет. «Именно она положила начало почти не прерывавшейся до 1918 г. деятельности французских актёров на петербургской сцене. И всё это время французы первенствовали среди иностранных придворных антреприз»⁹³. Жалованье французов в несколько раз превышало те суммы, которые получали русские актеры и актрисы. В начале XIX в. рядовой французский актер получал 5 тыс. - 6 тыс. рублей в год, а содержание выдающейся русской актрисы Е. Семеновой не достигало и 2 тыс.⁹⁴. Французский театр познакомил жителей российской столицы с новым жанром, появившемся в Париже – с опереттой, поставив в 1859 г. «Орфея в аду» Ж. Оффенбаха.

Первым устойчиво функционирующим немецким театром в Петербурге была «Немецкая комедия». Выступления труппы под руководством И.Х. Зигмунда начались в 1740-х гг. В 1777 г. Карл Книппер организовал «Общество немецких актеров», имевшее в своем репертуаре оперы, трагедии и зингшпили⁹⁵. Несмотря на поддержку Екатерины II, театр просуществовал недолго. Спасителем труппы стал Павел I, решивший основную проблему существования театра – финансовую. В 1800 г. труппа перешла в ведение Дирекции императорских театров, а ее новым директором был назначен немецкий драматург и романист А. Коцебу (среди его потомков, прославивших Россию – мореплаватель Отто Коцебу, совершивший три кругосветных путешествия, художник-баталист Александр Коцебу, другие сыновья занимали посты генерал-губернатора, дипломата, сенатора)⁹⁶.

В середине XVIII в. во многих российских городах выступали иностранные актерские труппы, но преобладание в их репертуаре иностранных пьес обусловило отсутствие к ним широкого интереса. Профессиональный русский драматический театр зародился «в недрах Сухопутного шляхетского корпуса». Там давал спектакли любительский театр кадетов, руководимый А.П. Сумароковым. С начала 1750-х гг. здесь обучались первые русские профессиональные актеры во главе с Ф.Волковым и И. Дмитриевским⁹⁷. Первый русский драматический профессиональный театр возник в 1750 г. в Ярославле по инициативе купца Ф.Г. Волкова. Переехав через два года в Петербург, он в 1756 г. указом императрицы был преобразован в Российский театр «для представления трагедий и комедий» (с 1832 г. – Александринский). Но даже в середине XVIII в., когда Российский театр начал давать свои спектакли, французский театр функционировал очень активно. Таким образом, русский и французский театры находились в одном профессиональном пространстве, открывавшем хорошие возможности для творческого сотрудничества.

Императрица Екатерина II очень любила театр и сама писала и переводила для него пьесы. Она основала народный театр в Петербурге. Устройство этого театра было весьма просто: под открытым небом был воздвигнут из досок обширный амфите-

атр, который вмещал множество зрителей. В нём давались исключительно комедии. Труппа была составлена из подьячих и мастеровых. В 1774 г. состоялся указ об учреждении в Петербурге Российского публичного театра. В 1779 г. - учреждено театральное училище. В Москве был выстроен в 1780 г. Медоксом Петровский театр по образцу европейских. В 1783 г. окончилось строительство большого каменного театра в Коломне. 12 июля 1785 г. был составлен особый комитет для управления театрами.

В 1824 г. было устроено громадное роскошное здание Большого Театра, а вскоре после него было построено и здание Малого Театра. Публичные театры в Москве, находившиеся сначала в частных руках, в 1806 г. поступили в ведение казны и стали именоваться Императорскими.

Учреждение драматических классов при театральном училище и при Филармоническом обществе в Москве, дало возможность пополнить ряды провинциальных актёров лицами с достаточной подготовкой к делу. Появился устав русского театрального общества, с целью содействовать всестороннему развитию театрального дела в России (ходатайство о нуждах, материальная помощь). Во второй половине XIX столетия в Петербурге постоянно находилась французская драматическая группа, в России гастролировали Э. Рашель, С. Бернар.

Итак, в петровскую эпоху в России развился новый вид искусства – театральное. Со временем разнообразие и число театров значительно возросло. Возникли русские и иностранные, столичные и провинциальные, казенные и частные, профессиональные и любительские театры. На рубеже XVIII-XIX вв. насчитывалось около 170 крепостных театров. Богатые вельможи, учебные заведения, провинциальные дворяне – все стремились ставить или смотреть спектакли. Любительские театры создавались в Московском университете, Академии художеств, Смольном институте, Шляхетском и Пажеском корпусах, Московском и Петербургском воспитательном домах. Если еще в петровское время бытовало мнение, что театральные увеселения – «зрелища бесовские», то к середине столетия, когда в 1756 г. Елизавета Петровна подписала указ об учреждении «Российского для

представления трагедий и комедий театра», оно кардинально изменилось. В конце XIX века в России было 172 театра. Кроме столиц, театральное дело наиболее развито было в городах: Одессе, Киеве, Харькове, Казани, Тифлисе, Ростове-на-Дону, Новочеркасске.

Театральное искусство стало той «печкой» от которой пустился танцевать новый вид развлечения и информирования публики – кинематограф. Кинематограф появился в России сразу же после его изобретения и стал самой массовой формой искусства. Его распространение по стране шло достаточно быстро: первые киносеансы в городах Томской губернии прошли в 1896 г. практически одновременно со столичными городами. В 1907 – 1908 гг. возникают первые стационарные электротeatры. К 1914 г. было построено свыше 4 тыс. «электротeatров» и «иллюзионов». Ежедневно сотни тысяч зрителей смотрели картины зарубежного производства и 30 отечественных студий⁹⁸. В отличие от театра кинематограф стал несравненно более массовым источником информации о новой жизни для горожан Российской империи. В 1916 г. в России было продано не менее 150 млн входных билетов. Посещение сеансов было доступно многим: плата за билет составляла, как правило, 25 коп⁹⁹.

2.6 Институализация учреждений культуры

Учреждение «Императорской Академии трех знатнейших художеств». Преобразование России в русле современного развития, потребности градостроительства и оформления зданий поставили вопрос о подготовке отечественных художественных кадров. Самостоятельная роль русских мастеров в создании архитектурных ансамблей строившихся вместе с империей городов вплоть до Екатерины II была невелика. В конце 1747 г. Якобу фон Штелину удалось создать при Академии наук и художеств в Петербурге Художественный департамент, призванный собрать в своих стенах самых лучших мастеров. Преподавание живописи и в особенности искусства перспективы было поручено Джузеппе Валериани, кафедру архитектуры за-

нял Якоб Шумахер, отделением скульптуры заведовал Иоганн Франц Дункер, рисунку и композиции обучал Иоганн Элиас Гриммель. В граверной мастерской преподавали один за другим Альберт Вортман, Иван Алексеевич Соколов, Георг Фридрих Шмидт, Тайхер. Дважды в неделю Штелин собирал всех студентов и самолично обучал их искусству рисования с натуры. Кроме того, Штелин создал отделение картографии, продукцию которого составляли гравированные виды и планы Санкт-Петербурга и окрестностей, а также атлас России и карты отдельных провинций¹⁰⁰.

Остро ощущая необходимость воспитания собственных архитекторов, живописцев, мастеров прикладного искусства, И. Шувалов обратился за советом в парижскую Королевскую Академию живописи и скульптуры и пригласил знаменитых французских художников приехать в Россию для преподавания. Однако иностранные профессора, приглашенные в Россию – в том числе при посредничестве Дидро и Вольтера, – не пожелали жить в старой столице, вдали от двора. Поэтому в ноябре 1757 г. Шувалов добился разрешения учредить такую академию, получившую название «Академия трех знатнейших художеств», в Санкт-Петербурге; она была призвана приумножить славу Российской империи и доказать, что в интеллектуальном плане Россия способна сравняться с европейскими державами, а то и превзойти их¹⁰¹. Занятия в Императорской Академии художеств начались в 1758 г., причём в программу входил французский язык. Екатерина II покровительствовала Академии художеств и одаривала её роскошными собраниями картин, купленных в Европе, прежде всего во Франции. В результате французский вкус окончательно восторжествовал в высших кругах русского общества¹⁰².

Несмотря на то, что Академия художеств была основана в 1758 г. Елизаветой, свое окончательное устройство она получила только при Екатерине II, когда И.Бецким был составлен её устав, «почти буквально списанный с Парижской Академии»¹⁰³. Профессора каждого класса должны были дежурить в нем помесечно, так же как и во Французской Академии¹⁰⁴. Профессорами архитектуры, скульптуры и живописи в ней были французы,

придавшие преподаванию чисто французский характер. Среди них – Н.Ф. Жилле (преподавал в Академии с 1758 по 1777 г.), ставший учителем самых блистательных русских скульпторов XVIII в. – И. Мартоса, Ф. Шубина, И. Прокофьева, Ф. Щедрина и др. Из Франции также прибыли Л.Ж. Ле Лоррен, Ж.Л. де Вельи, Л.Ж.Лагрене, Ж.М.Моро, Ж.Б. Валлен де Ла Мот.

Художники, выписывавшиеся из-за границы, были преимущественно декораторами. В 1759 г. де Ла Мот был назначен первым в России профессором архитектуры. Первыми же учениками де Ла Мота были В. Баженов и И. Старов. «В первые десятилетия своей истории Академия художеств в полной мере ориентировалась на изобразительное искусство и архитектуру Франции эпохи Просвещения. Установленная в Петербурге система преподавания, книги, по которым учились, образцы, к которым обращались, создавали для воспитанников Академии внутреннюю структуру восприятия и осмысления принципов французского искусства, что, в свою очередь, формировало основу классицизма в русском зодчестве»¹⁰⁵. В соответствии с господствовавшей в Европе традицией, русская Академия ориентировалась на «гисторическую» живопись. В Академии также было множество слепков с антиков. В 1769 г. по заказу Екатерины из Рима Шувалов прислал формы для отливки основных известных в то время античных статуй.

Под руководством европейских мастеров русские художники освоили технику масляной живописи, светотень, линейную перспективу и другие атрибуты нового искусства. На протяжении XVIII в. в русском искусствознании складываются основные понятия и термины изобразительного искусства. Большинство из них заимствовалось из западноевропейской художественной культуры, восходя к французскому, итальянскому, немецкому и другим языкам.

Музейное дело. Музеи, в их более или менее современном понимании, стали появляться в Западной Европе не ранее XV в. С коллекциями различных редкостей русские люди широко познакомились во время Великого Посольства в 1697-98 гг. Многие небольшие городки Европы, не говоря уже о крупных исторических и столичных центрах, имели собрания своих досто-

примечательностей, производивших сильное впечатление на россиян. Тогда же были приобретены некоторые из экспонатов будущих российских коллекций. Основы многих знаменитых отечественных музейных коллекций были заложены российскими монархами, закупавшими живописные полотна, скульптуру, другие произведения искусства за рубежом. Начало этому положил Петр I, привозивший понравившиеся ему произведения из своих зарубежных вояжей.

Во время зарубежных путешествий Петр I купил в Голландии значительное количество брабантских, итальянских и французских картин. Они послужили основой картинных собраний царских дворцов в Петербурге и Петергофе. Помимо самого Петра I, как минимум еще четыре участника Великого Посольства стали в дальнейшем крупными коллекционерами: сибирский воевода Ф. Головин составил коллекцию «сибирских древностей»; Я. Брюс – гемм и античных монет. Коллекции Д. М. Голицина по своему богатству уступали лишь коллекциям Брюса. Предметы западноевропейского искусства начал собирать Б. Шереметев¹⁰⁶. С середины 1710–х гг. не являются исключением поездки русской знати и учёных в Европу для покупки произведений искусства, коллекций, формирования библиотек. В начале 1720-х гг. для массовых закупок книг, коллекций, приборов выезжал Шумахер, в 1730-х гг. – Миллер.

История самого знаменитого отечественного музея – Эрмитажа, отсчитывается с 1764 г., когда в Санкт-Петербург прибыли 225 картин, приобретённых по распоряжению Екатерины II у берлинского купца И. Э. Гоцковского. Екатерина также приобрела собрания принца де Линя и графа Г. фон Брюля из Саксонии, коллекцию барона Пьера де Круаза из Франции и собрание герцога де Шуазеля, а также Хутонское собрание картин, составленное сэром Р. Уолполом.

При преемниках Екатерины коллекции продолжают прибывать. Среди самых ценных – поступившее в начале XIX в. – собрание Мальмезонской галереи императрицы Жозефины, приобретённое Александром I; коллекция амстердамского банкира В. Г. Кузвельта и часть собрания короля Нидерландов Вильгельма II, купленные по Указу Николая II.

К европейским впечатлениям россиян восходит создание так называемых Аптекарских огородов, где выращивали целебные растения. В Москве такой огород, а фактически ботанический сад (существующий и поныне) был заложен в 1706 г., в Санкт-Петербурге - в 1714 г., под таким же названием, что и в Амстердаме – “Hortus Medicus”. В этом же ряду стоит и основание Кунсткамеры (1714 г.). Экспонатами для первого российского музея изначально служили древние предметы и раритеты, собранные царем во время заграничных путешествий. Во время второй поездки по западным странам в 1716-1717 гг. Петр I в Данциге приобрел коллекцию минералов и раковин, в Амстердаме – коллекцию заспиртованных животных, рыб, змей и насекомых, а также знаменитую анатомическую коллекцию доктора Рюйша. Свой штат и помещение Кунсткамера получила в 1718-1719 гг. Петровская Кунсткамера повторяла «характерные особенности княжеских и королевских кунсткамер XVII в. вплоть до отдельных мелких, но характерных черт – включение в состав собрания искусных произведений токарной работы», а также черты тех ученых музеев, которые были зеркалом энциклопедических научных систем XVII в.¹⁰⁷. Она стала первым государственным музеем в России и одним из первых подобных музеев в Европе (первый государственный музей Англии - Британский музей был открыт в 1759 г.).

Многие идеи, определившие развитие музейного дела в России в XIX в., пришли из революционной Франции. В 1793 г. французский народ смог войти в открытые двери Лувра и увидеть его художественные богатства. Создание публичных музеев стало характерной приметой XIX в. В России в конце XVIII в. уже можно было осмотреть Эрмитаж в отсутствие императора. В начале XIX в. допуск публики в Эрмитаж производился ежедневно по билетам, выдававшимся хранителем. Император Николай I деятельно поддерживал и покровительствовал русской живописи. В 1825 году в открытом для публики Эрмитаже, среди других школ, появилось и отделение русской живописи, правда, небогатое численностью картин, но зато множество картин русских художников Николай I приобрёл себе во дворец. Всё это ускорило становление русского национального искусств-

ва. В 1852 г. Эрмитаж был превращен в публичный музей с бесплатным посещением. С 1806 г. - узаконены посещения Оружейной палаты. С 1852 г. экспозицию Оружейной палаты можно было осмотреть три раза в неделю по бесплатным билетам. Новый Эрмитаж – первое здание в России, специально построенное для художественного музея, было спроектировано придворным архитектором баварского короля Лео фон Кленце¹⁰⁸.

Национальный подъем, охвативший Россию после победоносного завершения антинаполеоновских войн, был тесно связан с широким интересом к своей истории, памятникам и достижениям. В 1817 г. в «Сыне Отечества» было опубликовано развернутое обоснование и детальный план создания Русского национального музея¹⁰⁹. Автором проекта был прусский ученый Фридрих фон Аделунг (1768-1843), приехавший в Россию на рубеже веков. Предлагалось создать на средства казны единое хранилище, включавшее в себя библиотеки и выставочные залы, «российский пантеон» национальных героев, «зал древностей», «коллекцию русских исторических памятников», этнографическую коллекцию, «кабинет естественной истории», комнату машин и моделей. Через четыре года, в 1821 г., тот же журнал опубликовал новый план (во многом повторяющий план Аделунга) создания «Российского отечественного музея», автором которого на сей раз был рижский библиотекарь Буркхард фон Викман (1786-1822)¹¹⁰. Ни одно из этих предложений не было реализовано в тот период, не получили они и должных откликов. В то же время показательно, что монументальная идея экспозиции многогранной российской истории была высказана немцами по происхождению, что подчеркивает их роль в распространении культуры и образования в нашем Отечестве.

Сходным образом сложилась судьба еще одного проекта – создания художественного музея копий. Первый художественный музей слепков в Европе возник в 1827 г. в Бонне (Германия). В 1831 г. за подписью кн. З.А. Волконской в журнале «Телескоп» был опубликован проект подобного музея в России. Предполагалось, что музей откроется при кафедре изящных искусств и археологии Московского университета, и для него будет выстроено специальное здание¹¹¹. Хорошо известно, что этот

проект осуществился очень нескоро. Идея была воплощена в жизнь И.В. Цветаевым в 1912 г. при финансовой поддержке «хрустального короля» Ю.С. Нечаева-Мальцова. Значительные средства на древнеримский зал музея пожертвовала семья французов Арманд.

Более счастливая судьба была уготована Русскому географическому обществу, также задуманному и открытому в 1845 г., в том числе, благодаря выдающимся «российским немцам» (А.Ф. Миддендорфу, Ф.Врангелю, К.фон Бэру и Ф.П.Литке). Это организация, созданная в «подвижном поле притяжения» науки, имперской политики и национальностей, скоро стала важнейшим механизмом отечественной науки, и сохранилась до наших дней. Создание РГО было откликом не только на назревшие потребности научного подхода к сбору и изучению самых разнообразных сведений о природных условиях и народах, населявших гигантскую империю, но и вписывалось в международный контекст – учреждение подобных обществ за рубежом в предыдущие годы. Первое географическое общество было основано в Париже в 1822 г., за ним в 1828 г. последовало Берлинское географическое общество, Королевское географическое общество в Лондоне (в 1830 г.) и целый ряд других.

В конце 1860-х гг. П.М.Третьяков задумал создать портретную галерею лучших людей нации – «писателей, композиторов и вообще деятелей по художественной части». Он руководствовался просветительской идеей о роли личности в истории, получившей широкий резонанс после открытия в 1856 г. в Лондоне Национальной портретной галереи. О существовании этого уникального музея Третьякову, неоднократно, начиная с 1860 г. бывавшему в Великобритании, было хорошо известно. Привлечение Третьяковым к реализации его идеи ведущих русских живописцев 1870-1880-х гг. стимулировало развитие отечественной портретной живописи. Многие произведения Перова, Крамского, Репина, Ярошенко исполнялись с заведомой ориентацией на портретное собрание Третьякова¹¹².

Еще один новый музей - Политехнический, открытый в Москве в 1872 г., был создан по образцу европейских музеев естественной истории, науки и промышленности¹¹³. В 1857 г. в Лон-

доне открылся Кенсингтонский музей прикладных знаний, ставший образцом для создания подобных учреждений в других странах. По инициативе Русского технического общества в 1872 г. в Петербурге был открыт Музей прикладных знаний, принципом существования которого, подобно Лондонскому музею была максимальная открытость для посетителей и активная пропаганда технических достижений¹¹⁴.

В создании и финансировании многих культурно - просветительских учреждений активно участвовали русские немцы. Несколько миллионов своего личного состояния барон А. Штиглиц отдал на строительство лучшего в стране художественно-промышленного училища и музея при нем. Для музея, открытого в 1895 г., было приобретено 15 тыс. первоклассных произведений искусства. По мнению специалистов, «к началу XX века трудно было найти в мире более богатый музей декоративно-прикладного искусства»¹¹⁵.

Отдельным видом музейных экспозиций является панорама. Искусство панорамы было широко развито в Европе в XIX в. Наиболее распространенными панорамами были пейзажи с видами городов или религиозные сюжеты. В конце 1850-х гг. в Европе появились батальные панорамы. Основателем русской школы батальной панорамы стал Франц Рубо. Родившись в Одессе в семье переселенца из Франции, юношей он уехал для получения образования в Баварскую Академию художеств. В Мюнхене Ф.Рубо познакомился с произведениями европейских панорамистов. Его знаменитая панорама «бородинской битвы» была открыта в Москве в дни юбилея сражения 29 августа 1912 г.¹¹⁶.

Резюмируя рассмотренные аспекты интродукции и диффузии европейской культуры в России, отметим, что, начиная с царствования Петра Великого, в Россию приезжало множество людей искусства, талантливых и подающих надежды или уже известных своей высокой квалификацией. Европейцы стали учителями для русских учеников, вместе с ними созидавая шедевры русского зодчества, изобразительных и прикладных искусств в соответствии с последними стилевыми тенденциями. Они определили внешний облик российских городов, а также внутрен-

нюю отделку их общественных зданий и частных апартаментов. К XVIII в. относится и привнесение в Россию неизвестной до тех пор отечественным художникам методики реставрации произведений искусства (Пфандцельт). В XVIII и XIX вв. в России творило множество живописцев и гравёров европейцев или из семей европейского происхождения (семья Брюлловых, Х.Г. Гейслер, Гроты, Грубе, Ф.Гросс, К.Гун, Г.Диттенбергер, Е. Дюккер, Ф.Дюрфельдт, И.Ейзенгардт, Зауервейды, К.Зеелигер, Ф. Иордан, Ф.Крюгер, П.Хесс, Г.Эккерт, К.Г.Шенберг, К. Шульц).

Русское искусство второй половины XVIII в. развивалось в соответствии с аналогичными стилевыми течениями в передовых школах Западной Европы. Русские живописцы, зодчие, скульпторы получили признание в лучших академиях Европы. Многие архитектурные ансамбли, центральные площади и скверы Москвы и Петербурга являют собой итог творческой деятельности нескольких поколений иностранных и русских архитекторов. Многочисленные европейские живописцы и гравёры, скульпторы и резчики, модельеры, миниатюристы внесли значительный вклад в развитие искусств и ремёсел в России. Иностранные мастера оказали большое влияние на формирование русских художественных кадров. Практически все они имели в России учеников, немецкие мастера «занимали прочные позиции в качестве педагогов «второго звена» в рисовальных классах Кадетского училища, в школах и гимназиях»¹¹⁷.

Итак, для XVIII в. характерна настоящая «экспансия» европейских архитектурных принципов и стилей в Россию. Ее проводниками стали иностранные мастера, которые приглашались в Россию на условиях обучения российских учеников. В то же время Пётр I ввел в практику учебу за границей способных молодых людей за казённый счет. Благодаря иностранным деятелям искусств на протяжении, по меньшей мере, двух столетий было расширено представление российских жителей о европейском художественном опыте, искусстве нового времени, его стилевых и жанровых особенностях.

Решительный шаг к упрочнению нового искусства в России был сделан в 1757 г., когда, по проекту графа И.И.Шувалова,

возникла самостоятельная "трёх знатнейших художеств" Академия художеств. Шувалов, убежденный франкофил, учредил её по образу и подобию парижской Королевской академии живописи и скульптуры, взяв за образец её устав и систему образования. Из неё же Шувалов пригласил преподавателей по всем основным специальностям, которые положили начало надлежащему преподаванию искусства. Создание отечественных музеев также шло в русле развития идей сохранения и демонстрации редкостей и ценностей, существовавших в крупнейших европейских городах.

¹ Коваленская, Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. – М., 1964. – С.26.

² Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. – М., 1982. – С. 239-241.

³ Гузевич, Д.Ю., Гузевич, И.Д. Великое посольство. – СПб., 2003. – С. 240-252.

⁴ Анисимов, Е. На голландский манер // Родина. – №3. – 2003. – С.34.

⁵ Там же. С.35,36.

⁶ Lo Gatto, E. Le mythe de Saint-Petersbourg. – Dijon-Quetigny, 2003. – P.72.

⁷ Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2, ч.2. – М., 1994. – С.24.

⁸ Швидковский, Д.О. Франция и развитие русской архитектуры в эпоху классицизма // Вестник истории, литературы, искусства. Т.2. – М., 2006. – С.157.

⁹ Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2. Ч.2. – М., 1994. – С.28.

¹⁰ Там же. С.24.

¹¹ Там же. С.25.

¹² Мезин, С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. – Саратов, 2003. – С.150.

¹³ Уортман, Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. – М., 2004. – С.183.

¹⁴ Артёмова, Е.Ю. Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века). – М., 2000. – С.194.

¹⁵ Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т.1. – М., 2000. – С. 145.

¹⁶ Там же. С. 238.

¹⁷ Там же. С. 359.

¹⁸ Там же. С. 437.

¹⁹ Коваленская, Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. – М., 1964. – С.114.

²⁰ Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005. – С.327.

²¹ Там же. С.328.

²² Там же. С.328-329.

²³ Там же. С.329.

²⁴ Стариков, А.А. Россия и Запад в истории градостроительного искусства XVIII-XIX вв. // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700-1950. Т.2. – Екатеринбург, 1997. – С.109.

²⁵ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.60.

²⁶ Штиглиц, М.С., Лелина, В.И. Памятники индустриальной архитектуры Петербурга // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700-1950. Т.2. – Екатеринбург, 1997. – С.134.

²⁷ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.61.

²⁸ Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005. – С.264.

²⁹ Ефремова, И. Стиль Адама // Родина. – № 5-6. – 2003. – С.146.

³⁰ Ефремова, И. «Всё было как в волшебном замке». Театральные приемы в дворянских домах Москвы и Подмоскovie // Родина. – №9. – 2006. – С.93.

³¹ Уортман, Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. – М., 2004. – С.281.

³² Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2. Ч.2. – М., 1994. – С.29.

³³ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.150.

³⁴ Швидковский, Д.О. Франция и развитие русской архитектуры в эпоху классицизма // Вестник истории, литературы, искусства. Т.2. – М., 2006. – С.151.

³⁵ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.54.

³⁶ Гейдебрехт, Г. Вклад немецких архитекторов в формирование «русского стиля» XIX в. // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. – СПб., 2001. – С.270.

³⁷ Там же. С.279.

³⁸ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.65.

³⁹ Мезин, С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. – Саратов, 2003. – С. 37.

⁴⁰ Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2. Ч.2. – М., 1994. – С. 54.

⁴¹ Уортман, Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. – М., 2004. – С. 213.

⁴² Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005. – С.306.

⁴³ Там же. С.18.

⁴⁴ Алексеева, М.А. Гравюра петровского времени. – Л., 1990. – С.15-17, 20-22.

⁴⁵ Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2. Ч.2. – М., 1994. – С. 52.

⁴⁶ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.216.

⁴⁷ Бережная, Н.Л. Европейские прототипы фаянсовых изделий завода в Архангельском // Век просвещения. Вып. I. – М., 2006. – С.174-189.

⁴⁸ Гузевич, Д.Ю., Гузевич, И.Д. Великое посольство. – СПб., 2003. – С.130.

⁴⁹ Reau, L. L'art français en Russie // La Grande revue. – 10 novembre. – 1909. – P. 170. Цит. по: Медведкова, О. «Ученые» или «интеллектуалы»? Луи Рео и создание Французского института в Санкт-Петербурге // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII-XX вв.). – М., 2002. – С.158.

⁵⁰ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.72.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С.73.

⁵³ Милуков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2. Ч.2. – М., 1994. – С.53.

⁵⁴ Коваленская, Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. – М., 1964. – С. 30.

⁵⁵ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.75.

⁵⁶ Коваленская Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. – М., 1964. – С. 283.

⁵⁷ Милуков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2. Ч.2. – М., 1994. – С.81.

⁵⁸ Stols, E. La Russie meridionale, une province industrielle belge // Montagnes Russes: La Russie vecue par des Belges. – Bruxelles, 1989. – P.82.

⁵⁹ Милуков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2. Ч.2. – М., 1994. – С. 81.

⁶⁰ Полякова, О.Б. Галерея, С.И. Шукина и пропаганда французского новаторского искусства в России // Россия и Франция. XVIII-XX века. – М., 2001. Вып. 4. – С.255.

⁶¹ Коваленская, Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. – М., 1964. – С. 178.

⁶² Домогацкая, С.П. Федот Иванович Шубин // Вестник истории, литературы, искусства. Альманах. Т.1. – М., 2005. – С. 399.

⁶³ Там же. С.399-400.

⁶⁴ Коваленская, Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. – М., 1964. – С.6.

⁶⁵ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.161.

⁶⁶ Полякова, О.Б. Взаимовлияние культур России и Франции во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 4. – М., 2001. – с.189.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С.190.

⁶⁹ Hosking, G. Russia and the Russians. A History. – Bath, 2001. – P.345.

⁷⁰ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.82.

⁷¹ Там же. С.83.

⁷² Мадариага де И. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М., 2002. – С.851.

⁷³ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.83.

⁷⁴ Кириллина, Л.В. К истории «Русских» квартетов Бетховена // Вестник истории, литературы, искусства. Т.2. – М., 2006. – С.165.

⁷⁵ Гительман, Л.И. Лебедева-Емелина, А.В. Дмитрий Степанович Бортнянский // Вестник истории, литературы, искусства. Альманах. Т.1. – М., 2005. – С.412.

⁷⁶ Hosking, G. Russia and the Russians. A History. – Bath, 2001. – P.345.

⁷⁷ Милоков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2. Ч.2. – М., 1994. – С.145.

⁷⁸ Там же. С.178.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.86.

⁸¹ Полякова, О.Б. Взаимовлияние культур России и Франции во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Франция XVIII-XX века. Вып. 4. – М., 2001. – С.190.

⁸² Там же. С.194.

⁸³ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.65.

⁸⁴ Полякова, О.Б. Взаимовлияние культур ... С.193.

⁸⁵ Степанов, А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. – 2006. – №1. – С.147.

⁸⁶ Полякова, О.Б. Взаимовлияние культур ... С.200.

⁸⁷ Жбанкова, Е.В. Приобщение России к европейской культуре бального танца // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.2. – М., 2002. – С.36.

⁸⁸ Там же. С.38.

⁸⁹ Дудков, Е. Славные садовые гульбища // Родина. – №3. – 2003. – С.104.

⁹⁰ Там же. С.105.

⁹¹ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки ... С.180.

⁹² Полякова О.Б. Взаимовлияние культур ... С.200.

⁹³ Чеснокова А.Н. Иностранцы и их потомки ... С.169.

⁹⁴ Там же. С.172.

⁹⁵ Там же. С.89.

⁹⁶ Там же. С.90-91.

⁹⁷ Гительман, Л.И. Французский театр в Санкт-Петербурге XVIII-XIX веков // Вестник истории, литературы, искусства. Альманах. Т.1. – М., 2005. – С.201.

⁹⁸ История России / Под ред. В.В.Керова. – М., 2001. – С.528.

⁹⁹ Фадеев, К.В. Изменения культурной инфраструктуры в городах Томской губернии (1890-е – февраль 1917 гг.) // Уральские Бирюковские чтения. Сбор-

ник научных и научно-популярных статей. Вып.4. Город как феномен культуры. Ч.1. – Челябинск, 2006. – С.324.

¹⁰⁰ Лиштенан, Ф.-Д. Якоб фон Штелин, академик и царедворец // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII-XX вв.). – М., 2002. – С.40.

¹⁰¹ Там же. С.41.

¹⁰² Там же. С.40.

¹⁰³ Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры В 3 т. Т.2. Ч.2. – М., 1994. – С.25.

¹⁰⁴ Коваленская, Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. – М., 1964. – С.84.

¹⁰⁵ Швидковский, Д.О. Франция и развитие русской архитектуры в эпоху классицизма // Вестник истории, литературы, искусства. Т.2. – М., 2006. – С.155.

¹⁰⁶ Гузевич, Д.Ю., Гузевич, И.Д. Великое посольство. – СПб., 2003. – С.108.

¹⁰⁷ Левинсон-Лессинг, В.Ф. История картинной галереи Эрмитажа (1764-1917). – Л., 1985. – С.37.

¹⁰⁸ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки ... С.66.

¹⁰⁹ Аделунг, Ф., фон. Предложение об учреждении русского национального музея // Сын Отечества. – 1817. (37). – С.54-75.

¹¹⁰ Викман, Б., фон. Российский отечественный музей // Сын Отечества. – 1821. (33). – С.289-310.

¹¹¹ Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С.584.

¹¹² Третьяковская галерея / Отв. ред. В.Радионов. – М., 2005. – С.5-6.

¹¹³ Брэдли, Д. Наука в городе: основание Московского политехнического музея // Россия XXI. – 2005. – №2. – С.97.

¹¹⁴ Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. – М., 2001. – С.590.

¹¹⁵ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки ... С.121.

¹¹⁶ Николаева, И. Недаром помнит вся Россия ...// Родина. – 2002. – №8. – С.137.

¹¹⁷ Немцы России. Энциклопедия. Т.1. – М., 1999. – С.811.

3.1 Внешний вид, одежда, мода

Европейские образцы служили ориентиром не только в сферах высокой культуры, образования, искусства, литературы, но сказывались и на внешнем виде русских людей и их бытовом поведении. Как отмечалось выше, устойчивым каналом проникновения европейских инноваций в Россию был царский двор и столичная знать. Европейское платье попадало на Русь благодаря посольским дарам и купеческим товарам, было знакомо по иллюстрированным книгам светского содержания. Иноземные правители присылали в дар царской семье ткани, а также сшитые из них «юпки и бостроги»¹. В домах русских именитых людей второй половины XVII в. было немало вещей европейской работы. Боярин Матвеев, в семье которого жила мать Петра Наталья Кирилловна Нарышкина, украшал свой дом зеркалами и картинами европейского письма. Князь В.В.Голицын не только носил европейское платье дома, принимая иностранных гостей, но и появлялся в нем публично². Боярин Н.И.Романов, находясь в деревне, любил одеваться во французское или польское платье. Царь Алексей Михайлович, будучи ребенком, носил немецкие епанчи и кафтаны. В комнатах юного Петра в Кремле хранились клавикорды, часы, многочисленные механические игрушки, сделанные руками французских и немецких мастеров. Пётр отказался носить бороду, а с начала 1690-х гг. начал одеваться в европейское платье.

Основным каналом распространения новых тенденций в одежде была Польша. В конце XVII – начале XVIII в. из Польши в Россию привозились юбки (польск. *jurka*), получившие широкое распространение как среди женщин средних слоев, так и

¹ Кирсанова, Р. Пошлина на штаны // Родина. – 1997. – №1. – С.42.

² Там же.

среди простолюдинок¹. Декларированное царскими устами стремление к сближению с Западом неизбежно должно было привести к изменениям во внешнем виде русских людей. Царская жёсткость и твердая решимость осовременить страну наиболее зримо проявилась по отношению к мужскому лицу и типу верхнего платья. Бритьё бород было очевидно задумано Петром еще в Европе. Об этом свидетельствует найм двух «балберов» (брадобреев) в Англии в феврале 1698 г. В сентябре 1698 г., по возвращении из Европы Пётр I начал самолично обрезать бороды у бояр. Официальный указ о брадобрействе «О бритье бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлыны с тех, которые его исполнять не захотят, и о выдаче заплатившим пошлыну знаков» появился 16 января 1705 г. В нем упорство в старине расценивалось пословно: дворянская и приказная борода – 60 руб., первостатейная купеческая – 100 руб., рядовая торговая – 60 руб. и т.п.² Духовенство и крестьян этот указ не затронул (крестьяне могли быть бородатыми в деревне бесплатно, но при въезде в город и выезде из него должны были платить за нее копейку). Надо сказать, что традиция носить бороду на Руси была поколеблена, но так и не истреблена. Де Кюстин в 1830-е гг. свидетельствовал: «Стар и млад, все носят бороды; у щёголей они шелковистые и расчёсанные, у стариков и нерях – спутанные и блёклые»³. В 1837 г. вновь последовало высочайшее предписание запретить носить бороды не только государственным служащим, но и отставным и неслужащим дворянам. Усы и борода находились под негласным запретом какое-то время и после смерти Николая I вплоть до воцарения Александра III.

В целях сближения внешнего вида своих подданных с иностранцами, Петр I в январе 1700 г. издал указ «О ношении всякого чина людям Немецкого платья и обуви и об употреблении в верховой езде Немецких сёдел». Он гласил: «Боярам и Окольничим и Думным и Ближним людям и Стольникам и Стряпчим и Дворянам Московским и Дьякам и Жильцам и городovým Дворянам и детям Боярским и Гостям и приказным людям и драгунам и солдатам и стрельцам и чёрных слобод всяких чинов людям Московским и городovým жителям, и которые помещиковы и вотчинниковы крестьяне, приезжая, живут на Москве для про-

мыслов, кроме духовного чину, священников и церковных причетников, и пашенных крестьян, носить платье Немецкое верхнее Саксонския и Французския, а исподнее камзолы и штаны и сапоги и башмаки и шапки Немецкия, и ездить на Немецких седлах; а женскому полу всех чинов, также попадьям и дьяконницам и церковных причетников и драгунским и солдатским и стрелецким женам их и детям носить платье и шапки и кунтуши, а исподнее бостроги и юпки Немецкие же, а Русского платья и Черкесских кафтанов и тулупов и азямов и штанов и сапогов и башмаков и шапок отнюдь никому не носить, и на Русских седлах не ездить, и мастеровым людям не делать и в рядах не торговать. А буде кто с сего Его Величества Государя указа, станут носить платье и штаны и сапоги и башмаки и шапки Русские и Черкесские кафтаны и азямы и тулупы, также и на Русских седлах ездить: с тех людей в воротах целовальникам имать пошлину, с пеших по 13 алтын и 2 деньги, с конных по 2 рубли с чело века; также и мастеровые люди станут делать и в рядах торговать: и тем людям за ослушание их, учинено будет жестокое наказание"⁴. Таким образом, за образец внешнего вида русских жиеетелей был взят немецкий и французский костюм. Платья нового, европейского образца – «чучелы, сиречь образцы платью» - были выставлены для обозрения у Кремлевской стены. Позднее о смене европейской моды россияне узнавали по присланным из Парижа куклам – «Пандорам», одетым в нарядный и повседневный костюм. Они ежемесячно отправлялись из Парижа в Лондон, а оттуда во все страны мира⁵.

Иноземная мода встречала глухое недовольство в обществе, поскольку она была чужда как традициям, духу русского народа, так и природно-климатическим особенностям страны. В 1705 г. в ряде сибирских городов (Тюмени, Таре, Томске, Иркутске) произошли массовые неповиновения указу Петра I о бритье бород и ношении немецкого платья⁶. В 1706 г. в Сибирском приказе «словесно» били челом «сибиряне, всяких чинов служилые люди, которые ныне в проезде из Сибири к Москве» о том, что им «велено...носить немецкое платье и ездить на немецких ж седлах», но таких сёдел в Сибири «делать ...некому», а в немецком платье «от великих стуж ходить никоими мерами невоз-

можно и за нуждою сделать нечем». Представители сибирских служилых людей, всего 112 чел. из всех 19 сибирских городов, просили государя разрешить им носить русское платье и держать русские сёдла. С этой общесибирской челобитной князь М.П. Гагарин обратился к самому Петру I, и царь именным указом разрешил «сибирянам» носить платье и использовать сёдла «какие кто похочет»⁷.

В столице же император демонстрировал неукоснительную готовность насильно навязать своим подданным элементы европейской бытовой культуры. В ход шли самые жёсткие меры. «У городских ворот, — писал В.О.Ключевский, — расставлены присяжные наблюдатели бород и костюмов, которые штрафовали бородачей и носителей нелегального платья, а самое платье тут же резали и драли». Основные исполнители указа – портные - с неохотой переходили на изготовление новой одежды. Нежелание и неумение приводило к производству изделий низкого качества. В этой связи в 1707 г. появился указ о клеймении немецкого платья и шапок, так как «в Москве шьют не против указанного образца», то есть не по образцу⁸. Р.М.Кирсанова всё же констатирует, что «бояре оказали гораздо меньше сопротивления, чем можно было ожидать. Упорство, питаемое истовой религиозностью и преданностью заветов дедов и прадедов, проявляли единицы»⁹.

С 1701 по 1724 год было издано 17 различных указов, регламентирующих правила ношения костюма европейского образца, типов тканей, отделку форменного и праздничного платья и т. д. Количество именных указов, постепенное ужесточение наказания за их неисполнение свидетельствует о том, что Петр I придавал большое значение костюму в системе проводимых им реформ¹⁰. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о «переодевании» в платье европейского образца лишь незначительной, преимущественно городской, части населения. Культуртрегерство Петра носило избирательный характер. Жители подвластной ему страны как бы делились на две части: те, кто был обязан жить по-европейски и те, кому разрешался традиционный образ жизни.

Замена национального платья заимствованным неоднократно имела место в истории. Но, как правило, это было связано «с навязыванием побежденным некоторых элементов бытовой

культуры победителей. В России же начала XVIII столетия произошло нечто небывалое — запрет на национальный костюм исходил не от завоевателя, а от законного государя. Осознать значимость этого события можно, только хорошо представляя себе, что даже в рамках универсальной европейской моды вплоть до середины XIX века сознательно поддерживались национальные отличия». Лишь широкое распространение готовой одежды после 1838 г. значительно смягчило региональные отличия в европейском костюме¹¹.

Запреты на национальную одежду питались не только ненавистью царя к боярству. Они были элементом новой государственной политики, направленной на укрепление и развитие России. Для этого требовались новые люди, привлекаемые Петром из самых разных сословий. Европейская одежда, одинаково чуждая и для вчерашнего стольника, и для приказного уравнивала их, служила маркером принадлежности к европеизированной элите, призванной царём на службу новой России. Спустя всего пару десятилетий одежда чуждого фасона стала неотъемлемой частью внешнего облика большей части дворянства, чиновничества, некоторых групп городского населения, тесно контактировавшего с дворянством.

Е.Политковская указывает, что в развитии костюма в России в начале XVIII в. наиболее четко проявлялись две тенденции. С одной стороны – европеизация дворянского костюма и введение форменной одежды, с другой – устойчивая приверженность остальных сословий к старорусской одежде, сохранение её форм в крое костюма¹². Впоследствии новая мода оказала влияние на костюм других слоев русского общества. Постепенно отдельные элементы нового стиля проникали, например, в крой привычного кафтана: его стали делать приталенным и со сборками на спине, значительно укороченным. Средние слои стали носить и одежду типа камзола.

В соответствии с идеей диффузии инноваций, новшества постепенно спускались в более низкие социальные слои Российской империи. Локализуясь, тем не менее, в среде относительно состоятельных и образованных групп населения, они сближали господствующий слой с Европой, отдаляя его при этом от основ-

ной массы своего народа. Подавляющая часть русского общества – крестьяне – продолжали жить в архаичном мире общинного равенства, коллективных решений, традиционной культуры, доминантой которого было выживание. Несмотря на превалирование указанной выше ситуации, можно привести и примеры принятия деревенской, традиционной культурой европейских модных веяний. Наиболее парадоксальным было, наверное, распространение в деревне кринолина, вошедшего в моду после 1850 г. Р.Кирсанова указывает на факт производства и распространения в деревнях Ярославской губернии предназначенных для крестьянок кринолинов из проволоки и прутьев¹³. Его популярность имела вполне рациональное объяснение: кринолин – вдвойне чуждый крестьянкам (как элемент городской и к тому же западной культуры) совпал с деревенским представлением о красоте, воплощенной в пышнотелой женщине-лебедушке.

Женщины-императрицы, сменившие Петра I, были лучшими «промоутерами» европейской моды. Их внушительные гардеробы непрерывно пополнялись новыми туалетами, создававшимися с учетом последних европейских тенденций. В области моды, как и в других сферах бытовой культуры, Елизавета Петровна предпочитала французские образцы, что отражало её личные пристрастия, и в то же время, было реакцией на немецкое засилье во времена Анны Иоанновны. При Елизавете Петровне в Петербург в больших количествах везли французскую помаду и пудру, парики, шелковые чулки, флаконы с лавандовой водой и зубными эликсирами и т.д.

В царствование Екатерины II одним из каналов информирования русского высшего общества о европейских модных тенденциях было «Модное ежемесячное издание, или Библиотека для дамского туалета», выпускавшееся Н.И.Новиковым. Наряду с костюмом европейской становится и прическа. Последние достижения французского парикмахерского искусства воплощали в жизнь выписанные из Франции «парук-макары» и перенявшие их мастерство «тупейные художники» (от французского слова *toupet* – взбитая челка или волосаяя накладка). Российский журнал «Магазин Аглицких, Французских и Немецких новых мод, описанных ясно и подробно представленных гравиро-

ванными на меди и иллюминированными рисунками; с присокуплением описания образа жизни, публичных увеселений и время проведения в знатнейших городах Европы; приятных анекдотов и пр.» появился в 1791 г.

Став русской императрицей, Екатерина II попыталась возродить в придворном ритуале старинный русский костюм. Принимая Иосифа II, императрица облачилась в «русское» платье. Однако по замечанию Р.М.Кирсановой, «русское» официальное платье XVIII в. было не более чем «офранцузенным сарафаном». «Откидные рукава с «окошками» (прорезями для рук) до такой степени не были свойственны европейской моде, что сочетание их с фижмами самой модной конструкции превращало наряд из парижского в «царицын», или московский»¹⁴. Тем не менее, «русское платье» дополнило роскошные западные туалеты национальными элементами, стало стандартным нарядом женщин, присутствовавших при дворе по официальным случаям в течение XIX столетия¹⁵. Основной тенденцией в правление Екатерины II было всё-таки торжество французской моды (не только на одежду и предметы туалета, но и на вина, дорогие яства, безделушки). У французов же была перенята мода на красные каблуки, обозначавшие знатное происхождение.

В 1790-х гг. из Франции в Россию были привезены яркие шади, ставшие необходимым дополнением в русском климате к светлым платьям-туникам, сшитым из легких тканей. В 1804 г. князь Н.Б.Юсупов открыл на своей фабрике в Купавне производство «кашмирских» шалей на шелковой основе с утком из козьего пуха¹⁶. О пагубности легкомысленного следования европейской моде образно писал А.И.Герцен: «Париж, с бесчувствием хирурга, целое столетие под пытку русского мороза, рядит наших дам, как мраморных статуй в газ и блонды, отчего наши барыни гибнут тысячами как осенние мухи; а наблюдательный Париж по числу безвременных могил определяет количество первоклассных дур в России»¹⁷.

В XVIII в. в России обрелось большое количество европейских парикмахеров, продавцов косметических средств и галантерейных товаров, танцмейстеров, портных, башмачников и пр. Мода, однако, была непостоянна и находилась под влиянием по-

литики. Вскоре после начала Французской революции Екатерина II распорядилась, чтобы все её подданные покинули «эту страну». В конце XVIII в. мода претерпела ещё одно серьёзное политическое вмешательство. Павловское царствование ознаменовалось запретом французской моды (полицейские палками сбивали с прохожих круглые французские шляпы) и, как ни парадоксально, на «русское платье», которое возродилось в придворном быту как обязательный наряд лишь с воцарением Николая I¹⁸. Павел I, рьяный приверженец прусских порядков, запретил ношение длинных панталон, фраков, жилетов, круглых шляп, больших галстуков-платков, а также заставлял своих подданных пудрить волосы именно потому, что парижская мода требовала отказаться от пудры¹⁹. Сразу после смерти императора в одежду вернулись французские круглые шляпы и «революционные» фраки. Буквально на следующий день после кончины Павла I столичное общество вновь облачилось в запрещённые наряды.

С начала XIX в. влияние французской моды на дворянство, чиновничество, часть купечества и некоторые другие группы образованного русского общества, безусловно, доминировало. При этом, спустя столетие после Петра I европейская одежда всё ещё воспринималась народом как «немецкая», несмотря на её реальное происхождение²⁰. Европейская мода в России распространялась через журналы; личные впечатления путешественников по Европе; готовую одежду, импортированную из западноевропейских стран, продававшуюся на ярмарках и в магазинах отдельных крупных городов; влияние облика и бытового уклада европейцев, проживавших в русских городах и дворянских усадьбах. Постепенно новинки моды выходили за стены великосветских салонов и дворцов, распространялись в купеческие и мещанские слои. Мода «спускалась» в уездные города, жители которых знакомились с её образцами через русские журналы и газеты, многие из которых вели специальную рубрику о модах в столицах Западной Европы и на модных курортах. Со второй половины 1850-х гг. горожане могли рассматривать модные журналы в публичных библиотеках.

На протяжении XIX в. женская мода продолжала ориентироваться на Францию. Но англомания, проявлявшаяся в александ-

ровское правление, повлияла на появление в 1800-1830-х гг. рединготов – приталенных пальто с пелеринами или воротниками и спенсеров – коротких жакетов с длинным рукавом. Мужская мода в большей степени соответствовала тенденциям, шедшим из Англии. Брюки поверх сапог со штрипками, появившиеся в Петербурге вместе с английским герцогом А.Веллингтоном, назывались по его фамилии «веллингтонами». Он же познакомил русских с новым типом плаща – длинным, чёрным, без рукавов, плотно застегнутым. Из Великобритании в Россию пришла мода на шляпы-цилиндры, клетчатые (шотландские) жилеты и платки, модная короткая стрижка, дендизм²¹.

Во второй половине XIX в. в моду вошла тальма – безрукавная накидка, названная по имени французского актера-трагика начала столетия. Неизменным аксессуаром этого периода стал ридикюль (ridicule), а приметой стиля – турнюр (tourneur), пришедший на смену кринолину и пышным юбкам.

Российские студенты пореформенной эпохи повсеместно носили плед или шерстяные платки в шотландскую клетку, уподобляя себя гордым героям Вальтера Скотта²². С возникновением высших женских учебных заведений появились эмансипированные студентки – стриженные, в очках, коротких платьях тёмного цвета. Опознавательным знаком женщин передовых взглядов была красная рубашка – гарибальдийка²³.

С началом XVIII в. изменения, связанные с подражанием европейским образцам проникли не только в повседневную, но и в ритуальную сферу. В случае траура на платье нашивали траурные нашивки (белые на чёрном или чёрные на белом) – плерёзы (фр. pleureuse - плакальщица). Во второй половине XIX столетия они исчезли с одежды, но сохранились на носовых платках. Существовали перья-плерёзы на головных уборах. В 1900-х гг. «траурными» назывались чёрные с белым кончиком или белые с чёрным кончиком перья (отсюда блоковская «Незнакомка» в шляпе «с траурными перьями») ²⁴.

Р.М.Кирсанова полагает, что русские портные начали создавать собственную моду, не копируя парижские и лондонские образцы, в 1880-е гг. (примером служит манто «скобелев») ²⁵. Увлечением и источником вдохновения для российской моды

начала XX в. была одежда стиля ампир, конструируемая парижскими модельерами, такими как Поль Пуаре, Жанна Пакен, Жак Дусе, Мариано Фортени.

История костюма после Петровских реформ позволяет найти немало примеров того, как вместе с формой в русский язык приходит и название предмета. Могла изменяться семантика названия, но слово прямо указывало на источник заимствования. Так случилось с фраком и тальмой, турнюром и кринолином. Это естественно, если учесть, что всех этих видов мужской и женской одежды прежде в российском быту не существовало. А вот французский драп (фр. drap – сукно) и сатин (фр. satin - атлас) лишь потеснили старинное сукно и атлас.

Для большинства жителей России современная мода оставалась «чужой»: дворянской или «немецкой». Однако процесс проникновения общеевропейской моды в русском городе в среде непривилегированных горожан в середине XIX в. зашел достаточно далеко. Этому способствовало широкое распространение одежды из ситца, благодаря которому модные платья стали воспроизводиться в широких слоях городского, а затем и сельского населения²⁶.

В отношении одежды мужское общество было намного консервативнее женского. И тем не менее, на рубеже XIX-XX вв. в среде квалифицированных рабочих стала зарождаться мода на европеизированную одежду, мебель, формы досуга, на культуру и стиль современного поведения в целом. Выходцы из деревни осваивали «городской костюм», в своей основе европейского образца. Мужчины обзаводились костюмами, шляпами, ботинками, шедшими на смену косовороткам и брюкам, заправлявшимся в сапоги. Более состоятельные слои городского населения ориентировались на европейский стиль одежды, приобретая её, а также бельё, ткани, обувь, аксессуары в магазинах-универмагах. Современники иронизировали по поводу услуг местных торговцев, предлагавших покупателям российской глубинки «готовое европейское платье парижского мастера Стерледева» или «Венский шик мадам Акулин»²⁷.

Форменная одежда. Пётр I особое внимание уделял армии, её вооружению и военной форме. Солдаты при Петре носили

кафтаны и обувь по иностранным образцам, но единообразия и порядка достигнуто так и не было. «Вместо полагавшихся уставом немецких башмаков и чулок, армию обували во всё, что придётся вплоть до лаптей. Чулки, несмотря на созданные в стране мануфактуры, тоже были разномастными»²⁸. Изменения в форменной одежде в первые годы правления Петра прошли почти незамеченными. Они не вызвали неудовольствия, так как удобство в бою ставилось выше иных соображений. Видимо, поэтому именной указ о введении единообразной для всех полков формы появился лишь в 1720 году, «гораздо позднее многих распоряжений и государственных установлении об одежде гражданских лиц разных сословий и пола. За образец кроя была выбрана форма немецкого мундира»²⁹.

Пётр не успел закончить унификацию военной формы. Его наследники одевали армию по прусскому образцу. Лишь только в конце XVIII века при Екатерине II генерал-фельдмаршал Г.А. Потёмкин ввел простую удобную форму.

Павел I вновь вернул русской армии прусские и австрийские образцы военной формы. По прусскому образцу он ввел множество экзотических цветов сукон для мундиров и приборов³⁰. По венгерскому образцу была построена гусарская форма. Но форменная военная одежда даже при Павле не могла быть точной копией иноземного прототипа — цвет сукна, прибор (отделки, опознавательные знаки полков и их местоположение) сразу же позволяли определить принадлежность солдата или офицера к русской армии.

Произошедшее в Европе в конце XVIII – начале XIX в. изменение фасона гражданского (и военного) платья затронуло и Россию. В самом начале царствования Александра I вся система форменной одежды в России, как военной, так и гражданской, претерпела изменения. Наиболее явственной была модификация фасона её главного элемента – мундира. На смену относительно просторному немецко-венгерскому кафтану пришёл мундир французского образца – узкий, с высоким стоячим воротником и резко расходящимися ниже пояса лапами, с горизонтально расположенными карманными клапанами на бедрах. Соответственно камзолы укорачивались и превращались в жилеты³¹.

Преобразования начались с военного ведомства. Мундир французского образца постепенно утверждался и в гражданской жизни³². 9 декабря 1801 г. мундиры французского покроя были даны сенаторам – членам высшего в то время коллегиального правительственного учреждения. К концу Александровского царствования число ведомственных мундиров возросло: мундиры более 30 ведомств и учреждений получили «французский» фасон³³.

Сразу же после воцарения в 1855 г. Александра II ведомственные мундиры вновь подверглись реформированию. Главной целью было упрощение форменной одежды, придание ей большей практичности (вырез юбки мундира спереди устранялся, длина фалд уменьшалась и т.д.). Периодически предпринимались попытки обратиться к национальным истокам в официальной одежде, например, в 1850-е гг. изучался вопрос об установлении нового вида придворных мундиров в русском «старинном вкусе», но эта идея не была реализована. В начале XX в. к ней вернулись снова: при дворе «носились ... с грандиозной мыслью об уничтожении современных придворных мундиров с заменой их боярскими костюмами московской эпохи. Даже поручили одному художнику изготовить нужные рисунки. В конце концов пришлось отступить перед чрезмерными затратами, которые были бы вызваны подобным планом...»³⁴. Колесо модернизации совершило свое поступательное движение, и об этом свидетельствует даже такой внешний и казалось бы непринципиальный фактор как одежда.

3.2 Кулинария, табак, спиртные напитки

В новое время в России появились многие неизвестные ранее продукты: картофель, помидоры, сладкий перец, баклажаны, фасоль, шпинат, сельдерей, петрушка, кофе, шоколад. Поощряя любопытство своих граждан, Петр I заманивал первых посетителей в Кунсткамеру не только коллекциями невиданных диковин и бесплатным входом, но и дармовым угощением: «Если кто придет с компанией смотреть редкости, то угощать их на мой

счет чашкою кофе, рюмкою вина или водки». Русская печь постепенно вытесняется западноевропейской плитой, на открытом огне которой в кастрюлях (нем. - Kastrol) и на сковородах стали готовить пищу. В дворянских домах по-новому стали сервировать стол: на нем в достаточном количестве раскладывались ножи, вилки, тарелки, появились дорогие серебряные и фарфоровые сервизы. Обеденные, кофейные, чайные сервизы состояли из множества разнообразных предметов, которых не знала допетровская Русь: чашек с блюдами, молочников, чайников, кофейников, сахарниц, суповых чаш, бутылочных и рюмочных передач, многоярусных геридонов с фруктами и сладостями, огромных блюд с подогревом или со льдом (горячую воду заливали в утолщенное днище или набивали льдом), обилие соусников и т.д. Каждой персоне полагался свой столовый прибор – куверт (нем. - Kuvert), в который входила не только посуда и приборы, но и салфетка (нем. - Salvette).

С петровских времен в русский обиход вошли многие новые блюда: бульон (фр. – bouillon); котлеты (фр. - côtelette); ростбиф (англ. – roastbeef) и др. Названия некоторых старых блюд видоизменились. Так, слово «суп» появилось в русском языке в петровское время, потеснив традиционную «похлебку». Русская аристократия начинает употреблять кофе, какао.

Проводниками кулинарных новинок выступали повара-французы, немцы, итальянцы, которые приносили в русскую кухню новые блюда и их оригинальные названия. В XVIII в. в крупных городах появились французские рестораны. Повар-иностранец становится обязательной фигурой на кухне богатого русского дворянина. Тем более, иностранные повара играли важную роль при царском дворе. Повар Петра I датчанин Ян Фельтен задолго до 1722 г. официально именовался царским «обер-кухенмейстером»³⁵.

Экзотические для России плоды и кушанья с трудом пробивались к повседневному столу обычного русского человека. Но и здесь, к середине XIX в. можно говорить не только об известности многих из некогда чуждых продуктов, но и об их известной популярности в среде простонародья (прежде всего, конечно, городского). В.Г.Белинский, сравнивая современные ему

Москву и Петербург, отмечал, что в северной столице западное влияние привело к тому, что в быт вошли «кофе и сигары, которыми даже лакомятся подгородные мужики, а прекрасный пол...без кофию решительно не может жить; подгородные крестьянки Петербурга забыли уже национальную русскую пляску для французской кадрили, которую танцуют под звуки гармоник, ими самими извлекаемые»³⁶.

Ещё одним нововведением, позаимствованным Петром I у англичан было табакокурение. Прежде в России курение табака расценивалось как дело «нечистое», табак считался «богомерзким зельем», его потребители подвергались жестокому наказанию: им вырывали ноздри и били кнутом. Курение было запрещено «Соборным уложением» 1649 г. Тем не менее, число курильщиков постепенно росло. Царь, находясь в Англии, пожаловал лорду Кармартену монопольное право на ввоз и торговлю табаком в России, после чего в стране развернулась кампания по приучению русского народа к табаку. В 1713 г. был издан указ о заведении табачных плантаций и фабрик для выделки табака по голландской методе. В 1715-1717 гг. Петр много заботился о развитии табачного дела: сам подыскал в Голландии мастера, выписал семена английского и голландского табака³⁷. В XVIII в. широко распространился нюхательный табак, а курение стало все более популярным после 1812 г., и в особенности в 1820-е гг., когда из-за границы стали привозить «сигарки».

Неотъемлемой составной частью истории повседневности в большинстве стран мира являются традиции производства и потребления алкогольных напитков. В России особенности географии и климата обусловили бытование алкогольных напитков, сырьем для производства которых преимущественно служило зерно. История российского винокурения, виноторговли и традиций потребления алкогольных напитков представляет большой интерес с точки зрения трансформаций устойчивых архетипов народного сознания под воздействием модернизации и иностранного влияния.

Импортные французские вина появились в России на рубеже XVII-XVIII веков³⁸. Поездки Петра I по Европе с её традициями виноделия и потребления виноградного вина побудили царя за-

думаться о разведении виноградников на юге России. Так были предприняты попытки заведения нового производства. При императрице Анне Иоанновне (1730-1740 гг.) французские вина вместе с кухней этой страны начали входить в моду. В последний год царствования Анны Иоанновны в Петербург приехал французский посланник маркиз де ла Шетарди. В его огромном обозе среди прочего находилось 100 тыс. бутылок тонких французских вин.

В конце правления Елизаветы возникла мода на английское пиво, распространившаяся на простонародье. Английское пиво, доставлявшееся из Британии как удобный балласт для британских кораблей, «стало не только в знатных столах ежедневно употребляться, но даже подлые люди, оставя употребление русского пива, оным стали упиваться»³⁹.

Быстро завоевало популярность в России французское шампанское. В апреле 1765 г. была поставлена первая партия игристого вина в Россию фельдмаршалу Н.В.Репнину. На празднике, устроенном им по случаю дня рождения императрицы Екатерины Великой, было выпито, помимо множества других вин, около 1 тыс. бутылок шампанского. В XVIII в. поклонники французских вин наслаждались ими чаще всего из бокалов английского и богемского стекла. Быть может, не случайно начало становления школы русского стеклоделия совпадает со временем появления французских вин в России.

Обеспокоенная событиями Французской революции, Екатерина II в 1793 г. запретила ввоз французских товаров, «а особенно вин». Запрет был снят высочайшим указом Павла I лишь в 1797 г. Французское вино стоило дорого – цена одной бутылки бургундского составляла 2 руб. 40 коп., (на эти деньги можно было приобрести около 2,5 аршинов ситца, (1,8 метра)) поэтому потреблялось импортное вино в высших слоях общества, сформировавших особенности национального столового этикета. Бутылки и графины с вином расставлялись заранее только в России. Д.И.Фонвизин, посетивший Германию, Италию, Францию писал: «Спрашивал я, для чего вина и воды не ставят перед кувертами? Отвечали мне, что и это для экономии: ибо-де подмечено, коли бутылку поставить на стол, то один её за столом и

вылакает; а коли не поставить, то бутылка на пять персон становится». В кругу друзей, многочисленных дальних и ближних родственников россияне придерживались иных правил. Бутылки и графины с вином выставлялись сразу на обеденный стол. Во Франции этот обычай появился много позднее, только при Наполеоне Бонапарте⁴⁰.

Русско-французская виноторговля заметно оживилась после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии. Особую расторопность проявила Николь-Барб Понсардэн, вдова Клико. Сразу после отречения Наполеона, она тайно загрузила в Руане голландское таможенное судно, названное ею «Добрые намерения», 12 180 бутылками шампанского и отправила его в Россию. 15 октября 1814 г. судно прибыло в Санкт-Петербург. Вслед за первым в Россию было направлено второе судно с шампанским⁴¹. Успех был таков, что на протяжении всего XIX в. русские поэты и писатели воспевали божественный напиток.

Вдовы Клико или Мозта благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.

(А.С.Пушкин. Евгений Онегин)

В XIX в. французское вино прочно вошло в обиход и занимало особое место не только в застолье и трапезе, но и в жизни русского двора и светского общества. Шампанское стало своеобразным клише, синонимом бурной молодости и безрассудной отваги.

Аи любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной и пустой...
Но ты, Бордо, подобен другу,
Который, в горе и, беде,
Товарищ завсегда, везде,
Готов вам оказать услугу
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует Бордо,
Наш друг!

(А.С.Пушкин)

В начале XX в. драгоценное шампанское - уже иной символ – знак необычайной изысканности.

Я послал тебе черную розу в бокале,
Золотого, как небо, ай.

(А. Блок)

Если винокурение – получение спирта и изготовление хлебного вина (водки) – известно на Руси издавна, то активное развитие отечественного виноделия приходится на последнюю четверть XIX – начало XX в. Это было связано, во-первых, с историей присоединения к империи Крыма, Бессарабии и Кавказа, земли и климат которых наиболее подходили для возделывания винограда. Во-вторых – с их экономическим и культурным обустройством: сооружением железных дорог, перерабатывающих заводов, заведением погребного хозяйства по европейскому образцу, открытием специализированных учебных заведений (с 1843 г., например, действовало Бессарабское училище садоводства, преобразованное в 1891 г. в школу виноделия и виноградарства). Наконец, с распространением в винодельческих районах высококачественных винных сортов из Франции и Германии, привитых на лозу американской селекции, устойчивой к заболеваниям.

Своим признанием как внутри страны, так и в мире российское виноделие обязано в первую очередь Крыму. Россия стала не только покупать виноградные вина, но и продавать их, в том числе, и во Франции. Продукция крымской компании Токмакова и Молоткова, посланная на Всемирную выставку виноделия 1895 г. в Бордо, была отмечена большой серебряной медалью. Однако натуральное виноградное вино чаще всего выпивали там, где и производили – в Крыму и на Кавказе. Вывоз вина в глубинную Россию был нерентабелен. Не было ни соответствующей тары, ни транспорта, ни дорог, отсутствовала и массовая традиция его потребления.

На внутреннем рынке России преобладали подделки. В начале 1890-х гг. эксперты Минфина собрали богатую коллекцию виноградных вин со всех концов России и передали её на химический анализ. Оказалось, что только около 8% ассортимента обладало признаками натуральных вин с примесью лишь спир-

та, остальное было подделкой. Например, для приготовления портвейна, хереса или мадеры отечественное вино смешивали со спиртом и добавляли небольшое количество иностранного вина соответствующего названия. «Лучшие крымские вина с Южного берега переделываются и под разными названиями продаются как французские. Слабые вина в бочках выставляют на мороз и выморозки продают на вес, а покупатель делает из них вино. В середине бочки собирается весь алкоголь, который не замерзает. Эту жидкость продают за мадеру».⁴²

Иронизируя над отечественным виноделием, крупнейший русский писатель сатирик М.Е. Салтыков-Щедрин так рассказывал об этом процессе: «виноделие производится в принадлежащих виноделам подвалах и погребах. Процесс выделки изумительно простой. В основание каждого сорта вина берется подлинная бочка из-под подлинного вина. В эту подлинную бочку наливается в определенной пропорции астраханский чихирь* и вода... Когда разбавленный чихирь провоняет от бочки надлежащим запахом, тогда приступают к сдобриванию его. На одну бочку вливают ведро спирта, и затем, смотря по свойству выделываемого вина: на мадеру – столько-то патоки, на малагу – дегтя, на рейнвейн – сахарного свинца и т.д.»⁴³

Брат известного русского поэта и издателя Н.А. Некрасова – Ф.А. Некрасов - являлся владельцем винокуренного, водочного и пивоваренного заводов в Ярославской губернии с оборотом свыше 100 тыс. руб. в год. В ассортименте производимой продукции значились не только различные водки и наливки, но и «Ром №2»⁴⁴. Как известно, ром – это крепкий спиртной напиток из перебродившего сока или патоки сахарного тростника. Откуда же взялся сахарный тростник в средней полосе России? Ярославль в России середины XIX в. был известен как крупнейший центр по производству фальсифицированных вин. В XIX в. существовали многочисленные пособия по выделке фальшивых вин. Согласно одному из рецептов для производства рома рекомендовалось взять «хорошо очищенный спирт 60-70%, смешать по усмотрению с известным количеством настоящего ямайского

* Чихирь – плохо выбродившее жидкое кизлярское вино.

рома, подкрасить вытяжкой из дубовой коры и оставить стоять по крайней мере на год». Давалась рецептура и экспресс-производства рома. «Берут обыкновенную сахарную патоку, разводят водой, запускают дрожжами и, по окончании брожения, перегоняют. После этого подкрашивают и оставляют стоять на некоторое время, отчего улучшается вкус и приобретает запах настоящего рома»⁴⁵.

На рубеже XVIII-XIX вв. продукция французских виноделов стала привычной не только для Москвы и Санкт-Петербурга, но и для многих отдаленных городов российской империи, в том числе уральских и сибирских. В числе потребителей данной продукции выступали, как правило, представители привилегированных слоев: дворянства, купечества и духовенства. 1 октября 1799 г. екатеринбургский священник Ф.Л.Карпинский записал в своем дневнике: «... в вечеру пробовал водку французскую шестилетнюю, которой нет лутче из протчих водок не исключая и рому, который ныне ставят за велико и пьют с аппетитом»⁴⁶.

Начало 1890-х гг. принесло некоторые изменения в технической области отечественного винокурения. Появились ректификационные аппараты, которые давали возможность улучшить очистку спирта. Данные аппараты изготовлялись преимущественно за границей, транспортировка их на места, например, на Урал обходилась дорого. Установка ректификационных аппаратов стала привилегией крупных заводчиков. В 1893 г. Злоказовы установили ректификационный аппарат типа «Саваль» на Черкаскульском винокуренном заводе. Аналогичные процессы происходили и на других винокуренных заводах Урала. На заводах расширялось применение паровых двигателей, осуществлялась широкая механизация производственного процесса. В ходе модернизации оборудования существенное изменение претерпели заводские помещения: крупные винокуренные предприятия имели, как правило, специальные двухэтажные или трехэтажные здания (в основном каменные) с разделением корпуса на рабочие отделения. Оборудование было главным образом иностранного производства – торгово-промышленных фирм Австрии, Англии, Бельгии, Германии, Франции. Так, брагоперегонные аппараты поставлялись фирмами «Миллер и Кайзер», «Гербст и

Вильке», «Пфор», «Саваль», «Борман и Шведе», «Перье», контрольные снаряды фирмой «Сименс и К^о», насосы – фирмой «Густав Лист». Нередко в качестве поставщиков оборудования выступали московские фирмы, в частности «А.К.Дангауэр и В.В.Кайзер», которая к 1893 г. поставила ректификационные аппараты винокуренным заводам И.И.Бодалева, С.Ф.Чистякова, Злоказовых, Суслиных и Поклевских-Козелл.

Одной из причин, которая позволила Злоказовым создать вторую по значимости винокуренную фирму в урало-сибирском регионе, являлось наличие опытных специалистов как в области производства, так и в торговле. Подбор надежных и опытных кадров был серьезной проблемой для всех российских заводчиков, практиковавших винокурение. Найти грамотного специалиста было чрезвычайно сложно, так как получить соответствующее образование в России было практически невозможно. Поэтому на должности управляющих и мастеров-винокуров, а также пивоваров, назначались либо иностранцы, либо российские самородки, которые превратились в высококвалифицированных специалистов благодаря многолетней практике.

Появление иностранцев в винокурении и пивоварении было следствием избытка специалистов данного профиля во многих европейских странах. Иные из иностранцев умудрялись начать свое дело. В число таких удачливых предпринимателей входили австриец Г.И.Вольмут, который основал пивоваренный завод в Уфе, пруссак Э.Ф.Филитц, создавший аналогичное производство в Екатеринбурге. Еще одна знаменитая отечественная марка была основана в 1879 г. предпринимателем из обедневшего австрийского дворянского рода Альфредом фон Вокано, который получил от Самарской городской думы в 99-летнее пользование участок городской земли и построил Жигулёвский пивоваренный завод. Расширившееся производство было реконструировано по проекту германской фирмы И.Шальбе. В 1880 г. капитал завода был объединён с фирмой М.Фабера. В 1882 г. Вокано и Фабер организовали акционерное общество, которое в 1900 г. преобразовали в Торговый дом «Товарищества Жигулёвского пивоваренного завода Вокано и К^о». Фирма стала крупнейшим пивоваренным предприятием в России⁴⁷. Большинство из ино-

странцев довольствовались в основном положением мастеров. В частности в качестве мастера пивовара работал на Ирбитском заводе Злоказовых австрийский подданный В.Ф.Тесар.

Определяясь природно-климатическими условиями и культурно-историческими архетипами сознания, традиции производства и потребления алкогольных напитков оказываются устойчивыми, трудно изменяемыми факторами народной жизни. Тем не менее, в результате модернизации России, начало которой было положено Петром I, происходит развитие контактов с европейскими странами, приобщение высших слоев российского общества к европейскому стилю жизни и поведения. По мере роста социальной мобильности и развития коммуникативных связей осуществляется дальнейшая трансляция бытовых инноваций в российское общество. При этом «престижные» импортные товары часто фальсифицировались, привычный россиянам вкус соединялся с «французским шармом», оставляя жителя российской глубинки в неведении относительно истинных свойств заграничного продукта.

В течение XVIII и XIX вв. потребление качественных импортных вин оставалось привилегией состоятельных слоев общества. Подавляющая часть населения страны была по-прежнему привержена традиционным алкогольным напиткам, производство которых совершенствовалось с применением иностранной техники и технологий, и в конце XIX в. концентрировалось в руках узкого круга магнатов.

3.3 Быт и досуг

Многие экономически важные, новые производства были основаны в России иностранными предпринимателями и купцами: бумагоделательное, полотняное, стекольное, зеркальное, пороховое, рафинадное, канатное, фарфоровое, ситцевое и пр. Европейцы открывали по-новому организованные фабрики, использовавшие новейшую технику и выпускавшие новые для российского рынка виды продукции. Иностранные предприниматели и мастера стали той основой, вокруг которой кристаллизовались

отечественные предприятия самого широкого профиля. Соответственно продукция этих производств - рафинад, стекло, ситец и т.д. - распространялась сначала среди состоятельных сословий русского общества, постепенно попадая в быт низших городских слоев и крестьянства.

Заграничные путевые впечатления русских путешественников, знакомство с европейской повседневностью и традициями рождали новые пристрастия, что отразилось на дворянском быте, в котором появились ранее не известные предметы обихода, продукты питания, посуда. Множество неведомых ранее на Руси бытовых предметов было привезено из Европы еще участниками Великого Посольства. Из Голландии, например, в Россию попал «шкалик» (от голланд. *skaal* – шкала – мерная емкость для водки в 75 г.). Позднее из Франции были ввезены бутылка и бокалы. В XVIII в. распространяется и западноевропейский вариант питейного сосуда – штоф, который, по сути, соответствовал старой русской мере – кружке (1/10 ведра или 1,23 литра)⁴⁸.

В екатерининскую эпоху сложился тип «путешествующего образованного русского вельможи», а в среде молодого дворянства укрепилась идея обязательного путешествия, как части процесса образования. Русская аристократия, по возвращении из таких вояжей, становилась посетителями различных заведений, открывавшихся иностранцами в российских городах. В последней трети XVIII в. в Петербурге, а затем в Москве появляются и становятся модными английские клубы и кофейни, английские магазины и мастерские по производству мебели.

По мере экономического развития, распространения европейских норм жизни, эти заведения становились более многочисленными, разнообразными, оснащенными. Со второй половины XIX в. сначала в столицах, а затем и в некоторых крупных городах иностранцы, прежде всего богатые немецкие купцы, открывали на центральных улицах свои магазины с большими нарядными витринами. Покупатели знали, что, например, в Петербурге, лучшие меха продаются у Мертенса, лучшие цветы – у Эйлерса, вина – у Фохтса и т.д.⁴⁹ Традиционные русские лавочки сосуществовали со специализированными магазинами европейского типа, такими как Елисеевский магазин или универмаг

Мюра и Мерилиза (Muir and Merrilies) на Петровке в Москве (будущий ЦУМ). За такого рода торговлей было будущее. Петербургским аналогом магазина «Мюр и Мерилиз» считался универсальный Английский магазин, существовавший на Невском проспекте с конца XVIII в.

Зародившаяся в 1839 г. в Западной Европе фотография, уже в 1850-е гг. была представлена в российских городах (прежде всего, конечно, столичных) множеством дагеротипных ателье, принадлежавшим чаще всего иностранным мастерам. Так, в 1860-х гг. хозяевами 11 из 33 московских фотоателье были уроженцы Германии (М.Блюменталь, Ф.Мебиус и др.)⁵⁰. Среди династии знаменитых петербургских фотографов, запечатлевших российскую жизнь начала XX в., фамилия Булла. Основатель династии – Карл Освальд Булла был официальным фотографом Министерства императорского двора, Публичной библиотеки, многих обществ и учебных заведений⁵¹. К началу XX в. сеть фотографических салонов раскинулась очень широко. В 1897 г. первая фотография открылась в уездном городе Оса Пермской губернии, в 1916 г. в Екатеринбурге фотосалонов насчитывалось 13, в Перми – 12, Челябинске – 9. Фотографирование стало модной формой досуга и саморепрезентации⁵².

С середины XIX в. братья Сименсы из Германии вели большую работу по созданию в России телеграфной сети. В 1853 г. Карл Сименс (принявший русское подданство, ставший Карлом Фёдоровичем и за 40-летнюю деятельность в России пожалованный потомственным российским дворянством) успешно выполнил работы по прокладке телеграфного кабеля в Зимнем дворце. Затем под его руководством был проведен ряд телеграфных линий, «в том числе Петербург-Кронштадт, при этом впервые в мире проложен подводный кабель»⁵³. На заводах «Сименс и Гальске» производился кабель, изготавливались телеграфные аппараты и динамомашины. «В 1883 году фирма осуществила электрическое освещение Невского проспекта и в течение 13 лет не требовала от Городской думы денег на его эксплуатацию; через несколько лет осветила электричеством Зимний дворец, устроив электростанцию в его подвале. В последующие годы электрический свет получили здания Консер-

ватории, Института экспериментальной медицины, детского приюта принца П.Г.Ольденбургского. Эти и ряд других электротехнических работ фирма выполнила безвозмездно»⁵⁴.

Газовое и керосиновое освещение в российских городах постепенно вытеснялось электрическим. В быт городских слоев стал входить телефон, появившийся в России в начале 1880-х гг. Вскоре после его изобретения в Америке образовавшееся вокруг Белла акционерное общество взяло несколько концессий на устройство телефона в русских городах. Он начал распространяться с 1881 г. К 1885 г. телефон был установлен в 6 городах, в 1910 г. – в 314. К 1906 г., когда телефоны были установлены в 95 городах, число абонентов телефонных станций достигло 26 тыс.⁵⁵. И всё же, для широких кругов населения телефон был малодоступен. Даже в 1920 г. в стране на 1 тыс. жителей приходилось 1,5 телефона, в то время как в США – 131,1, а в Германии – 33,3⁵⁶. Горожане всё больше приобщались к посещению театров, эстрадных концертов, цирков, на рубеже веков – кинематографа. Европеизированные группы горожан в начале XX в. на досуге играли на фортепиано, слушали музыку и танцевали под граммофон, катались на велосипедах, играли в футбол, совершали экскурсии и устраивали пикники, то есть, проводили свое время подобно обывателям других европейских городов.

За счет массового притока зарубежных изделий предметный пласт бытия, «вещная действительность» промышленности, транспорта, связи, управления, образования претерпели качественные изменения. Высокопроизводительное техническое оборудование и автомобили, телефоны и пишущие машинки, ручки и цветные грифельные карандаши, украшенные торговыми марками британских, французских, американских и германских фирм и компаний резко повышали эффективность любого рода деятельности, потрясали массовое и личностное сознание⁵⁷. В последние годы XIX – первые годы XX в. заграничные бытовые изделия фактически правили рекламно-потребительский «бал». Трудно обозначить такой сегмент домашнего хозяйства, повседневного обихода и в целом образа жизни, где бы не навязывали себя импортные товары.

3.4 Средства передвижения

Иностранцы много сделали для развития новых видов транспорта в России. Петр I вынашивал идеи великого коммерческого будущего империи, а для этого требовалось иметь быстрые и надежные способы сообщения. Из Европы Петр привез шотландца Джона Перри, поручением для которого было усовершенствование коммуникаций между Волгой и Доном. После начала Северной войны ему была поставлена новая задача: разработка обширной сети каналов, соединяющих Волгу с Санкт-Петербургом. Следует подчеркнуть, что строительство каналов было новым делом даже для Европы. (Например, в Англии первый настоящий канал Бриджуотер был закончен только в 1761 г.). Петровские замыслы превосходили его реальные возможности. Неудивительно, что два из трех участков задуманной системы, Тихвинский и Вышне-Волоцкий, были завершены лишь столетие спустя. Сооружение Мариинского затянулось до XIX в. К тому времени, когда вся сеть была построена, она оказалась уже технологически устаревшей, так как на смену пришли железные дороги⁵⁸. Петр I поручил строительство Ладожского канала прибывшему в 1721 г. на русскую службу Бурхарду-Христофору фон Миниху. В конце жизни императора и после его кончины Миних возглавлял строительство шлюзов на реке Тосне, Обводном и Ладожском каналах. Екатерина II назначила его генерал-директором над Балтийским и Нарвскими портами, Кронштадтским и Ладожскими каналами и Волховскими порогами, поручив ему также закончить строительство гавани в Рогервике. В последние годы жизни Миних успел заложить шлюз на Ладожском канале.

Петра I беспокоило и состояние грунтовых дорог в России. Предполагалось выработать нечто вроде дорожного устава, проект которого был подготовлен и представлен царю камер-коллегией в 1724 г. В его основе лежало шведское и лифляндское законодательство о дорогах и обычное право, а также описание дорог в Швеции⁵⁹. Резолюция Петра гласила: «быть по-шведскому», но, фактически, принцип поддержания дорог в проезжем состоянии в России был изменен по сравнению со Швецией. В Швеции обязанность содержать и исправлять доро-

гу лежала на крестьянах тех местностей, где она пролегалa. В России государь предписал «править дорогие большие, а не проселочные», то есть, крестьяне обязаны были содержать только большие тракты. На практике тяжесть этих работ лежала на населении притрактных деревень, а не на всех крестьянах провинции, как замысливалось. Кроме того, «эти хорошо устроенные по шведскому образцу дороги, снабженные верстовыми столбами и руками, указывающими направление, гостиницами с добрыми содержателями и с изобилием припасов остались такой же мечтой преобразовательной эпохи, какою были провинциальные госпитали, дома призрения, академии и гимназии»⁶⁰.

XVIII и XIX века – эпоха гужевого колесного транспорта. Русские вельможи ездили в дорогих каретах, запряженных четверкой или шестеркой лошадей. В изготовлении карет были чрезвычайно искусны немецкие мастера. Первый среди них – Иоганн Конрад Букендаль. Великолепные кареты и экипажи заказывала у него Екатерина II. В первой половине XIX в. признанным мастером-каретником Петербурга считался Иоганн Альберт Иохим. Но и позднее, вплоть до начала XX века немцы были в числе владельцев лучших экипажных фабрик Петербурга⁶¹.

Настоящей революцией в совершенствовании средств передвижения стало применение на транспорте энергии пара. Шотландский инженер Ч.Берд – создатель крупнейшего частного механико-литейного завода в России (1792), к 1825 г. построил более 130 паровых машин. Летом 1815 г. он провел успешные испытания парохода на Неве и продемонстрировал его «любопытствующим». В ноябре 1815 г. пробный рейс был совершен в Кронштадт, который и явился первым морским пароходным рейсом в России. В октябре 1817 г. Ч.Берд получил привилегию на судоходство в течение 10 лет по всем рекам и морям европейской части России – от Белого до Каспийского, от Балтийского до Черного⁶². Одновременно с испытаниями первого парохода готовился к публикации первый фундаментальный теоретический труд по пароходам - «Mémoire sur la théorie du mouvement des barques à vapeur et sur leur application à la navigation des canaux, des fleuves et des rivières» (опубликован Императорской академией наук в Петербурге в 1817 г.). Его автор П.Базен тесно контактировал с создателем парохода Ч.Бердом.⁶³

Для первой русской железной дороги Петербург - Царское Село в 1837 г. ее строителем австрийским инженером Францем фон Герстнером были закуплены за границей шесть магистральных паровозов, пять – в Англии и один – в Бельгии⁶⁴. В конце 1843 г. казенный Петербургский Александровский чугунолитейный и механический завод был сдан на семь лет в аренду фирме Дж.Д.Харрисона из г.Балтимора с целью организации производства подвижного состава, обучения рабочих и подготовки кадров машинистов и кондукторов⁶⁵. Выходцы из Германии П.Г.фон Дервиз и К.Ф. фон Мекк стали железнодорожными королями, выстроив железнодорожные линии Москва-Рязань, Курск-Киев и др. Даже к концу 1870-х гг. всего 20,5% всех паровозов, действовавших на железных дорогах России, было построено на российских машиностроительных заводах.

Приступив в 1830-40-е гг. к сооружению собственной железнодорожной сети, Россия попыталась воспользоваться американским техническим опытом, пригласив инженеров из США для участия в проектировании мостов и путепроводов для строящейся Петербургско-Московской железной дороги, а также укреплений, морского арсенала и доков в Кронштадте.

Бельгийские фирмы не только экспортировали в Россию различные механизмы и материалы для сооружения телеграфных линий, сахарных заводов, но и добывались для себя в России почти полной монополии, поставляя конки, трамваи, электровагоны. Первой была фирма «Трамваи Одессы» (1880), затем её ответвления появились в Варшаве, Харькове, Москве, Тбилиси, Ростове-на-Дону⁶⁶. Производство трамваев располагалось в следующих городах: Бердичев, Одесса, Варшава, Харьков, Казань, Тифлис, Москва, Ростов-на-Дону, Кишинёв, Курск, Белосток, Астрахань, Витебск, Орел, Ташкент, Севастополь, Ревель, Екатеринбург, Одесса, Санкт-Петербург. Накануне Первой мировой войны из 55 российских городов, имевших трамваи или конки, в 25 городах они эксплуатировались бельгийскими предприятиями (Группа Ампэна, Группа Тиса, Трамвайный Союз, Генеральное общество трамваев и применения электричества, Генеральное бельгийское общество электрических предприятий, Взаимная компания трамваев)⁶⁷.

В Петербурге первый трамвай был поставлен британцами. Около 200 моторных вагонов изготовила к открытию трамвайного движения в Петербурге в 1907 г. английская фирма «Бреш»⁶⁸. Дочерняя фирма берлинской «Всеобщей компании электричества» («АЭГ»), основанная в Петербурге предпринимателем и инженером Э.Ратенау, специализировалась на строительстве трамвайных путей, телеграфных линий, электростанций.

Одним из основателей велосипедного, автомобильного и авиационного производства в России был инженер немецкого происхождения Ю.А.Меллер. В период Первой мировой войны его фирма стала крупнейшим отечественным авиационным заводом и, по существу, прародительницей советской авиационной промышленности. (В 1910-1917 гг. фирма Ю.А.Меллера «Дукс» построила более 1 750 самолетов, около трети от всех, созданных к этому времени в России).

Зарождение автомобилестроения в России также тесно связано с европейским, а затем с американским опытом. Прежде всего, речь идет о влиянии зарубежной конструкторской мысли на автомобилестроение в целом. Первый русский автомобиль, изготовленный в 1896 г. Е.А.Яковлевым и П.А.Фрезе по компоновке и кинетической схеме мало отличался от машины марки «Вело» фирмы «Бенц». Тем не менее, как подчеркивают историки, «основные агрегаты: двигатель, коробку передач, подвеску передних колес – наши разработчики спроектировали самостоятельно с прогрессивными отличиями»⁶⁹. Помимо диффузии конструкторских идей, непосредственно заимствовались отдельные агрегаты и узлы - прежде всего двигатели. Основными поставщиками автомобильных агрегатов в Россию до 1905 г. были французские фирмы, с 1906 г. – немецкие. К 1910 г. 68% поставок автомобильной продукции в Россию шло из Германии⁷⁰. В 1912 г. в России было собрано (преимущественно из импортных деталей) 100 автомобилей, в то время как из США их было завезено десятки тысяч.

Итак, все основные виды современного транспорта (судоходные каналы, пароходство, железные дороги, трамваи, автомобили, самолеты) получили стартовое развитие в России благодаря иностранным технологиям, комплектующим, инженерным знаниям.

3.5 Счет времени. Мерные единицы

Система перемен и осуществлённых, и запроектированных Петром I, (хотя она и видится таковой только с исторического отдаления), заложила первые камни в фундамент российской современности. Менялось все: слаборазвитое производство на передовые технологии, русское платье на иностранное, церковнославянский шрифт на гражданский. Реформирован был и основной механизм власти в ее хронологической ипостаси, самое знаковое в рассматриваемом контексте - Время. Коренным образом преобразуя российские устои, отмежевываясь от старого мира, Пётр I ввел в российский обиход новые точки отсчета: *исторического бытия* (по юлианскому календарю летосчисления стали вести не от сотворения мира, как прежде, а от Рождества Христова), *календарного года* (1 января вместо 1 сентября), *суток* (вращающийся циферблат с 17-ю делениями на Спасской башне был заменен неподвижным голландским 12-и циферным), вводилось европейское деление с полудня до полуночи (т.е. с 1 часа до 12 часов, а не с утра до вечера как в старину).

Первое письмо из Европы, датированное от Рождества Христова, а не от сотворения мира, было отправлено Петром из Амстердама 10/20 сентября 1697 г. Патриарху. С тех пор все его личные письма, на которых проставлен год, датировались от Рождества Христова, а официальные грамоты – еще по старому стилю. По возвращении из Европы царь издал три указа (два в декабре 1699 и 4 января 1700 г.), согласно которым год начинался с 1 января, а 1 января 7208 г. от сотворения мира следовало считать началом 1700 г. от Р.Х. Россия перешла на европейское летосчисление. Сам факт введения нового календаря объяснялся в указе тем, что «во многих христианских окрестных народах, которые православную христианскую восточную веру держат с нами согласно, лета пишут числом от рождества Христова»⁷¹.

В своем стремлении к обновлению, Пётр I поторопился на целый год, приказав 1 января 1700 г. поздравлять друг друга «с Новым годом и столетним веком». (Кстати, обычай украшать ёлку на Новый год проник в Россию из Германии). Однако

праздновался он в России все-таки на 12 дней позже европейского. Петр наверняка отреформировал бы и календарь, но в своих преобразованиях он ориентировался на протестантские Германию и Голландию, которые к тому времени еще жили по старому, юлианскому календарю. С начала XIX в. в связи с развитием экономических, политических, культурных связей со странами Западной Европы, встал вопрос о необходимости перехода на единый общеевропейский григорианский календарь. Такие попытки предпринимались в XIX в. несколько раз. Однако реформирован календарь был лишь Советским правительством. Одним из первых декретов 24 января (6 февраля) 1918 г. был принят декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря»⁷².

Юлианская система летосчисления, метафизически связывавшая Российскую империю с Римской, была сохранена в практике церкви, являющейся оплотом традиции. Сохраняющийся до сих пор временной дуализм (гражданский и церковный) отражает двойственную природу российских модернизаций: усвоенные нововведения сосуществуют с глубоко укорененными традициями. Этот симбиоз очень часто может быть объяснен климато-географическими особенностями страны. Россия как единое государство родилось на большом просторе и позже многих западных держав. Неудивительно, что в 1582 г., когда в Европе григорианской реформой уже обуздывали время, Россия была занята только покорением пространства (поход Ермака 1581 г.). Для понимания истоков современности (нового времени, *modernity*) это значимо и весьма символично.

При Петре был введен и новый способ записи цифр – от старинного буквенного способа перешли к общепринятому арабскому. Первая книга с арабскими цифрами в московской типографии была издана ещё до Петра, в 1647 г., но распространения этот способ обозначения цифр тогда не получил. Да и в начале XVIII в. они были все еще непривычны. Издавая в 1702 г. дневник взятия Орешка, Петр не решился выпустить все издания с «цифирными числами» и половину велел отпечатать с «русскими». В 1708-1709 гг. голландские купцы Х.Брант и И.Любс по распоряжению Петра I доставили два печатных станка, а также

литеры и матрицы с новым гражданским шрифтом, решение о переходе на который было принято в 1708 г.

Изменения проникали и в привычную систему мер и весов. Слово «фут» появилось впервые в документах конца XVII в., касавшихся создания первого русского флота. Наиболее широкое распространение этот заимствованный термин получил первоначально в морском деле⁷³. Ширина большого пальца руки не стала у русских прототипом какой-либо официальной меры длины. Однако русской метрологии известна западноевропейская мера дюйм (из голландского *duym* «большой палец»). Начиная с XVIII века, термин «дюйм» получает широкое распространение в научной и технической литературе⁷⁴.

В 1736 г. Сенат принял решение об образовании специальной Комиссии весов и мер. В задачу Комиссии входило создание эталонов и установление соотношений различных мер друг к другу. Вместе с М.Г.Головкиным, П.М.Еропкиным, П.Н. Крекшиным, А.К.Нартовым в работе принимали участие члены Академии: Л.Эйлер, Ж.-Н.Делиль, Г.-В.Крафт, Х.-Н.Винсгейм. Комиссия предлагала принять десятичный принцип деления единиц измерения, нашедший через 60 лет во Франции применение в метрической системе как наиболее простой и удобный. Проект о десятичном построении мер был внесен Иоганном Габерманом – шведом, состоявшем на русской службе. Однако этот проект не был реализован, так как повлек бы за собой серьезную ломку существовавшей системы. Кроме того, с его инициатором И. Габерманом не была осуществлена договоренность о продолжении его службы в России, и в октябре 1737 г. он «от российской службы был уволен»⁷⁵.

В 1797 г. был издан указ об «Учреждении повсеместно в Российской империи верных весов, питейных и хлебных мер», составленный в форме рекомендаций. Согласно указу предполагалось заменить все действующие меры веса сыпучих и жидких тел. В связи с этим началась отливка чугунных мер, которые должны были поступать в губернские правления. Весы и меры отливались по чертежам директора казенного Александровского пушечного завода шотландца К.Гаскойна. Меры сыпучих и жидких тел определялись на основе английского дюйма, поэто-

му, когда пришлось заняться мерами длины, стало очевидно, что необходимо установить твердое соотношение русских мер длины с английскими. Эта работа была выполнена придворным часовым мастером англичанином Гайнамом. В начале XIX в. он по поручению Министерства внутренних дел, к которому перешли в ведение вопросы метрологии, изготовил хрустальный, стальной и медный эталоны аршина, равного 28 английским дюймам. Фабрика Гайнама выполнила правительственный заказ на поставку более одного миллиона стандартных аршинов в 1821 г.⁷⁶

В 1827 г. при Министерстве внутренних дел была создана Комиссия образцовых мер, в состав которой вошли профессора П.Г. Соболевский, А.И. Ламберти и академики Э.-А. Коллинси, А.Я. Купфер. Первой задачей Комиссии стало установление взаимного соответствия единиц измерений. Решение её началось с определения веса воды в заданном объёме. За основу был взят английский кубический дюйм, а для мер веса - фунт 1771 г. Петербургского монетного двора. Основанием российской линейной меры была выбрана сажень, приравненная к 7 английским футам. Соответственно аршин был приравнен к 28 английским дюймам. На основании вычислений в 1833 г. английским метрологом Кэтером были изготовлены прототипы линейных мер. В употребление вошли новые меры длины: дюйм, линия, точка, заимствованные из английских мер. Итоги вычислений легли в основу всей русской системы мер, закрепленной законом 1835 г. «О системе российских мер и весов» и просуществовавшей без изменений до введения метрической системы в СССР⁷⁷. Указ 1835 г. предписывал: «Принять за основную единицу российского веса образцовый фунт, сделанный комиссией (1833 г.), согласно с выведенным результатом, что российский, или английский, кубический дюйм воды ... весит...»⁷⁸.

Интенсификация международных, в том числе экономических связей, в конце XIX в. потребовала изменений в привычной системе мер и весов. В 1899 г. был принят новый закон о мерах и весах. Закон определял точные отношения русских прототипов мер к мерам метрической системы и разрешал применение, наряду с российскими мерами международных метрических

мер, метра и килограмма. К 1914 г. в общем количестве принимаемых мер метрические меры составляли 9%.

Итак, русское дворянство, особенно столичное, в результате знакомства с Европой и распространения европейской культуры в России к концу XVIII в. в значительной степени европеизировалось. Высшая прослойка российского общества строила свои дома в соответствии с архитектурными стилевыми направлениями, господствовавшими в Европе, обставляла свои жилища европейской мебелью, декорировала комнаты европейскими произведениями искусства, разбивала по европейским моделям сады, устраивала светские музыкальные, танцевальные, театральные представления, авторами и участниками которых были европейские музыканты, драматурги, актеры. Значительная часть элиты использовала французский язык для светского и домашнего общения. Дворяне одевались в соответствии с парижской модой и наслаждались французскими винами и блюдами.

Европеизация различных форм быта и повседневной жизни, в том числе в сфере одежды, питания, употребления релаксантов, досуга, бытовой обстановки, шедшая на протяжении XVIII столетия, постепенно охватывала все больший круг российских жителей. В конце XIX – начале XX вв. она начинает более отчетливо проявляться в городской среде. В этом отношении Россия не была исключением из общей тенденции следования моде, чьи образцы создавались в признанных центрах вкуса, роскоши и стиля. В Европе XVIII столетия господство французской моды было неоспоримо, распространяясь на средние и низшие сословия, захватывая даже сельское население⁷⁹. Лишь в XIX в. французский шик начинает оттеняться английской прагматичностью, привлекая к себе новых поклонников в России.

Появление и быстрое распространение конок, затем заменивших их электрических городских железных дорог (трамваев), универсальных магазинов, кинотеатров знаменовало возникновение учреждений и предметов потребления, доступных для представителей всех сословий и предоставлявших одинаковые для всех услуги. Эти нововведения постепенно начинали уравнивать их потребителей из различных сословий, социаль-

ных групп и давали импульс к распространению – через быт, повседневную жизнь – демократических ценностей. Бурные изменения во всех сферах российского общества всё более трансформировали образ жизни значительной части населения, расширяя степень свободы, мобильности населения, качественно раздвигая «границы мира» человека. Это не могло не размывать тесно связанного с прежним укладом традиционного сознания, замкнутого, малоподвижного и основанного на фатализме, патриархальных, патерналистских ценностях. Подобно происходившему в Западной Европе в период капиталистической модернизации в XV-XVIII вв., в пореформенной России стали ослабевать традиционные стереотипы, наблюдаться рост индивидуализма, рационализма и расчётливости, активного стремления к улучшению своего положения⁸⁰.

Важнейшие измеряемые параметры: время, базовые меры веса, длины, объёма, столь значимые для участия страны в мировом социально-экономическом развитии, были приведены в течение XVIII-XIX вв. в соответствие с западноевропейской практикой и эталонами.

¹ Политковская, Е.В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI - XVIII веках. – М., 2004. – С. 44.

² Ключевский, В.О. Сочинения в восьми томах. Т.4. – М., 1958. – С.131.

³ Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т.1. – М., 2000. – С. 155.

⁴ ПСЗ. Т.4. №1887, 1999.

⁵ Каменская, Н.М. История костюма. – М., 1977.

⁶ Шашков, А.Т. Дело 1705 г. «о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритье бород» // Проблемы истории России. Вып. 2: Опыт государственного строительства XV-XX вв. – Екатеринбург, 1998. – С.301-325.

⁷ Акишин, М.О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. – М.; Новосибирск, 2003. – С. 38.

⁸ Политковская, Е.В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI - XVIII веках. – М., 2004. – С. 146.

⁹ Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. – М., 2002. – С.14.

¹⁰ Там же. С.11.

¹¹ Там же.

¹² Политковская, Е.В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI - XVIII веках. – М., 2004. – С. 161.

¹³ Кирсанова, Р. Мечта вышивальщицы // Родина. – №7. – 2005. – С. 77.

- ¹⁴ Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. – М., 2002. – С.94.
- ¹⁵ Уортман, Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.1. – М., 2004. – С.186.
- ¹⁶ Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. – М., 2002. – С.146.
- ¹⁷ Там же. С.148.
- ¹⁸ Там же. С. 96.
- ¹⁹ Там же. С.109.
- ²⁰ Куприянов, А.И. «Немецкая» мода и идентичность в русском городе (конец XVIII – первая половина XIX века) // Труды Института российской истории. Вып. 4. – М., 2004. – С. 99.
- ²¹ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.246.
- ²² Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. – М., 2002. – С.199.
- ²³ Там же. С.208, 211.
- ²⁴ Там же. С.177-178.
- ²⁵ Там же. С.169-170.
- ²⁶ Куприянов, А.И. «Немецкая» мода и идентичность в русском городе (конец XVIII – первая половина XIX века) // Труды Института российской истории. Вып.4. – М., 2004. – С.110.
- ²⁷ Андреева, Т.А. Социокультурные формы жизни населения южноуральских городов в конце XIX – начале XX вв. // Уральские Бирюковские чтения. Сборник научных и научно-популярных статей. Вып.4. Город как феномен культуры. Ч.1. – Челябинск, 2006. – С.40.
- ²⁸ Трофимова, Л.М., Желонкин, Н.В. Из истории военной формы в Российской империи // Урал индустриальный. Т.1. – Екатеринбург, 2004. – С.294-295.
- ²⁹ Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. – М., 2002. – С.14.
- ³⁰ Шепелёв, Л.Е. Чиновный мир России. XVIII – начало XX вв. – СПб., 1999. – С.199.
- ³¹ Там же. С.211.
- ³² Там же.
- ³³ Шепелёв, Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. – М., 2005. – С.214.
- ³⁴ Мосолов, А.А. При дворе последнего русского императора: Записки начальника канцелярии министра двора. – Л., 1992.
- ³⁵ Агеева, О.Г. Реформа штата царско-императорского двора в первой четверти XVIII века // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. – М., 2003. – С.57.
- ³⁶ Белинский, В.Г. Петербург и Москва // Современные записки. – М., 1983. – С.247.
- ³⁷ Павлов-Сильванский, Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. – М., 2000. – С.61.

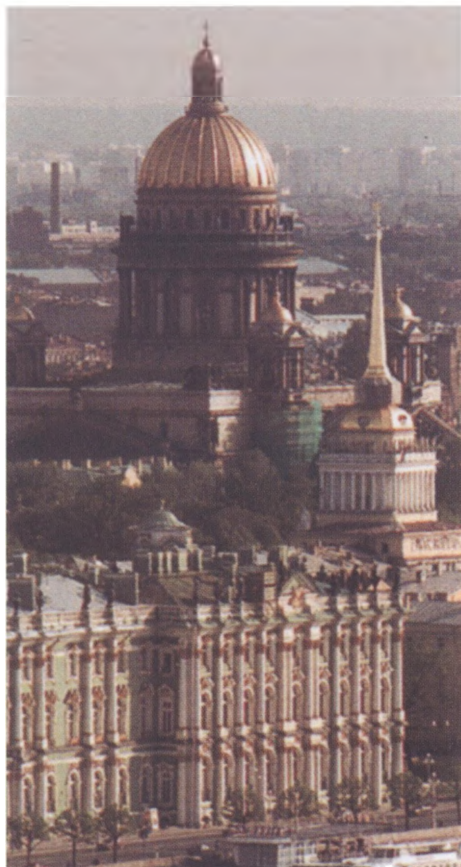
- ³⁸ Kraatz, A. La Compagnie française de Russie. Histoire de commerce franco-russe aux 17 et 18 siècles. – Paris. 1993. – P. 23.
- ³⁹ Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005. – С.31.
- ⁴⁰ Кирсанова, Р. Правила столового этикета // Родина. – 2000. – №4. – С.112-113.
- ⁴¹ Шевелева, О. Родина. 2000. № 4. С.99-103.
- ⁴² Поликарпов, А. На службе у Бахуса // Былое. – №3-4. – 1996.
- ⁴³ Щедрин, Н. (Салтыков М.Е.). Современная идиллия // Собр. соч. – М., 1951. Т.10. – С.215-216.
- ⁴⁴ Данилова, М. Мадера ярославского розлива // Родина. – 2000. – Декабрь. – С.49.
- ⁴⁵ Практическая хозяйственно-промышленная технология. Полное общедоступное практическое руководство, заключающее в себе изложение основных правил и усовершенствованных методов фабричных, заводских и домашних способами более главных производств, относящихся до обработки предметов, составляющих принадлежность сельского хозяйства и кустарного промысла. – М., 1882. Т.2. – С.359-360.
- ⁴⁶ Байдин, В.И., Голикова, С.В., Дашкевич, Л.А., Нечаева, М.Ю. Дневник священника // Уральский исторический вестник. № 2. – Екатеринбург, 1995. – С.130.
- ⁴⁷ Немцы России. Энциклопедия. Т.1. – М., 1999. – С.393.
- ⁴⁸ Такала, И.Р. «Веселие Руси»: История алкогольной проблемы в России. – СПб., 2002. – С.98.
- ⁴⁹ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.98-99.
- ⁵⁰ Немцы России. Энциклопедия. Т.2. – М., 2004. – С.569.
- ⁵¹ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.97.
- ⁵² Андреева, Т.А. Социокультурные формы жизни населения южноуральских городов в конце XIX – начале XX вв. // Уральские Бирюковские чтения. Сборник научных и научно-популярных статей. Вып.4. Город как феномен культуры. Ч.1. – Челябинск, 2006. – С.44.
- ⁵³ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.110.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Кошман, Л.В. Художественная культура «Серебряного века» // Россия в начале XX в. – М., 2002. – С. 703.
- ⁵⁶ Россия в начале XX в. – М., 2002. – С.134.
- ⁵⁷ Осьмаков, М.Н. «Образы заграницы» в контексте мира вещей. (По материалам провинциальной прессы конца XIX – начала XX века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002. – С.246-247.
- ⁵⁸ Rieber, A. Politics and Technology in Eighteenth-Century Russia // Science in Context. – 1995. – Vol.8. – #2. – P.342-343.

- ⁵⁹ Богословский, М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727 гг. – М., 1902. – С.156
- ⁶⁰ Там же. С.157.
- ⁶¹ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.106.
- ⁶² Гузевич, Д.Ю., Гузевич, И.Д. О первых патентах на паровые суда в России // Вопросы истории естествознания и техники. – №1. – 2006. – С.80.
- ⁶³ Там же. С.81.
- ⁶⁴ Зейферт, В. Посланцы туманного Альбиона на Урале и в Екатеринбурге // Уральская старина. Вып.4. – Екатеринбург, 2000. – С.299; Бовыкин, В.И., Петерс, В. Бельгийское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997. – С.183.
- ⁶⁵ Калмыков, С. В. Американское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997. – С.243.
- ⁶⁶ Намазова, А.С., Санкт-Петербург – Брюссель: к 150-летию установления дипломатических отношений // Россия и Европа: дипломатия и культура. Вып. 3. – М., 2004. – С.114.
- ⁶⁷ Бовыкин, В.И., Петерс, В. Бельгийское предпринимательство ... С.229.
- ⁶⁸ Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге: Немцы. Французы. Британцы (1703-1917). – СПб., 2003. – С.266.
- ⁶⁹ Курихин, О.В. Автомобильная промышленность России и европейское влияние // Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700-1950. Т.1. – Екатеринбург, 1996. – С.119.
- ⁷⁰ Там же. С.120.
- ⁷¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т.3. – СПб., 1830. – С. 681 (№ 1735).
- ⁷² Декреты Советской власти. Т.1. – М., 1957. – С. 404-405 (№272).
- ⁷³ Романова, Г.Я. Наименование мер длины в русском языке. – М., 1975. – С.86.
- ⁷⁴ Там же. С.102.
- ⁷⁵ Каменцева, Е.И., Устюгов, Н.В. Русская метрология. – М., 1965. – С.165.
- ⁷⁶ Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005. – С.257.
- ⁷⁷ Кобрин, В.Б., Леонтьева, Г.А., Шорин, П.А. Вспомогательные исторические – М., 1984. – С.74-75.
- ⁷⁸ Каменцева, Е.И., Устюгов, Н.В. Русская метрология. – М., 1965. – С.212.
- ⁷⁹ Вейс, Г. История культуры: Костюм. Украшения. Предметы быта. Вооружение. Храмы и жилища. Обычаи и нравы. – М., 2002. – С.930-946.
- ⁸⁰ Леонов, С.В. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901-1917 гг.) // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. – М., 2003. – С.113.

Санкт-Петербург. Вид на Зимний дворец (архитектор Б.-Ф. Растрелли) и Исаакиевский собор (архитектор О. Монферран)

Купол Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге (архитектор О. Монферран)

Здание Кунсткамеры в Санкт-Петербурге (1718 - 1727)

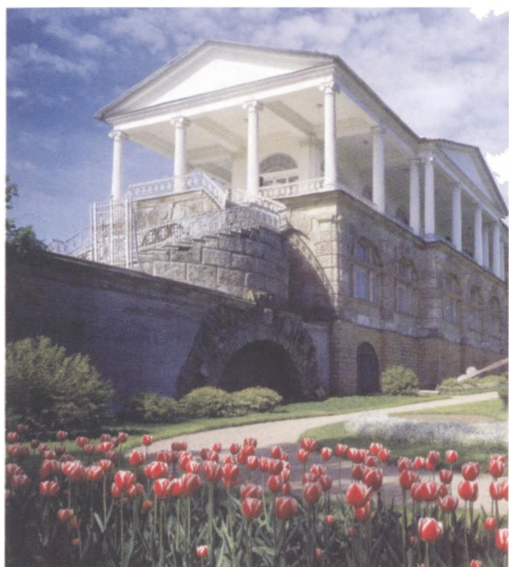
*Санкт-Петербург
Памятник Петру I
(архитектор Э.М. Фальконе)*

*Санкт-Петербург
Вид Зимнего дворца (1754 - 1762 гг.
архитектор Б.-Ф. Растрелли)
со стороны Дворцовой площади*

Санкт-Петербург. Биржа (архитектор Ж. Тома де Томон)

*Царское Село. Камеронова галерея
(1783-1787 гг. Архитектор Ч. Камерон)*

*Царское Село. Екатерининский дворец.
Церковный флигель
(1750-е гг. Архитектор Б.-Ф. Растрелли)*

*Царское Село. Екатерининский парк. Павильон "Эрмитаж"
(1748-1756 гг. Архитектор Б.-Ф. Растрелли)*

*Царское Село. Екатерининский дворец.
Зеленая столовая
(1780-е гг. Архитектор Ч. Камерон)*

*Царское Село. Екатерининский дворец.
Китайская Голубая гостиная
(1780-е гг. Архитектор Ч. Камерон)*

Царское Село. Екатерининский дворец. Белая Парадная столовая (1750-е гг. Архитектор Б.-Ф. Растрелли)

*Царское Село. Екатерининский дворец. Опочивальня
Павла Петровича (1780-е гг. Архитектор Ч. Камерон)*

*Царское Село.
Екатерининский дворец.
Янтарная комната
(1755 г. Архитектор Б.-Ф. Растрелли)*

*Ф. Крюгер. Портрет Николая I
1827 г.*

Д.Г. Левицкий
Портрет графини Урсулы Мнишек
1782 г.

Дж. Доу
Портрет фельдмаршала
М.И. Кутузова
1829 г.

*Самовар. Тула
Первая четверть XIX в.*

*Ж.Б. Одио
Самовар из сервиза "Амбир"
(1797-1809 гг.)*

Глава 4

Западноевропейское влияние на лексический состав русского языка

Культурно-языковая интерференция, проблема заимствований как проявление межкультурных и межъязыковых связей, их бытование и адаптация в воспринимающем языке, последствия усиленного притока заимствований из генетически неродственных языков для внутривидового развития языка-реципиента – комплекс исследовательских задач, представляющих большой интерес не только для языкознания, но и для исторической науки¹. Названные явления приобретают особое значение в условиях интенсификации международных контактов, характерных для эпохи модернизации. Трудно переоценить роль языка в процессе распространения инноваций. Языковые пласты, сформированные из иноземных слов, диффундировавших в русский язык, свидетельствуют о характере внешних контактов россиян на разных этапах нашей истории, напоминают о роли той или иной страны в развитии отечественной промышленности, искусства, материальной и духовной культуры в целом.

Историческая лингвистика - один из классических и активно разрабатываемых разделов филологии. Большой круг исследователей анализирует различные аспекты исторической динамики языка². Специалистами многих отечественных научных и об-

¹ Язык как средство трансляции культуры. М., 2000. С.189, 190.

² Anttila R. An introduction to historical and comparative linguistics. New York, London. 1972; Appel R., Muysken P. Language contact and bilingualism. London. 1987; Bynon T. Historical linguistics. Cambridge. 1978; Croft W. Explaining Language Change. An Evolutionary Approach. Harlow. 2000; Crowley T. An introduction to historical linguistics. Oxford. 1992; Fisiak J. (ed.), Historical semantics. Historical word formation. New York, Amsterdam. 1985; Hock H. Principles of historical linguistics. Berlin, New York, Amsterdam. 1991; Hopper P.J. (ed.), Studies in descriptive and historical linguistics. Amsterdam. 1976; Jeffers R. J., Lehiste I. Principles and methods for historical linguistics. Cambridge Mass., London. 1982; Labov W. Sociolinguistic patterns. Philadelphia, 1977; Labov W. Principles of linguistic change. Vol. 1: Internal factors. Oxford (GB), Cambridge (VS). 1994; Lehmann W. P. Historical linguistics. An introduction. New York, 1973; Romaine S. Socio-historical linguistics. Its status and methodology. Cambridge. 1982; Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems, Den Haag, 1953, etc.

разовательных учреждений ведётся интенсивная работа по сбору и анализу историко-лингвистических данных, в том числе по созданию фундаментальных этимологических и исторических словарей по различным ветвям индоевропейской семьи языков, а также по другим языковым семьям и макросемьям¹. Начиная с 1971 г., регулярно, раз в два года, проводится Международная конференция по исторической лингвистике². Вполне естественно, что указанный круг проблем исследуют преимущественно филологи³. Наша задача - осветить историю европейских заимствований в русском языке в XVIII-XIX вв. с позиций исторического знания, с точки зрения концепции диффузии инноваций.

Пополнение языка-рецептора новыми словами происходит как реакция на потребность наименования неизвестных прежде объектов, процессов («мартен», «пудлингование»), то есть, привносится из-за рубежа вместе с предметами, технологиями, культурными и социальными феноменами. Другой причиной «словарного импорта» является необходимость разграничить содержательно близкие, но все же различающиеся понятия (особенно если происходит заимствование нового знания или предмета из другой культуры): «светильник» - «лампа». Следствием появления новых заимствованных знаний выступает необходимость специализации понятий («передача», «трансмиссия»). Стремление к обозначению понятия, явления возможно более ёмким и кратким способом приводит к использованию иностранного эквивалента (в современном языке «стилист», «имиджмейкер» вместо «специалист, работающий над созданием образа»). Ряд феноменов, имеющих глубокие исторические корни, предпочитают называть иностранными словами, создающими модный, более привлекательный образ («загородный дом» - «шале», «коттедж»; «трактир», «столовая» - «ресторан», «кафе»).

Поскольку наш интерес к теме концентрируется на имперском периоде российской истории, рассмотрим некоторые аспекты европейского влияния на русский язык в XVIII - начале XX вв. Перемены, привнесённые в социальную жизнь России вестернизацией, рельефно запечатлены в нашем языке. Стоит подчеркнуть, что трансляторами нового опыта выступало очень небольшое количество людей, никогда не превышавшее, по всей очевидности и десяти процентов от общего количества жителей

Российской империи. Тем не менее, эффект их долгосрочного воздействия на нашу историю оказался несоизмеримо велик.

Ранее уже отмечалось, что общение России с Западом шло не только напрямую, но и опосредованно, через Польшу. Восприятие нового опыта через Польшу отразилось в языке. Польский язык выступал источником многих заимствований и активным передатчиком слов особенно в первое десятилетие петровских преобразований. Однако прямые контакты между Россией и западноевропейскими государствами, безусловно, доминировали.

«Словарный импорт» в XVII в. преимущественно ограничивался военной и коммерческой сферами. В новую эпоху отечественной истории русский язык стремительно развивался и обогащался за счет заимствований из европейских языков в самых разных областях человеческой деятельности. С начала XVIII в. (и эта тенденция сохраняется и в последующем) среди заимствуемых слов начали явственно доминировать военные, морские и политические термины. В русский язык пришли такие слова из области военного дела и быта, наименования вооружения, чинов и военной формы как: аванпост (фр. – *avant-poste*); атака (нем. – *Attacke*); картечь (нем. – *Kartätsche*); ефрейтор (нем. – *Gefreitor*); эполет (фр. – *épaulette*); казарма (польск. – *kazarma*) и др. наименования. Поскольку главными учителями русских в области кораблестроения, навигации и флота были сильнейшие морские державы XVIII – XIX вв. Голландия и Англия, то в морской лексике видное место заняли слова голландского происхождения и англицизмы: аврал (голл. – *overal*); брезент (голл. – *presenning*); матрос (голл. – *matroos*); вахмистр (голл. – *wachtmeester*); крейсер (голл. – *kruiser*); катер (англ. – *cutter*); мичман (англ. – *midshipman*); такелаж (голл. – *takelage*) и др. Ориентация русской сухопутной армии в своем устройстве на прусские образцы нашла отражение не только в заимствовании всего ряда военных чинов, названия вооружений и т.д., но даже команд. Привычной постепенно стала немецкая команда «Марш!», введенная впервые Павлом I в Гатчине вместо русского «Ступай!». Необходимо отметить, что специальную военную терминологию усваивала достаточно большая масса простонародья, служившего в армии или общавшегося с военными во время постоев, военных кампаний и т.д.

Петровские реформы принесли с собой огромный пласт иностранной правовой и административной терминологии. Ф. Кайзер, каталогизировавший иностранную правовую лексику в петровских законодательных актах, показал, что заимствованная русским языком административная терминология была преимущественно немецкого происхождения. К. Петерсон в своем капитальном исследовании о шведском влиянии на формирование новой административной системы в России уточнил, что в русский язык значительная часть административно-правовой терминологии попала в связи с коллежской реформой из Швеции, где эта лексика была заимствована ранее из немецкого языка⁴. Такие области российской общественной жизни как государство, право, политика, дипломатия, администрация, профессии, юстиция на протяжении XVIII-XIX вв. пополнились следующими понятиями: ассамблея (фр. - *assemblée*); бухгалтер (нем. - *Buchhalter*); жюри (фр. - *jury*); конвоир (голл. - *konvooyer*); манифест (фр. - *manifeste*); патриот (нем. - *Patriot*); реформа (фр. - *réforme*); социалист (нем. - *Sozialist*); трибунал (нем. - *Tribunal*); шофер (фр. - *chauffeur*) и др.

Большое влияние на словарный запас оказывало длительное пребывание русских за границей. Ядром нового литературного языка стал письменный язык Посольского приказа. Сформировался он как язык перевода, под непосредственным воздействием контактов с Европой. В качестве примера можно привести цитату из письма князя Б.И. Куракина, побывавшего послом в нескольких европейских странах. После Ништадтского мира он писал Петру I: «великая слава имени вашего превзошла еще в тот высший градус, что ни которому монарху в свете чрез многие секули не могли того приписать. Правда же жалюзия не убавляется от многих потенций, но паче умножается от великой потенции вашего величества»⁵. В этом тексте явно сказывается европейское языковое влияние. Искажённые слова вкраплены в русский текст, точный смысл которого мог быть понят только человеком знакомым с Европой и языками, на которых она разговаривала. Широкое употребление новых иностранных слов делало возникающую разновидность языка мало понятной для существенной части аудитории, к которой они были обращены. Интенсивное заимствование терминов в законодательстве, например, приводило к непо-

ниманию, к конфликтам, поскольку уяснение и исполнение распоряжений и судебных решений вменялось в обязанность подданным вне зависимости от их знания иностранных языков. Жалобы на непонятность законов становятся устойчивой чертой русского общественного развития в XVIII веке⁶.

В сфере развивавшихся экономических отношений, финансов, коммерции, связи стали употребляться такие слова как: баланс (фр. - balance); банк (нем. - Bank); биржа (голл. - beurs, или нем. Börse от фр. bourse); бюджет (фр., нем. - budget); вексель (нем. - Wechsel); депеша (фр. - dépêche); магазин (нем. - Magasin); финансы (фр. - finances); штраф (нем. - Strafe); экспорт (англ. - export); штемпель (нем. - Stempel) и др. основополагающий экономический термин «собственность» впервые появился в российском законодательстве в самом начале XVIII в. как термин, заимствованный из немецких источников. Он не был известен коренным русским источникам закона. Термин «собственность» является переводом немецкого слова «Eigenthum», которое государство использовало в жалованных грамотах прибалтийским немцам, проживавшим на вновь приобретенных территориях. В последующие годы новое юридическое понятие продолжало носить локальный характер, поскольку применялось в указах, относящихся к окраинным территориям империи. В законодательные акты общероссийского значения этот термин попал лишь в конце XVIII в.: в Жалованные грамоты дворянству и городам 1785 г. С этого момента «собственность» начинает заменять русский национальный термин «вотчинное и потомственное владение». С самого начала понятие «собственность» в источниках было связано с владением недвижимостью, точнее, землей⁷. В последующее время смысловое содержание слова безгранично расширилось, став универсальным обозначением принадлежности.

С петровских времен в России мощный импульс получили наука, образование, воспитание. Вместе с учителями и учеными в Россию попали: гимназия (нем. - Gymnasium); квадрат (нем. - Quadrat); семестр (фр. - semestre); теорема (фр. - théorème) и др. Игравшие в XVIII в. главную скрипку в отечественной науке зарубежные ученые полагали, что ориентироваться на русскоязычную аудиторию в стране, в которой для развития образовательных учреждений поначалу приходилось выписывать из-за

границы не только преподавателей, но и студентов, было неразумно. Именно поэтому, сообщения о результатах научных исследований членов и сотрудников Академии публиковались на латыни, немецком, французском, т.е. на языках, понятных европейским ученым. Для составления текущей документации в Академии также использовались иностранные языки. Со дня основания Академии до 1733 г. ее протоколы велись на латинском языке, в 1734-1741 – на немецком, в 1742-66 – на латинском, в 1767-1772 – на немецком, с 1773 – на французском. Только с 1841 г. протоколирование стало вестись на русском языке. Историко-филологическое и Физико-математическое отделения перешли на русский язык лишь в 1864 г.⁸

В период становления Академии наук официальным языком науки в России был немецкий, ибо в русском языке еще не была разработана научная лексика, а большинство членов Академии поначалу составляли ученые – немцы. Первым, кто стал читать публичные академические лекции на русском языке, был М.Ломоносов, и произошло это событие только в 1746 г. Ломоносов же был автором перевода учебника физики профессора Х.Вольфа, по которому он занимался в Марбургском университете. Россия получила не только первый систематический курс физики, но физическую терминологию. Ломоносов ввел в русскую науку такие иностранные слова как: поршень, атмосфера, барометр, термометр, периферия, сферический и др.⁹. На формировании языка математической науки в России сказалось влияние французской математической школы¹⁰.

Ещё с начала XVIII в. в русский язык шло активное проникновение слов, описывающих человеческие эмоции и чувства. Это обстоятельство связано с распространением сентиментализма, в частности с заимствованиями из английских сентиментальных романов первой половины XVIII в., в значительной степени «открытых» в России благодаря Н.М.Карамзину в конце XVIII в., а также благодаря первым трагедиям Сумарокова и первым комедиям Крылова, вдохновлёнными европейскими писателями Великого столетия¹¹. В русском языке появляются новые слова для описания таких ощущений, чувств и действий как: авантаж (фр. - *avantage*); авантюра (фр. - *aventure*); комплимент (нем. - *Kompliment*); комфорт (нем. - *Komfort*).

Специальные термины распространялись в кругу профессионалов: медиков, поваров, спортсменов: бинт (нем. - Binde); вата (нем. - Watte); карантин (фр. - quarantaine, «сорок дней»); буфет (нем. - Büfett); чемпион (англ. - champion); штанга (нем. - Stange).

Хозяйство, промышленность, техника, строительство, транспорт пополнились словами: авария (фр. - avarie); бензин (фр. - benzine); вагранка (от местн. назв. Wagrain в Австрии); верстак (нем. - Werkstatt, мастерская); деталь (нем. - Detail); дрель (голл. - drillboor); штольня (нем. - Stollen); штрек (нем. - Strecke); кучер (нем. - Kutscher); платформа (фр. - plate-forme); рельс (англ. - rails); семафор (фр. - sémaphore) и др.

Как было показано, культура, искусство, архитектура в Российской империи в значительной степени развивались усилиями и талантами европейских художников, архитекторов, музыкантов, которые, обучая русских учеников, передавали им вместе со своими знаниями и терминологию: балкон (нем. - Balkon); балюстрада (нем. - Balustrade); барак (фр. - baraque); кафель (нем. - Kachel, изразец); водевиль (фр. - vaudeville); гавот (фр. - gavotte); гастроль (нем. - Gastrolle) и др.

Зарубежное влияние зримо присутствует в географических названиях поселений, возникших в первой половине XVIII века: Шлиссельбург (1702), Санкт-Петербург (1703), Кроншлот (1704), (Кронштадт - с 1723 г.), Ямбург (1707), Петергоф, Ораниенбаум (1714) (в переводе с немецкого «апельсиновое дерево»), Екатеринбург (1723), Оренбург (1735). Таким образом, топонимика свидетельствует о языковых предпочтениях первой трети XVIII столетия.

В российский общественный и частный быт, практику использования одежды, украшений, тканей, в кулинарию прочно вошли слова: ботинки (фр. - bottine); брюки (голл. - broek); саржа (фр. - sarge); штопать (нидерл. - stoppen); графин (нем. - Karaffine); дебош (фр. - débauche); душ (фр. - douche); потасовка (фр. - tasser); конфорка (голл. - komfoor, жаровня); койка (голл. - kooi); комод (фр. - commode); конверт (нем. - Kuvert); кушетка (фр. - couchette); штопор (голл. - stopper); швабра (нидерл. - zwabber); бульон (фр. - bouillon); булочка (фр. - boule); суп (фр. - soupe); фрикадель (нем. - Frikadelle) и др.

Вся модная терминология, относящаяся к одежде, прическам и косметике заимствовалась из главного источника в этих областях – французского языка. На протяжении всего XVIII столетия основными частями мужского дворянского костюма была рубашка, кафтан, камзол и кюлоты. Под кафтан надевался заимствованный не позднее 1700 г. из Франции камзол (фр. *camisole*). Также из Франции в гардероб русского дворянина приходит сюртук (фр. *surtout* – «поверх всего»). Дополняли наряд русского аристократа кюлоты – короткие штаны длиной до колен (фр. *culotte*). Важной деталью внешнего облика как мужчин, так и женщин был парик, который в России стали носить после 1700 г. Слово «парик» заимствовано русскими из немецкого языка в начале XVIII в. Поначалу в моде были парики «алонжевые» (от французского слова *allongement* – удлинение). Широкое распространение получают бостроги. Этот вид одежды был привезен из Голландии Петром I. В голландском языке *bostrok* обозначало куртку, фуфайку.

Женский костюм состоял из распашного платья, рубашки, юбки и корсажа или корсета (фр. *corsage, corset*). Распашное платье могло заканчиваться шлейфом (нем. *Schleife* от *schlofen* – «делать гладким, скользким»). Учитывая особенности климата, юбки (фр. *jure*) могли простегиваться на вате. В течение всего XVIII в. женщины носили робу – (нем. *Robe* – одежда). С введением женской моды нового покроя появилась и новая обувь – туфли. Название это было заимствовано из немецкого языка в начале XVIII в. (*fufelle*). Модной считалась прическа с локонами (нем. - *Locke*). Важным дополнением костюма были аксессуары, которые также заимствовались из европейской моды. В 1700 г. начинает использоваться фонтанж (головное украшение – убор). Р.М.Кирсанова отмечает легкость распространения фонтанжа в России его схожестью с традиционным головным убором русской женщины – кокошником, который тоже представлял собой каркасное сооружение относительно большой высоты с обильными украшениями¹². В начале XVIII в. из Франции в Россию пришло жабо (*jabot* – «птичий зоб»). В первой четверти столетия очень популярны были кружевные манжеты (фр. *manchette* – рукавчик). С начала века использовались мушки (фр. *mouche* – муха). Непременной деталью женского костюма в XVIII в. был

веер (нем. Fächer от fachen – дуть). Изготавливались наряды из импортных тканей: камлота (шерсть пополам с шелком), штамета (легкая шерсть), флера (шелковая и легкая шерстяная ткань). В отделке широко использовалась канитель (фр. – cannetille). После 1718 г. русские аристократки начали носить панье (panier – фр. корзина) – сооружение из ивовых прутьев или китового уса, значительно расширявшего юбку. «В России название панье не прижилось, так как новую моду заимствовали из немецких земель, и такие каркасы стали называть фижмами, от Fischbein – рыбная кость или китовый ус»¹³. В обиходе появилась мода на браслеты (фр. bracelet) и другие украшения, популярные в Европе: броши (нем. - Brosche), кольца (фр. - collier).

Очевидно, нет такой сферы жизни и деятельности россиян, которая осталась незатронутой распространением европейских нововведений. Каков же количественный «масштаб» проникновения европейских слов в русскую лексику в рассматриваемый период? По подсчетам французской исследовательницы М.-П.Рей, за двадцать лет XVIII в. в русский язык вошло более 3 500 иностранных слов, большая часть из них была немецкого и шведского происхождения. Четверть этих терминов были сопряжены с морской терминологией, четверть – с военным делом, четверть – административные понятия и еще четверть – из области человеческих отношений, действий и чувств¹⁴. По данным отечественных исследователей, русский язык в течение всего XVIII столетия вобрал не менее 8 500 слов (не учитывая терминов науки и техники)¹⁵. На русской почве заимствованные слова порождали дериватные ряды. Число дериватов от западноевропейских слов в XVIII в. составило не менее 3 000 единиц.

В смене ведущих влияний на русский язык в XVIII в. выделяется три этапа: петровский период и в целом первая треть XVIII в., 1740-60-е гг., 1770-90-е гг.¹⁶. На период 1690-1730-х гг. приходится 52% заимствований (примерно 4 200 единиц). В петровскую эпоху использование заимствованных слов широко поощрялось, их можно встретить даже в речах проповедников. В 1730-е гг. – в царствование Анны Иоанновны, периода, когда по выражению В.О.Ключевского «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка»¹⁷, иностранный язык являлся четким маркером иностранца, провоцируя соответствующее от-

ношение к нему. Поэтому в 1740-1750-е гг., после смены царицы на троне, с наступлением националистической реакции проявилась тенденция языкового пуризма, ставшая ведущей на протяжении второй половины столетия. В 1740-1760-е гг. приобретено 27% от всех иностранных слов, заимствованных в XVIII в. В последней трети века в русский язык пришло 21% слов европейского происхождения, импортированных в рассматриваемое столетие¹⁸. В 1770-1790-е гг., вновь набирает силу тенденция отказа от чрезмерного использования иностранных слов, что объясняется событиями Французской революции, охранительной реакцией на нее императорской власти в России, в частности, пресечением контактов и требованием отхода от «всего французского» в эпоху Павла I.

Западноевропейская лексика охватывала в рассматриваемый период самые разнообразные аспекты общественной жизни, при этом можно выделить несколько языковых потоков. Если петровский период характеризовался полилингвизмом, активным впитыванием слов из самых разных языков, то с 1740-х гг. главным источником заимствований стали немецкий и французский языки. Французский язык и культура начали набирать свою популярность в царствование Елизаветы Петровны. Однако французское влияние испытывало постоянное давление со стороны немецкой культуры, усиливавшееся благодаря контактам с все еще не вполне русифицированными прибалтийскими провинциями и присутствию в Петербурге многочисленной немецкой колонии. Французский язык широко использовался, прежде всего, при дворе, зачастую в самые драматичные моменты для российской монархии. Промозглой мартовской ночью 1801 г. заговорщики, прокравшиеся в Михайловский замок с целью лишить Павла I власти, разговаривали по-французски. «Месье, ваше правление закончено! – крикнул Беннигсен Павлу по-французски. – Теперь император Александр. Мы арестуем вас по его приказу. Вы должны отречься от трона!» Лишь затем, онемевшему от страха Павлу Платон Зубов повторил эти слова по-русски. «Беда наша, что мы все хотим говорить по-французски, и не думаем трудиться над обработыванием собственного языка», - писал один из авторов «Вестника Европы» в 1802 году¹⁹. Чуть позже А.С.Пушкин отмечал: «ученость, политика и фило-

софия еще по-русски не существует... , все наши знания, все наши понятия с младенчества почерпнули мы в книгах иностранных, мы привыкли мыслить на чужом языке»²⁰.

Как было показано, на протяжении всего имперского периода осуществлялась европеизация российской повседневности, прежде всего, городской среды, воплощавшаяся в архитектуре, одежде, быту российских жителей, видах их деятельности и досуга. Все это находило свое отражение в языке. Приобщаясь к образованию, посещая европейские страны и воспитывая своих детей в европейской культурной традиции, образованные круги российского общества из поколения в поколение передавали стиль жизни и представлений о мире, ориентированный преимущественно на европейскую культуру, важной составной частью которой являлся язык.

В русский язык простонародья просачивались лишь некоторые иностранные (часто искаженные) слова (шантрапа, шаромыжник – фр. *cher ami*, милый друг) и т.д. Иностранные слова медленно проникали в русскую повседневность и быт. В XVIII они охватывали преимущественно лишь городское население, но с конца XIX стали распространяться через отходников и в деревню. Однако высшие слои общества, интеллигенцию и народ России разделяла пропасть, в том числе и языковая. Народник О.Аптекман, соприкоснувшись с крестьянами в Псковской губернии, обнаружил, что их видения мира совершенно различались. Они имели два набора представлений, идей, противоположных и противоречивших друг другу²¹.

Нельзя сказать, что ситуация доминирования иностранных языков в ущерб русскому среди элиты не находила осмысления и даже осуждения в российском обществе. Такое положение дел критически воспринималось многими представителями русской аристократии в XIX – начале XX вв. Достаточно привести пример адмирала А.С.Шишкова, который в 1809 г. развернул упорную борьбу за чистоту русского языка и его верность старославянской основе. Шишков восставал против употребления «галлицизмов» вроде слов «дежурный» и «элегантность», призывал заменить новые слова и понятия такие как: «оратор», «аудитория», «калоши», «биллиард» — соответственно на «краснослов», «слушалище», «мокроступы», «шарокат».

Однако даже во второй трети XIX в. попытки решения этой проблемы не были эффективны. Французский путешественник в России, маркиз де Кюстин в своей знаменитой книге писал: «Реформа императора Николая затрагивает даже язык его окружения – царь требует, чтобы при дворе говорили по-русски. Большинство светских дам, особенно уроженки Петербурга, не знают родного языка; однако ж они выучивают несколько фраз и, дабы не ослушаться императора, произносят их, когда он проходит по тем залам дворца, где они в данный момент исполняют свою службу; одна из них всегда караулит, чтобы вовремя подать условный знак, предупреждая о появлении императора – беседы по-французски тут же смолкают, и дворец оглашается русскими фразами, призванными убожить дух самодержца...»²². А. де Кюстин был убежден, что «почти полное отсутствие своеобразия в современных славянских литературах происходит от того, что начиная с XVIII в. русские и поляки взяли за правило нанимать для своих семей чужеземных гувернанток и воспитателей; когда русские, получившие хорошее воспитание, переходят на родной язык, они переводят с иностранного, и заёмный этот стиль прерывает полет мысли, нарушая простоту её выражения»²³.

Изучение иностранных языков, культуры и истории европейских стран занимало существенное место в воспитании юных русских дворян. В объёмном труде военного министра А.Н.Куропаткина (1910) содержится показательное высказывание: «С XVIII в. представители высшего класса России за несколькими исключениями вели образование и воспитание своих детей так, что всё западное, европейское должно было стать им ближе всего русского. Окруженные гувернерами-иностранцами, дети наших вельмож прежде всего выучивались иностранным языкам, затем русскому. Было время, когда говорить по-русски с иностранным акцентом считалось признаком хорошего тона»²⁴.

Итак, вхождение Русского государства в орбиту европейского влияния, наиболее заметно проявляющееся с XVIII в., зримо отразилось в национальном языке. В XVIII – начале XX вв. в повседневную русскую речь вошло огромное количество новых понятий, большая часть которых сохранила (в адаптированном к русскому языку виде) своё изначальное наименование. Расширение контактов, привнесение в отечественный быт иноземных

объектов материальной культуры, внедрение в экономику новых реалий и технологий, создание регулярной армии, науки, развитие образования, искусства, отмечены появлением множества европейских слов в русском языке. «В контексте привнесённой системы ценностей создавался русский литературный язык нового типа». Язык не только отражал глубокие изменения в русском обществе, но и оказывался «одним из основных средств утверждения господствующей культуры, а тем самым и одним из важнейших элементов государственной политики»²⁵.

Лексические заимствования не только соотносились с интенсивным развитием государственной и военной организации, производства, культуры, науки и пр., но служили своего рода маркерами культурной ориентации. Их употребление свидетельствовало о причастности к новой культуре, об усвоении иной системы ценностей и отходе от традиционных представлений. При этом, по наблюдениям филологов, слова приходили не вслед за вещами и понятиями, а опережая их и не соотносясь с ними²⁶.

Язык является мощным средством адаптации культурных и материальных реалий. Заимствование иностранных слов отражает гегемонию, а значит и культурную экспансию определенной страны в конкретную историческую эпоху: Швеции, Нидерландов, Пруссии, Франции, Великобритании. Историческая ретроспектива языковых пластов позволяет верифицировать волны внешнего влияния и подтверждает, что технологические инновации сопровождаются культурными. Усвоение новых реалий обществом-реципиентом способствует его продвижению в русле общемирового развития.

¹ Филологический факультет МГУ (Лаборатория этимологических исследований); Институт лингвистических исследований РАН (Группа исторической лексикологии); филологический факультет МПГУ и др. Малый толково-этимологический словарь иностранных слов / Под ред. Н. С. Араповой и Ю. М. Мироновой. – М., 1955; Эрудит: Толково-этимологический словарь иностранных слов. – М., 1997; Словарь иностранных слов. Актуальная лексика: Толкования. Этимология. – М., 1997 (2-е изд., доп.: М., 1999); Современный словарь иностранных слов: Толкование. Словоупотребление. Словообразование. Этимология / Сост. Л. М. Баш, А. В. Боброва, Г. Л. Вечеслова, Р. С. Кимягарова, Е. М. Сендровиц. – М., 2000; Смолина, К.П. Историческая лексикология русского языка. Теоретический комментарий. Программа курса. Литература (в соавт. с О.А. Черепановой) // Русская историческая лексикология и лек-

сикография. Вып. 5. — СПб., 2001; с 1960 г. публикуются «Этимологические исследования по русскому языку» и др.

² см. Труды, начиная с 1-ой конференции: Andersen, J.M., Jones, C. (eds.), Historical linguistics. Amsterdam. Papers from the 1st international conference on historical linguistics. — Amsterdam. 1974.

³ Биржакова, Е.Э., Войнова, Л.А., Кутина, Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. — Л., 1972; Huttel-Worth, G. Foreign Words in Russian Language. A Historical Sketch. 1550-1800. — Los Angeles, 1963.

⁴ Peterson, C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms. Swedish Antecedents and the Process of Reception. — Lund, 1979. — P.412.

⁵ Цит. по: Павлов-Сильванский, Н. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. — М., 2000. — С.24.

⁶ Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М., 1996. — С.149.

⁷ Поткина, И.В. Законодательство Российской империи: регулирование права собственности и имущественных отношений // Собственность в XX столетии. — М., 2001. — С.826.

⁸ Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725-1917. — СПб., 2002. — С.133.

⁹ Смагина, Г.И. Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII в.). — СПб., 1996. — С.126.

¹⁰ Любина, Г.И. Россия и Франция. История научного сотрудничества. — М., 1996. — С. 128.

¹¹ Rey, M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible a Boris Eltsine. — Paris, 2002. — P.118.

¹² Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. — М., 2002. — С.33.

¹³ Там же. С.39.

¹⁴ Rey, M.-P. Le dilemme Russe ... P.88.

¹⁵ Биржакова, Е.Э., Войнова, Л.А., Кутина, Л.Л. Очерки по исторической лексикологии ... С.83.

¹⁶ Там же. С.86.

¹⁷ Ключевский, В.О. Сочинения в восьми томах. Т.4. — М., 1958. — С.294.

¹⁸ Биржакова, Е.Э., Войнова, Л.А., Кутина, Л.Л. Очерки по исторической лексикологии ... С.170-174.

¹⁹ Вестник Европы. — М., 1802. Ч.1. №4. — С.68.

²⁰ Пушкин, А.С. Собр. соч. в десяти томах. — М., 1974-1978. Т. VI. — С.229-230.

²¹ Аптекман, О. Общество «Земля и воля» 70х годов по личным воспоминаниям. — Петроград, 1924. — С. 152.

²² Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т.1. — М., 2000. — С. 363.

²³ Там же. С. 375.

²⁴ Куропаткин, А.Н. Задачи русской армии. — СПб., 1910. Т.3. — С.170.

²⁵ Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века. — М., 1996. — С.68.

²⁶ Там же. С.146-148.

Культурные интерференции, иностранные заимствования в повседневной жизни, инфильтрация новой лексики в состав современного русского языка – вот круг проблем, на которых фокусировалось наше внимание для уяснения сути модернизации Российской империи. Находясь в стороне от мировых центров цивилизации, и, тем не менее, связанное с ними опосредованно, Русское государство всегда было открыто внешним влияниям. Начиная с XVIII столетия воздействие так называемого «внешнего мира», особенно Западной Европы, на жизнь российского общества необычайно усилилось и стало устойчивым и постоянным фактором отечественной истории.

Трансформационные процессы затронули общественное сознание, индивидуальную психологию, структуры повседневности. Движение их было неравномерным и избирательным, но подобно течению реки, размывающей старое русло, оно неуклонно расширялось, постепенно изменяя национальный пейзаж. Со временем воспоминания о раннем периоде стирались из коллективной памяти, заменяясь более привычной для нас картиной. На протяжении столетий в неё было вкраплено так много того, что некогда казалось иноземным, чуждым и инородным, но стало обыденным, что сейчас указание на европейские истоки той или иной составляющей привычного бытия вызывает искреннее удивление современника.

Масштабы и значение этих преобразований были различны. Конечно, они не ограничивались «при Екатерине I усиленной выпискою дорогих уборов из-за границы, при Анне – появлением бургонского и шампанского на знатных столах, при Елизавете – учащением разводов, введением пива женою канцлера Анной Карловной Воронцовой, английских контрдансов двумя ве-

ликосветскими русскими барышнями, гостившими в Лондоне»¹. Интенсификация международных контактов, появление новых идей, образов и представлений, использование иностранных вещей и технологий оказало глубокое воздействие на российскую почву. В результате преобразований петровской эпохи произошла революция в культуре, всколыхнувшая ограниченный круг родовой и профессиональной элиты, но спровоцировавшая разлом единого национально-культурного пространства на европеизированную элитарную часть и традиционную народную толщу.

В книге было показано, что диффузия инноваций в России осуществлялась в ходе профессионально-ориентированных зарубежных поездок, военных походов, путешествий; знакомства с европейской культурой через их носителей-иностранцев в России; семейные связи; печатные средства информации, участие в профессиональных встречах, гастролях, переводы и публикацию европейских авторов в журналах или отдельными изданиями, изучение истории, культуры и иностранных языков стран Европы в гимназиях, высших учебных заведениях, у частных учителей, привлечение иностранцев в сферу воспитания, бытового обслуживания. Основными каналами контактов являлись профессиональная деятельность и персональные связи. Диффузия усиливалась по мере развития транспорта и совершенствования средств передачи информации.

В процессе зарубежных поездок русской аристократии, чиновников, студентов, пенсионеров Академии художеств, общения с иностранцами, приезжавшими и ведшими свои дела на территории России, происходило узнавание об объектах и феноменах культуры, распространенных в той или иной европейской стране, формировалось заинтересованное отношение к новшествам, они становились «модными» в России. Существовая первоначально в пределах достаточно узко очерченного круга лиц, способных приобретать импортный товар или заказывать его аналоги в России у иностранных мастеров или местных ремесленников, инновации постепенно выходили за пределы состоятельных сословий, становились элементами престижа, а позже – привычными предметами обихода и повседневности у

основной массы населения. Именно такой путь проделали столовые приборы, обои, зеркала, пиджаки, конфеты, телефоны и т.п.

Динамика усвоения инновации определялась преимущественно обладанием ею. В свою очередь, это преимущество выражалось во включенности в элитарный круг, члены которого расценивались государством как его опора и созидательный элемент. При этом нововведение должно было пройти этап адаптации к потребностям местного общества, прийти в соответствие с принятыми ценностями, опытом, потребностями реципиентов. В России стратегический выбор Европы в качестве социального образца был сделан авторитарно, навязан царем, обладавшим неограниченной властью. Его подданные не имели реальной возможности выбора в вопросе принятия или непринятия этого курса. Попытки сопротивления жестоко пресекались. В дальнейшем, проведение выбранного курса в жизнь, периоды интенсивных многофакторных заимствований неоднократно перемежались с традиционалистской реакцией общества, сопротивлявшегося навязыванию новых стандартов жизни и поведения, сопряженных с разного рода ограничениями, сменой принятых ориентиров и как правило, с большими затратами различных ресурсов (человеческих, денежных и т.п.).

Тесные связи с Западом и западной культурой вызвали многие перемены в быту, прежде всего состоятельного класса российского общества. В повседневный туалет дворянства вошло облачение в одежду европейского кроя, использование париков (XVIII в.), пудры, других косметических средств, духов. За столом стали употреблять новые блюда и пищевые ингредиенты. Светская жизнь стала немыслимой без обращения к помощи иностранных мастеров, портных, парикмахеров, лакеев, кучеров, поваров. Крупные перемены произошли в облике городов и усадеб, перестраивавшихся и застраивавшимися новыми домами западноевропейского типа, регулярными парками с цветниками, гротами, фонтанами. Во внутреннем убранстве жилища появились скульптуры и картины, шпалеры, европейская мебель, новое убранство стола, способы подачи блюд. В новом дворянском быту широкое распространение получила инструментальная му-

зыка (клавикорды, скрипка, флейта). Характерной чертой нового времени стал интерес к искусству в самых разных его формах: живописи, скульптуре, инструментальной и вокальной музыке.

По мере отмирания старых, традиционных праздников с петровских времен внедряются новые, светские торжества, развивается традиция светского досуга. Широко распространенными в дворянской среде становятся ассамблеи, куртаги, балы, маскарады, концерты, спектакли. В XVIII столетии возникают официальные «статские» праздники по случаю различных политических событий: военных побед, коронаций, восшествия на престол. Аналогичные праздники были широко распространены при европейских дворах. Они являлись «открытыми», то есть, отмечались публично, вовлекая различные социальные группы численностью от нескольких десятков до тысяч человек в зависимости от характера отмечавшейся даты (праздненства государственные, столичные, придворные, свойственные отдельным социальным группам). Фейерверки, живописные произведения, архитектура, музыкальные, танцевальные, театральные представления – всё это было знаком принадлежности к Западу.

По замечанию де Кюстина, «русский высший свет всю жизнь занят поисками модных образцов в дальних пределах»². Красивая жизнь требовала больших денег. Расходы на содержание двора при Екатерине II увеличились в 5,3 раза, аппарата управления в 5,8 раз. Их рост свидетельствовал о том, что после смерти Петра I двор и дворянство опережающими темпами увеличивали непроизводительные расходы. Крупные и средние землевладельцы тратили доходы от экспорта сельскохозяйственной продукции не на развитие сельского хозяйства или промышленности, а на импорт европейских товаров, оплату гувернёров, путешествия в Европу и т.д.³ Подсчитывая во что обходились русскому дворянству, его крепостным и государству эти траты в XVIII веке, А.Каган пришел к выводу, что ежегодные расходы на «предметы роскоши», обучение и путешествия превышали в конце XVIII столетия 18 млн руб., что составляло более 35% доходов, получаемых дворянством от крепостных (от 50 млн руб)⁴.

Всё это имело серьезные социальные последствия. Высокий уровень расходов, вызванных культурной модернизацией, с неизбежностью вел к росту экономического прессинга на крепостное хозяйство, под знаком чего и осуществлялась экономическая и политическая деятельность дворянства в XVIII в. Поскольку собственных средств дворянства на «европейские безделицы» не хватало, государство поддерживало своих «слуг», раздавая владения и деньги из казны, что приводило к укреплению позиций государства. В то же время, на протяжении XVIII в. русское государство управлялось посредством и в интересах олигархии и процесс вестернизации, охватывавший в той или иной степени большую часть дворянства, не зашел ещё настолько далеко, чтобы оказывать уравнивающий эффект на распределение экономической и политической власти⁵. Расширение посевных площадей и интродукция новых видов растений, развитие скотоводства, поощрение разделения труда и разного рода крестьянских промыслов в XVIII в. связаны с экономическими потребностями дворянства, чьи повседневные нужды и новомодные прихоти были вынуждены обеспечивать крепостные крестьяне. Рост дворянского предпринимательства в самых разных отраслях деятельности, наблюдавшийся с 1740-х гг., также был сопряжен с поиском новых источников покрытия возрасставших расходов. Таким образом, возросшие в связи с вестернизацией потребности российского дворянства корреспондировались с коммерциализацией сельского хозяйства и поиском новых источников пополнения бюджета.

Согласно концепции диффузии инноваций, перенимание западной культуры Россией было порождено военным, экономическим и культурным превосходством ряда европейских стран в рассматриваемый период. Неудивительно, что ориентиром для российской модернизации был европейский социальный, технологический, культурный опыт. Россия второй половины XVII столетия по уровню технико-экономического развития (а, следовательно, и социального) отставала от передовых стран Запада, как принято считать, примерно на 200 лет⁶. Под угрозой потери суверенитета необходимость преобразований была своевременно осознана, и правящей элитой был выбран курс на пре-

одоление отставания. К концу рассматривавшегося периода оно сократилось вдвое. В 1913 г. по 11 показателям средний лаг между Россией и четырьмя великими державами составлял по оценке Б.Н.Миронова 96 лет⁷.

Генезис капитализма в России начался во второй половине XVIII в., примерно на три столетия позднее, чем в Западной Европе (XV –XVI вв.). Широкая капиталистическая модернизация развернулась ещё веком позже (со второй половины XIX в.). Это обусловило резкое ускорение сложного и болезненного процесса становления индустриального общества. Ориентиром этого процесса был европейский социальный, технологический, культурный опыт. Многие отрасли современной промышленности, административные принципы и практики, элементы бытовой повседневности были привнесены в Россию иностранцами и русскими, получившими знание о них за рубежом. Так что же, вслед за А.де Кюстином надо признать, что на протяжении веков «благовоспитанные русские – знать, ученые, власти предрешающие, только тем и занимались, что кланчили идеи и искали образцов для подражания во всех обществах Европы»⁸?

Ответ на это высказывание требует признания двух обстоятельств. Во-первых, масштабная диффузия инноваций в разных сферах общественной жизни – характерная черта эпохи модернити. Перенос и принятие новых практик и артефактов был свойственен всем странам, вступившим на этот путь. Во-вторых, получив европейские импульсы, Россия смогла не только освоить («сделать своим») новые военные, социальные, культурные, административные технологии, но, адаптировав и развив их, перевалить через точку равновесия, качнувшись из азиатского мира в мир Европы, предложив миру блестящие примеры национальных достижений в культуре, науке, производстве.

К специфике российской модернизации обычно относят тот факт, что все преобразования всегда совершались по инициативе властной элиты, и не находили поддержки в толще населения страны. Такая ситуация, однако, представляется достаточно типичной и для стран классической модернизации. Французский историк Ж.Ле Гофф при рассмотрении «протяженного средневековья» исходит, например, из того, что деревенская основа

западноевропейского средневековья и ментальность эпохи были мало подвержены переменам на протяжении многих веков⁹. И все же, действительно, в России правительственный импульс к совершению перемен был очень важен. Преимущественно аграрный характер российского общества, неразвитость буржуазных элементов, разрушавших кокон средневековья в Европе, объясняет «насаждение» элементов модернизации, а не их органичное саморазвитие в нашем Отечестве. В результате - история не раз демонстрировала отторжение российской действительностью европейских нововведений (будь то сибирские восстания против бритья бород или недолговечность новых административных органов).

Энергичное «втаскивание» гигантского российского «тела» на спасительный плот европейской модернизации велось, естественно, прежде всего, действиями «головой и рук» - отечественной элиты. Массовая опора любого государства – его «корпус» и «ноги» - простой народ – еще долго «бултыхался» в привычной среде. К концу XVIII в. из 36 миллионного населения России только 4% относилось к населению городскому – то есть, более активно испытывавшему непосредственное диффузионное влияние. По переписи 1897 г. дворянство составляло примерно 1,5% населения страны (около 1,8 млн чел.); сословие купцов и почетных граждан – около 0,5% (600 тыс.); сословие мещан – 10,7% (около 10 млн чел.). Основное сословие страны – крестьянство насчитывало к началу XX в. около 97 млн чел., т.е. примерно 77% населения, и было неравномерно и в целом слабо проникнуто модернизационными трансформациями. Таким образом, верность и перспективность курса будущего развития государства всецело зависит от его руководства. Преодоление инертности основной массы населения требует как непрерывных усилий лидеров, так и длительного времени. При этом количество активных передатчиков инноваций может не превышать пяти-десяти процентов, но их оказывается достаточно для когерентного развития социальной массы в желаемом направлении.

Слабая связь между «верхами» и «низами» в России, разная динамика восприятия ими нововведений, низкий уровень благо-

состояния большинства населения усугублял трудности отказа от традиционного, привычного, провоцировал конфликт между ориентированной на Европу богатой верхушкой и простым народом. Глубокий социокультурный раскол «верхов» и «низов» общества, вызванный нараставшим западным влиянием, а, точнее, неравномерностью его распространения в народных массах и высших слоях восходит к XVII - XVIII вв. Дворянство и верхние городские слои постепенно европеизировались, а подавляющая часть населения – крестьяне и городские низы в основном оставались привержены своей традиционной культуре. Лишь в конце XIX – начале XX вв., через два столетия после начала вестернизации России, европейское влияние стало активнее проникать в народные массы. Расслоение общества, отрыв элиты от массы, взаимное непонимание стремлений и норм жизни более развитых слоев народа с одной стороны, и «темных» с другой, чревато конфликтами, множество примеров которых дала нам наша история. Это обстоятельство, таким образом, лежит в основе ещё одного наставления отечественной истории.

Его следствием является непрекращающаяся работа философски ориентированных членов общества над поисками самоидентификации России, наиболее эффективных путей её развития. Причем в этом поиске противоположность подходов определяется противоречивой природой России и разностью мироощущений, идейных ориентиров искавших истину людей. «Русские раздумья» аналогичны поиску ответов на сущностные вопросы, которые мучают многие государства: «Должны ли незападные общества отбросить собственные культурные традиции и заимствовать центральные элементы западной культуры, чтобы модернизироваться?» Отвечая на него, С.Хантингтон полагал, что «Царь Пётр Первый и Мустафа Кемаль Ататюрк, намеревавшиеся провести коренную модернизацию, были уверены, что для этого нужно заимствовать западную культуру полностью, вплоть до замены традиционного головного убора на западный. В результате этого возникли «внутренне противоречивые» государства, лишённые культурного самосознания и чёткого представления о своей культурной принадлежности. Не

особенно полезным оказался культурный импорт с Запада и для осуществления модернизации как таковой»¹⁰.

Такая постановка вопроса философски ограничена, не исторична. Заимствования шли по всем направлениям общественной жизни, культурный импорт был лишь наиболее зримой, внешней стороной, воздействовавшей на определенную часть общества. Европейское платье было лишь внешним знаком глубоких социальных перемен. Модернизация, наверное, могла осуществляться и без опоры на культурные образцы, но это сильно обеднило бы её. При Петре I и его преемниках в соответствии с требованиями современной эпохи и с учётом развития более продвинувшихся на этом пути западных стран, трансформировалось понятие верховной власти, видоизменялись её права и прерогативы, создавались принципиально новые высшие государственные учреждения и администрация, перестраивалось судоустройство и судебный процесс, была предпринята попытка кодифицировать уголовное и гражданское право. То есть, система государственной власти, образования и форм социального быта России копировалась Петром I и последующими Романовыми комплексно с европейских образцов. Строились по новым принципам войско и флот, учреждались не существовавшие ранее отрасли промышленности, толчок получило развитие торговли, мощнейший сдвиг шел в социальном устройстве России, её культурной эволюции.

Приведенная цитата авторитетного социолога дает нам возможность акцентировать внимание на еще одной рекомендации исторического опыта: необходимо очень вдумчиво и осторожно относиться к оценкам и назиданиям зарубежных советчиков. Ибо понимание сущности российского развития у них может быть не достаточно глубоким, а цели - эгоистичными. «Иностранцы не знают России и не понимают её – констатировал русский философ И.А.Ильин, - они боятся её; и собираются навязать нам свой политический штамп в расчёте, что он разложит и обессилит Русское Государство»¹¹.

Стоит ли бесконечно оглядываться на «цивилизованный мир», трепетно прислушиваться к «злосчастному мнению Европы», призрак, «преследующему русских в тайниках их мыс-

лей»¹²? Ещё классик российской историографии В.О. Ключевский, правильно оценивал миссию Петра I: Пётр I «искал на Западе техники, а не цивилизации»¹³. Он не питал к Западной Европе «слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о задушевных её отношениях к России, знал, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательство»¹⁴. «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом», - будто бы говорил Пётр¹⁵. Либерал-реформаторы, пренебрегавшие опытом социоприродного бытия России и результатами его осмысления выдающимися отечественными и зарубежными мыслителями, наступают на «старые грабли», оправдывая предупреждение Г.П.Федотова: «Вне охранительной национальной политики, русская промышленность и торговля будут захвачены иностранцами. России грозит участь колониальной страны»¹⁶.

Становление современного российского общества было достаточно продолжительным и непростым, чтобы с лёгкостью отказываться от достигнутого, раскачивая его в целях очередной смены курса. И это, пожалуй, главное предупреждение, выстраданное всей нашей богатой историей. Получив в Европе знание о передовых технологиях, разнообразную информацию о новинках «цивилизованной» жизни, Россия два столетия осваивала её, сохраняя всё это время традиционную систему власти, социальных отношений, собственности. Русская правящая элита могла в зависимости от европейской моды менять парики и камзолы на фраки и мундиры, читать французских философов, английских романистов или немецких романтиков, говорить, и даже мыслить по-французски, но при этом столпы российского государства – единое государство и сознание причастности к созиданию самой мощной, во всех смыслах православной державы - оставались неколебимы. Многочисленные конституционные проекты отлетали от этих опор, оставляя на них едва заметные щербинки. И только Манифест 1905 г. смог их накренить. Прочная почва традиции, к началу XX в. уже основательно «взрыхленная» исподволь шедшими модернизационными процессами, зашаталась под её главным символом и оплотом, и ушла из-под его ног. Кумуля-

тивный эффект модернизации, проявился в ходе русских революций начала XX столетия, подобно землетрясению потрясших русское общество и разрушивших его традиционные устои.

Ученичество было условием пребывания иностранных мастеров в России. Эта политика дала свои результаты. Понадобилось продолжительное время – порядка полутора веков, чтобы привнесенные из Европы чужие наука, искусство, промышленность были усвоены и принесли признанные во всем мире плоды. Симбиоз, оформившийся во многих сферах к середине XIX в., оказался очень продуктивным. Наверное, не случайно, наши великие достижения корреспондируются с национально ориентированной политикой царствований Николая I, Александра III, Николая II. Период 1830-1860-х гг. – время становления и укрепления национальных школ в науке, музыке, изобразительном искусстве, литературе. Россия перестала нуждаться в опоре на иностранных учителей в этих областях. Не удивительно, что эти процессы были сопряжены с мощным ростом национального самосознания, острыми спорами о нашем месте в мире и взаимоотношениях с Европой. Эти вопросы не случайно были поставлены в названный период в «Философических письмах» П.Я. Чаадаева, манифестировались в размежевании интеллектуалов на славянофилов и западников, обсуждались теоретиками народничества.

Русская культура первой половины XIX в. характеризовалась исключительно высокими темпами развития всех её областей, дальнейшим сближением с западноевропейской культурой при сохранении самобытного национального характера. Середина XIX в. стала тем рубежом, перейдя который Россия могла твердо опираться на свои собственные национальные кадры и достижения. В 1840-е гг. В.Г.Белинский писал: «...мы нуждаемся в Европе, но уже не в иностранцах; нам надо следить за успехами наук, искусства, промышленности, но не выписывать оттуда людей для заведения того, и другого, и третьего, как было прежде»¹⁷. Во второй половине XIX в. были сделаны выдающиеся открытия в науке и технике, имеющие международное значение. Многие шедевры русской литературы, живописи, музыки стали достоянием мировой культуры. Русская культура стала неотъ-

емлемой частью общемировой, заняв во многих областях одно из ведущих мест в мире.

Иностранным специалистам в России всегда платили большие деньги (в среднем в три раза превосходившие жалование русских), которые и были своего рода «смазкой» механизма диффузии. В результате, несмотря на некоторое противодействие переезду квалифицированных специалистов из Европы в Россию, на её территории осели сотни тысяч европейцев, большинство из которых обрели здесь свой второй дом, продуктивно трудясь на благо новой родины. Иностранцы в России, прежде всего, российские немцы, часть из которых приняла православие, оставили заметный след в русской истории и культуре.

Проанализировав различные стороны европейского участия в истории нашей страны, можно, во-первых, твёрдо утверждать, Российская империя, конечно, являлась европейски - ориентированным государством, а во-вторых, чётко выделить доминанты национального влияния. Согласно концепции диффузионизма, ядром распространения инноваций является страна-гегемон, чья большая эффективность в военной области, аграрно-промышленном производстве, торговле и финансах обеспечивает ей господство на мировом рынке и активное проникновение в государственное пространство других стран. Капиталистическая мир-экономика, по И.Валлерстайну, знала только три гегемонии: Соединенные провинции (Голландия) в середине XVII в. (пик в 1620-1672 гг.); Великобритания в конце XIX в. (пик в 1815-1873 гг.); США в середине XX в. (пик в 1945-1967 гг.)¹⁸. Помимо государств - бесспорных гегемонов всегда имелись другие, претендовавшие на лидирующее положение и также создававшие уникальные образцы технологий и культуры, вызывавшие стремление к их воспроизведению в других странах. Среди них в XVIII-XIX вв., безусловно, выделялись Пруссия и Франция.

На рубеже XVII-XVIII в. значение Голландии как гегемона нового мира было ещё очень велико. Голландское кораблестроение, инженерия, архитектура, культура служили главными образцами для заимствования на раннем этапе петровской модернизации. (К середине XVIII в. голландская промышленность и торговля претерпевает окончательный упадок, а в 1795 г. бы-

лая слава торгово-промышленного лидера мира и вовсе рассыпается после оккупации Нидерландов французами.) В сфере действия голландского культурного круга в XVII в. находилась Швеция. Переняв голландские достижения в металлургическом производстве, Швеция к началу XVIII в. была одной из сильнейших в Европе. Под её властью оказались Финляндия, Эстляндия, Лифляндия, Ингерманландия, Карелия, Северная Померания, северные германские герцогства. Швеция создала одну из передовых армий эпохи по вооружению и тактике. Неудивительно, что Пётр проявлял пристальный интерес к организации шведской армии и модели управления государством, наравне со вниманием к голландской морской торговле, колониям, принципам градостроительства, одежде, досугу, кунсткамерам, аптекарским огородам и пр.

На протяжении XVIII в. в качестве центров диффузии нововведений соперничали германские государства, Великобритания и Франция. Британия оказала колоссальное влияние на создание российского флота. Германское воздействие проявилось в сфере организации придворной жизни, начиная с 1730-х гг. служило ориентиром для сухопутной армии.

Французский язык и культура стали играть в России перво-степенную роль, примерно с середины XVIII века. В XVIII в. Франция служила образцом просвещенного абсолютизма, неизменными спутниками которого были зрелая государственность, изощренный придворный этикет, высокие образцы литературы и искусства. Французские предпочтения Елизаветы Петровны рассматриваются одновременно и как реакция на немецкое засилье в правление Анны Иоанновны. В правление Елизаветы галломания появляется как явление и как термин. В елизаветинское время мощный созидательный импульс получили складывающаяся национальная литература, наука, культура в целом. В то же время, они формировались под сильным западноевропейским влиянием. Американский историк Д.Бреннан говорит о XVIII в. как о веке «победы французской культуры в России»¹⁹. В царствование Елизаветы Петровны при дворе всё более распространяется французский язык и мода на времяпрепровождение, антураж, стиль жизни, практикуемые при лучших дворах

Европы. Елизавета привлекает к созданию новых архитектурных ансамблей французов, англичан. Устанавливаются интеллектуальные отношения с философами просвещения. Вольтер становится почётным членом Академии наук, получает важную поддержку для работы над «Историей Петра Великого». Таким образом, со времён Елизаветы Петровны и особенно Екатерины II в Россию проникает французская философская и художественная литература, элементы придворного быта. Волна французского влияния усилилась в эпоху Великой французской революции и после неё, когда в Россию хлынул поток эмигрантов-роялистов. Знание французского языка стало неременным требованием для представителей русского великосветского общества. Итак, французское влияние преваляло при императрицах Елизавете (1741-1761) и Екатерине II (1762-1796), было осязательным при императоре Александре I (1801-1825).

Однако ориентация в культурной жизни на Францию испытывала постоянное давление со стороны немецкой культуры, усиливавшееся благодаря династической политике российского императорского дома, контактам с всё ещё не вполне русифицированными прибалтийскими провинциями и присутствию в Петербурге многочисленной немецкой колонии. Германское влияние преобладало при правлении императоров Петра III (1761-1762), Павла I (1796-1801), Николая I (1825-1855). По образному выражению Р.Уортмана, Николай I приобрел «персону» прусского командира, Александр II - немецкого принца, а Николая II отличала небрежность английского джентльмена²⁰. При этом необходимо подчеркнуть, что Николай I стал первым российским императором, который определял своё правление как исключительно русское, укоренённое в национальной традиции авторитаризма, в отличие от монархов XVIII в., апеллировавших к сходству с европейскими монархиями. Здесь, конечно, следует учесть и общеевропейскую тенденцию, отчетливо проявляющуюся в эту эпоху – популярность национальных мотивов. В эпоху, когда европейские государства стали хвалиться национальными традициями, российское самодержавие также стало пропагандировать национальные вкусы и культуру. Упадок гражданских и религиозных институтов в Европе и взрыв рево-

люционных идей заставили российского монарха обратиться к идее русской народности и сделать её «якорем для спасения».

Приверженность английскому вкусу распространилась в России, как и в странах Западной Европы, в эпоху классицизма последней четверти XVIII века и отчасти сохранялась в первой половине XIX столетия. В России период англomanии выделяется на стыке XVIII и XIX вв. Внешним признаком его стало появление сначала в Петербурге, а затем в Москве английских клубов и кофеен, английских магазинов и мастерских по производству мебели. Адаптация в качестве норм и ориентиров европейских моделей в самых разных направлениях социальной деятельности неизбежно вела к деруссификации элиты. «Почему я не родилась англичанкой? Как я обожаю свободу и дух этого народа!», - восклицала Е. Дашкова. Английское влияние в литературе распространяется на XIX в.: «байронские» мотивы А.С. Пушкина, отголоски творений Вальтера Скотта в творчестве Л.Н. Толстого.

С точки зрения восприятия русскими английской культуры и литературы, моды на все английское, Александровское царствование – время наибольшего влияния британской культуры в России, постепенно эволюционировавшего в доминирование культуры французской. В начале царствования Александра I его идеалы приближались к английским образцам, впоследствии – к французским. Сменившему его на троне Николаю I импонировал прусский порядок, но он стал первым царём, осознавшим важность национальной – русской - идеи. Эта идея становится доминантой национального развития на протяжении последнего столетия существования империи.

Осмысливая долгий путь, пройденный нами вместе с Европой в направлении цивилизации модерна, достигнутые на этом пути результаты, интеграцию в российский народ представителей множества народов, в том числе и европейских, важно извлечь главный урок из нашего исторического опыта: Россия может строиться только самобытным творчеством, а не слепым заимствованием у Запада. «Творящему не страшно никакое заимствование; кто умеет только подражать, тот погубит своё творчество»²¹.

-
- ¹ Ключевский, В.О. Сочинения в восьми томах. Т.5. – М., 1958. – С.345-346.
- ² Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т.1. – М., 2000. – С. 255.
- ³ Амосов, А.И. Эволюция денежной системы России // Вопросы истории. – 2003. – №8. – С.89.
- ⁴ Kahan, A. The Costs of “Westernization” in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. – Vol XXV, - No.1. – 1966. – P.46.
- ⁵ Ibid. P.66.
- ⁶ Ковальченко, И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. – 1995. – №1.
- ⁷ Миронов, Б.Н. Деревня Москва, деревня Париж...О европейскости России // Родина. – 2006. – №5. – С. 30.
- ⁸ Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т.1. – М., 2000. – С. 292.
- ⁹ Le Goff, J. Pour un autre Moyen Age: Temps, travail, et culture en Occident medieval. – P., 1977.
- ¹⁰ <http://www.russ.ru/journal/peresmot/97-10-15/hantin.htm>
- ¹¹ Ильин, И.А. Собрание сочинений. – М., 1996. Т.6. Кн. II. – С.462.
- ¹² Кюстин де А. Россия в 1839 году. Т.1. – М., 2000. – С. 304.
- ¹³ Ключевский, В.О. Сочинения в восьми томах. Т.4. – М., 1958. – С.22.
- ¹⁴ Там же. С.213.
- ¹⁵ Там же. С.214.
- ¹⁶ Федотов, Г.П. Судьба и грехи России (Избранные статьи по философии русской истории и культуры). В 2-х тт. – СПб., 1991. Т.1. – С.238.
- ¹⁷ Белинский, В.Г. Полн. собр. соч. Т.VII. – СПб., 1904. – С.357.
- ¹⁸ Wallerstein, I. The three instances of hegemony in the history of capitalist world-economy // Wallerstein I. The politics of the world-economy: the states, the movements, and the civilizations. – Cambridge, 1984. – P.37-46.
- ¹⁹ Brennan, J.F. Enlightened Despotism in Russia. The Reign of Elizabeth, 1741-1762. – N.Y., 1987.
- ²⁰ Уортман, Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. Т.2. – М., 2004. – С.427.
- ²¹ Ильин, И.А. Собрание сочинений. – М., 1999. Т.9-10. – С.345.

Приложение 1 Некоторые события из истории взаимоотношений России с европейскими странами

<i>Дата</i>	<i>Событие</i>
<i>1694</i>	Первое зарубежное плавание первого торгового судна «Св. Павел» под российским государственным флагом в Голландию.
<i>1696, ноябрь</i>	Указ Петра I об обучении за границей дворянской молодежи.
<i>1697, январь</i>	Венский союзный договор между Россией, Австрией и Венецией о ведении согласованных боевых действий против Турции и Крымского ханства.
<i>1697, февраль</i>	Указ Петра I о разрешении продажи табака в России.
<i>1697, июнь</i>	Кенигсбергский договор между Россией и Бранденбургом о свободной торговле и пропуске русских людей через земли Бранденбургского курфюрства для обучения в Германии.
<i>1697, март – 1698, август</i>	«Великое посольство» – русская дипломатическая миссия в Западную Европу.
<i>1697-1698</i>	Установление дипломатических отношений между Россией и Мальтой.
<i>1698, август</i>	Указ Петра I придворным чинам, дворянству и служащим государственных учреждений о запрещении ношения бороды и традиционной русской одежды.
<i>1698, ноябрь</i>	Указ Петра I об отправке «в разные государства учиться всяким наукам».

<i>Дата</i>	<i>Событие</i>
<i>1698</i>	Приезд в Россию по приглашению Петра I голландского гравёра А.Шхонебека и организация в Москве первой гравировальной мастерской и школы для подготовки русских гравёров.
<i>1699, октябрь</i>	Указ Петра I о создании купцами компаний для торговли за границей («кумпанств»).
<i>1700, 1 января</i>	Введение в России европейского летосчисления.
<i>1700, январь</i>	Указ Петра I о введении европейского платья (кроме крестьян и духовенства).
<i>1700-1721</i>	Северная война.
<i>1702</i>	Манифест Петра I о приглашении иностранцев, «искусных» в военном деле, ремёслах, торговле, науках на русскую службу на льготных условиях.
<i>1702</i>	Приглашение в Москву труппы немецких актёров под руководством И.Кунста и сооружение для спектаклей «комедийной хоромины» на Красной площади.
<i>1703</i>	Пленный пастор Э.Глюк основал в Москве первую гимназию.
<i>1706</i>	На Спасской башне в Московском Кремле установлены новые часы-куранты, купленные Петром I в Голландии.
<i>1716, сентябрь</i>	Бегство царевича Алексея за границу.
<i>1716 - 1717</i>	Вторая поездка царя Петра I в Европу.
<i>1719, апрель</i>	Указ Петра I об изгнании из России представителей Ордена иезуитов.
<i>1724, май</i>	Проведение первого в России коронавания (жены Петра I Екатерины) по европейскому образцу.
<i>1732, январь</i>	Жалованье русским и иностранным офицерам в армии стало выплачиваться в одинаковом размере.
<i>1734, 2 (13) декабря</i>	в Петербурге подписан Договор о дружбе, взаимной торговле и навигации с Великобританией сроком на 15 лет.
<i>1741</i>	Санкт-Петербургский союзный договор между Россией и Великобританией о военной помощи друг другу.

Дата	Событие
1747-1752	Строительство Большого дворца в Петергофе по проекту архитектора Б.Растрелли.
1754-1762	Строительство Зимнего дворца в Санкт-Петербурге по проекту архитектора Б.Растрелли.
1756-1762	Участие России в Семилетней войне на стороне Австрии, Франции, Испании, Саксонии и Швеции против Пруссии, Великобритании и Португалии.
1757	Указ Елизаветы Петровны об освидетельствовании и проведении экзаменов иностранным учителям, приезжающим в Россию, в С.-Петербургской Академии наук или в Московском университете.
1757	В Санкт-Петербурге открыт театр итальянской оперы под руководством Ж.Б.Локателли.
1762, 4 декабря, 1763, 22 июля	Манифесты Екатерины II о приглашении иностранных колонистов в Россию.
1760, 28 сентября	Взятие русскими войсками Берлина.
1763	Начало переписки Екатерины II с Вольтером.
1763	Указ Екатерины II об учреждении Канцелярии опекунства иностранных колонистов для выдачи беспроцентных кредитов на обустройство иностранцев, приезжающих в Россию.
1754	Первое плавание русского корабля в Средиземное море.
1764	Издан «Общий регламент по воспитанию детей обоего пола», составленный по поручению Екатерины II, с использованием идей Ж.Ж.Руссо.
1764	Приобретения Екатериной II картин западноевропейских художников, положившие начало собиранию художественной коллекции Эрмитажа.
1765	Покупка Екатериной II библиотеки французского философа-энциклопедиста и просветителя Д. Дидро.
1766	Торговый договор с Великобританией.
1769	Первый внешний заём России (в Амстердаме).
1772	Первый раздел Польши Россией, Австрией и Пруссией.

Дата	Событие
1773	Приезд в Санкт-Петербург французского просветителя Д. Дидро.
1780, 28 февраля (10 марта)	Декларация Екатерины II правительствам Великобритании, Франции и Испании о морском вооружённом нейтралитете России в связи с англо-американской войной.
1780, 27 мая (7 июня)	Встреча Екатерины II с австрийским императором Иосифом II в Могилеве.
1782, 7 (18) августа	Открытие в Санкт-Петербурге на Сенатской площади памятника Петру I французского скульптора Э.М. Фальконе («Медный всадник»).
1786, 20 (31) декабря	Первый морской и торговый договор России и Франции.
1787, февраль-июль	Поездка Екатерины II по Днепру в Крым в сопровождении австрийского императора Иосифа II, польского короля Станислава Понятовского и иностранных послов.
1788-1790	Война со Швецией.
1792-1795	Строительство Александровского дворца в Царском Селе по проекту архитектора Дж.Кваренги.
1793	Второй раздел Польши.
1793, 8 (19) февраля	Официальный разрыв дипломатических отношений и прекращение торговых связей с Францией в ответ на казнь якобинцами французского короля Людовика XVI.
1793	Договор России с Великобританией о дружбе и финансовой помощи.
1794	Опубликована книга Н.М.Карамзина «Письма русского путешественника».
1795	Третий раздел Польши. Исчезновение Речи Посполитой.
1795	С.-Петербургский союзный договор между Россией, Великобританией и Австрией.
1796	Опубликованы новые военные уставы пехоты и кавалерии, составленные по прусскому образцу.

Дата	Событие
1797	Павел I установил бежавшему из Франции в Митаву после революции графу Прованскому, будущему королю Людовику XVIII ежегодную пенсию в 200 тыс. руб.
1798, 19 апреля – 1800, апрель	Запрещение ввоза иностранных книг в Россию.
1798, сентябрь	Император Павел I после захвата французами о. Мальта принял под покровительство России рыцарей Мальтийского ордена св. Иоанна Иерусалимского.
1798	Запрещение въезда в Россию всем выходцам из Франции.
1798-1800	Вторая антифранцузская коалиция: союз России, Великобритании и Турции.
1799, апрель-август	Итальянский поход русских войск под командованием генерал-фельдмаршала А.В.Суворова.
1799, сентябрь-октябрь	Швейцарский поход А.В.Суворова. Переход русских войск через Альпы на помощь корпусу генерала А.М.Римского-Корсакова.
1799, август	Указ Павла I о введении в символику Российского государственного герба знака Мальтийского ордена.
1799, 16 (27) сентября	Десант с эскадры Ф.Ф.Ушакова вступил в Рим.
1799, сентябрь	Поражения русско-английского экспедиционного корпуса в Голландии.
1799, 7 (18) октября	Разрыв Россией отношений с Великобританией и Австрией, выход из 2-й антифранцузской коалиции.
1801, январь	Павел I лишил графа Прованского, будущего короля Людовика XVIII пенсии и отправил из Митавы в Киль.
1801, март	Указ Александра I о свободном ввозе в Россию иностранных книг. Указ об открытии границы, свободном допуске в Россию иностранцев и выезде русских.

<i>Дата</i>	<i>Событие</i>
<i>1801, апрель</i>	Указ Александра I об изъятии из символов Российского государственного герба изображения Мальтийского креста.
<i>1801, июнь</i>	С.-Петербургская (морская) конвенция между Россией и Великобританией о восстановлении дипломатических отношений. Соглашение о торговле и отмене правил вооруженного нейтралитета.
<i>1801, сентябрь</i>	Парижский мирный договор между Россией и Францией о мире и дружбе между двумя странами, восстановлении дипломатических и торговых отношений.
<i>1803-1806</i>	Первое морское кругосветное путешествие русских исследователей под руководством И.Ф.Крузенштерна и Ю.Ф.Лисянского.
<i>1804, 20 февраля</i>	Опубликованы новые правила "О приеме и водворении иностранных колонистов".
<i>1804, апрель</i>	Подписание конвенции Россией, Австрией, Данией, Пруссией и Швецией, направленной против Франции.
<i>1805, 20 ноября</i>	Аустерлицкое сражение. Поражение соединенных армий России и Австрии в битве с Наполеоном.
<i>1806, 16 ноября</i>	Манифест Александра I об объявлении войны Франции.
<i>1807, 25 июня</i>	Заклучение Тильзитского мира с Францией, неблагоприятного для России.
<i>1808-1809</i>	Русско-шведская война.
<i>1808, 16 марта</i>	Манифест Александра I о присоединении Финляндии к России.
<i>1808-1812</i>	Участие России в континентальной блокаде Великобритании.
<i>1812, 12 июня – 25 декабря</i>	Отечественная война, поражение Наполеона.
<i>1813 - 1814</i>	Заграничные походы русской армии.
<i>1813, 20 февраля</i>	Русские войска взяли Берлин.

Дата	Событие
1813, 19 марта	Вступление союзных войск во главе с Александром I в Париж.
1814 - 1815	Венский конгресс.
1815, 30 августа (11 сентября)	Торжественный парад 150-тысячной русской армии в Париже.
1815, 14 (26) сентября	Подписание акта «Священного союза» России, Пруссии и Австрии для обеспечения незыблемости решений Венского конгресса.
1815	Передача герцогства Варшавского по решению Венского конгресса в состав России. Подписание Александром I Конституционной хартии Царству Польскому.
1815	Мастерами из немецкого Золингена и Клингенталя в уральском городе Златоуст основано производство гравированных изделий из стали.
1817 - 1819	Перестройка здания Московского университета архитектором Д.И.Жилярди.
1818	Конгресс «Священного союза» в Аахене.
1819	Начало возведения здания Главного штаба и Михайловского дворца в Санкт-Петербурге по проекту архитектора К.И.Росси.
1820, март	Запрещение деятельности католического Ордена иезуитов на всей территории Российской империи.
1820, октябрь – май 1821	Конгресс пяти союзных держав (Австрии, России, Пруссии, Франции и Англии) в Троппау.
1822, ок- тябрь - декабрь	Конгресс «Священного союза» в Вероне.
1825, 16 (28) февраля	Конвенция о разграничении владений России и Великобритании в Северной Америке.
1826	В Зимнем дворце открылась Военная галерея портретов героев Отечественной войны 1812 г., выполненная английским живописцем Д.Доу.
1829	Начало работ по созданию ансамбля Сенатской площади в Санкт-Петербурге архитектора К. Росси.

Дата	Событие
1831	Запрет на отправку для учебы за границу юношей моложе 18 лет.
1832	Создание архитектурного ансамбля Александринского театра и Публичной библиотеки (1828-1832) в Санкт-Петербурге архитектором К.Росси.
1836	Публикация в «Телескопе» «Первого Философического письма» П.Я. Чаадаева.
1844	Визит Николая I в Великобританию.
1846	Распространение в списках «Писем из Риги» Ю.Ф.Самарина с критикой немецкого влияния на государственную систему управления в России.
1847	Приезд в Санкт-Петербург французского балетмейстера Мариуса Петипа.
1849	По просьбе австрийского императора Франца Иосифа для подавления революции в Венгрии направлен русский экспедиционный корпус под командованием генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича.
1851	Участие России в первой Всемирной выставке художественно-промышленных товаров в Лондоне.
1853	Открытие «Вольной русской типографии» А.И. Герцена в Лондоне.
1853— 1856	Крымская война. Поражение России.
1857, июль	Начало издания А.И.Герценом и Н.П.Огаревым в Лондоне газеты «Колокол», органа русской вольной прессы, в прибавлениях к альманаху «Полярная звезда».
1857, сен- тябрь	Встреча Александра II и Наполеона III в Штутгарте. Начало сближения Франции и России. Заключен торговый договор России и Франции.
1867	Присоединение России к Женевской конвенции 1864 г. о больных и раненых воинах и создание Российского общества Красного Креста.
1867	Покушение на Александра II в Париже в Булонском лесу поляка А.И.Березовского.
1869	Издана книга Н.Я. Данилевского "Россия и Европа".

Дата	Событие
1872	Создание металлургического предприятия в Донбассе англичанином из Уэльса Хьюзом (заводы Юза).
1872	Выход в свет русского перевода Г.А.Лопатина первого тома «Капитала» К.Маркса.
1873, октябрь	Акт о присоединении германского императора Вильгельма I к соглашению между Россией и Австрией – оформление «Союза трех императоров» для отражения внешнего нападения.
1873	Выпуск в Цюрихе П.Л.Лавровым первого номера газеты «Вперед».
1875	В Женеве начато издание П.Н.Ткачевым газеты «Работник» и журнала «Набат» для распространения народниками в России в деревнях и на фабриках.
1883, сентябрь	Создание в Женеве первой марксистской группы «Освобождение труда» во главе с Г.В. Плехановым.
1887, весна	Соглашение о благоприятствовании российским займам во Франции.
1888	Российским правительством размещен во Франции первый облигационный заём. Первый крупный заказ во Франции на поставку вооружений России (500 тыс. ружей).
1889	Организация Русских концертов на Всемирной выставке художественно-промышленных товаров в Париже.
1891	Таможенная война между Россией и Германией (1891-1894) из-за политики повышения Россией таможенных пошлин на промышленные товары и повышения Германией пошлин на русские экспортные товары.
1891, июль	Визит французской эскадры в Кронштадт
1891	Русско-французский секретный консультативный пакт, оформленный в виде обмена писем между министрами иностранных дел России и Франции, положивший начало военно-политическому союзу двух стран.

<i>Дата</i>	<i>Событие</i>
<i>1891</i>	Экономический кризис в России, связанный с мировым кризисом 1891-1892 г.
<i>1893, декабрь</i>	Ратификация русско-французской военной конвенции. Оформление русско-французского союза.
<i>1896, май</i>	Состоялся первый киносеанс в России в саду «Аквариум» в Санкт-Петербурге. Просмотр фильмов братьев Л.и О.Люмьер (Франция).
<i>1896, сентябрь</i>	Официальный визит императора Николая II во Францию для укрепления русско-французского союза.
<i>1898, август</i>	Меморандум императора Николая II к правительствам Европы с предложением созвать международную конференцию «для обсуждения наиболее эффективных методов обеспечения сохранения всеобщего мира и установления определенных пределов в отношении постоянного роста вооружений».
<i>1899, май</i>	Первая Гагская мирная конференция 26 государств по проблемам разоружения и сохранения мира, созванная по инициативе России.
<i>1898-1899</i>	Подписание соглашений между Японией и Россией, Англией и Германией, Россией и Англией о разделе сфер интересов в Китае.
<i>1900, декабрь</i>	В Лейпциге вышел первый номер нелегальной газеты «Искра».
<i>1900</i>	Экономический кризис в России, связанный с мировым экономическим кризисом (1900-1903).
<i>1901, сентябрь</i>	Визит во Францию российского императора Николая II. Прибытие российской эскадры в Дюнкерк.
<i>1901</i>	В Берлине создана партия социалистов - революционеров (эсеров).
<i>1902</i>	В Штутгарте издана работа В.И.Ленина «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения».
<i>1902</i>	В Штутгарте вышел первый номер еженедельного журнала «Освобождение» (1902-1905) под редакцией П.Б.Струве.
<i>1903</i>	Создание в Шаффхаузене (Германия) «Союза освобождения» из лиц, группировавшихся вокруг журнала «Освобождение».

<i>Дата</i>	<i>Событие</i>
<i>1904, май</i>	Россия получила 300-миллионный заём во Франции.
<i>1904, декабрь</i>	Присуждение Нобелевской премии в области медицины физиологу И.П.Павлову за труды по нейрофизиологии.
<i>1904, декабрь</i>	В Женеве начала выходить под редакцией В.И.Ленина первая большевистская газета «Вперед».
<i>1904-1905</i>	Русско-японская война, поражение России.
<i>1905, апрель</i>	Открылся III съезд РСДРП(б) в Лондоне, взявший курс на вооруженное восстание в России.
<i>1905, май</i>	В Женеве вышел первый номер большевистской еженедельной газеты «Пролетарий» под редакцией В.И.Ленина.
<i>1906, апрель</i>	Предоставление международного займа России для восстановления финансовой системы, нарушенной русско-японской войной и революцией, в размере 2,25 млрд. Половину этой суммы предоставляла Франция.
<i>1907, апрель</i>	V съезд РСДРП в Лондоне.
<i>1907, июнь</i>	2-ая Гаагская мирная конференция 44 стран, в т.ч. России, на которой была подписана Конвенция о принципах и нормах международного права, относящегося к войне.
<i>1907, 18 августа</i>	Конвенция России и Англии по делам Персии, Афганистана и Тибета.
<i>1907</i>	Основание масонских лож «Полярная звезда» в Санкт-Петербурге и «Возрождение» в Москве академиком М.М.Ковалевским по поручению французского масонского объединения «Великий Восток Франции».
<i>1907</i>	Организация «Исторических русских концертов» симфонической музыки в Париже С.П. Дягилевым.
<i>1908, май</i>	Начало «Русских сезонов» в Париже, организованных С.П.Дягилевым. Премьера оперы «Борис Годунов» в Гранд Опера.

<i>Дата</i>	<i>События</i>
<i>1908, май</i>	Встреча Николая II с английским королем Эдуардом VII в Ревеле и обсуждение вопросов сближения между странами в условиях роста вооружений в Германии.
<i>1908, декабрь</i>	Основание Русско-Английской торговой палаты.
<i>1908</i>	Присуждение Нобелевской премии в области физиологии и медицины И.И.Мечникову за труды по иммунологии и разработку фагоцитарной теории иммунитета (совместно с немецким врачом и бактериологом П.фон Эрлихом).
<i>1908</i>	Организация С.П.Дягилевым оперных и балетных «Русских сезонов» (1908-1913) в Париже, Лондоне, Риме и других столицах Западной Европы.
<i>1912, август</i>	В Вене открылась конференция российских социал-демократических групп.
<i>1914</i>	Заём у Франции по 500 млн франков в течение 5 лет на обустройство стратегических железных дорог на западе страны. Общая сумма займов достигла 8-9 млрд руб., половина из них была сделана во Франции.
<i>1914, 19 июля</i>	Объявление Германией войны России. Начало Первой мировой войны. Россия вступила в войну на стороне Антанты.
<i>1915</i>	Выход в Женеве журнала «Коммунист», основанного В.И.Лениным.
<i>1914-1918</i>	Первая мировая война.

Приложение 2*
Европейцы в России
Краткий список выдающихся персоналий

1. **Аделунг Фёдор (Фридрих) Павлович** (1768-1843), немец. Историк, библиограф, статистик, археолог, лингвист, музеевед. В России с 1794 г. Директор Немецкого театра и Института восточных языков, наставник великих князей Николая и Михаила Павловичей, один из создателей Румянцевского музея.
2. **Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса**, принцесса Гессен-Дармштадтская (в крещении Александра Фёдоровна) (1872-1918), немка. С 1894 г. супруга императора Николая II, российская императрица.
3. **Альбрехт Герман Александрович** (1878-1933), немец. Ортопед, основоположник теории протезирования.
4. **Арнольд Феодор Карлович** (1819-1902), немец. Выдающийся лесовод, с 1876 до 1883 г. - директор Петровско-Разумовской сельскохозяйственной и лесной академии. Его книга "Русский лес" (СПб., 1890-99) - обширный труд, содержащий в себе обстоятельное описание лесного хозяйства в России.
5. **Арнштейн Карл Августович** (1840-1919), немец. Гистолог, основатель отечественной нейрогистологии.
6. **Барклай де Толли Михаил Богданович** (1757-1818), выходец из древнего шотландского рода. Полководец, генерал-фельдмаршал, князь. Военный министр (1810-1812).
7. **Бартельс Иоганн Мартин Христиан** (1769-1836), немец. Математик, член-корреспондент петербургской Академии наук, статский советник, один из основателей казанской математической школы.
8. **Бауман Владимир Иванович** (1867-1923), немец. Ученый-маркшейдер, положил начало широкому применению в

* Составлено на основе: Немцы в России: Энциклопедия. Т.1. – М., 1999. Т.2. – М., 2004; Лидин, М., Полина, Т. Самые знаменитые иностранцы в России. – М., 2000; Шишов, А.В. Знаменитые иностранцы на службе России. – М., 2001.

России магнитометрического способа разведки полезных ископаемых.

9. **Беллинсгаузен Фаддей Фаддеевич** (1778-1852), из древнего лифляндского баронского рода. Мореплыватель, исследователь, адмирал, барон.
10. **Бем Матвей Карлович** (1727-1806), немец. В 1773-1779 – командир Камчатки, внес значительный вклад в освоение края.
11. **Беринг Витус** (в России Иван Иванович) (1681-1741), выходец из Дании. Капитан-командор, мореплыватель, первооткрыватель, ученый. На русской службе с 1704 г.
12. **Бетанкур Августин** (1758-1824), испанец. В России с 1808 г. Инженер, строитель и изобретатель. Начальник Тульского оружейного завода, организатор и руководитель Института путей сообщения. Автор проектов реконструкции Вышневолоцкой, Тихвинской, Мариинской водных систем.
13. **Бирон Эрнст Иоганн** (1690-1772), немец. Государственный деятель. В России – с 1730 г. Регент с самодержавными полномочиями при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче.
14. **Блюер Иоганн Фридрих** (1674(66)-после 1728), немец. Один из организаторов горного дела на Урале.
15. **Блюментрост Лаврентий Лаврентьевич** (1692-1755), немец. Первый президент петербургской Академии наук.
16. **Бренна Винченцо (Викентий Францевич)** (1745-1820), родился во Флоренции. Художник-декоратор и архитектор. В 1783-1802 гг. жил в России. С 1796 г. Первый архитектор двора. Проектировал и руководил строительством в Гатчине, Павловске, Царском Селе, Петербурге. Вершина его творчества – ансамбль Михайловского замка (1797-1800) и Румянцевский обелиск (1798-1799).
17. **Брок Петр Федорович** (1805-1875), немец. Министр финансов Российской империи в 1853-1858 гг.
18. **Броссе Марий Иванович** (1802-1880), француз. Археолог, историк. В России с 1836 г. Библиотекарь Императорской публичной библиотеки, академик петербургской Академии наук.

19. **Броссе Петр Федорович** (1793-1857), немец. Основатель и первый директор Глазной больницы в Москве (ныне Московская офтальмологическая клиническая больница).
20. **Брюллов Александр Павлович** (1798-1877), из немецкого рода. Архитектор, акварелист, представитель позднего классицизма. Построил в Петербурге Михайловский театр (1831-1833), здание Штаба гвардейского корпуса (1837-1843), Пулковскую обсерваторию (1834-1839). Автор архитектурного решения моста Лейтенанта Шмидта.
21. **Брюллов Карл Павлович** (1799-1852), из немецкого рода. Живописец, рисовальщик.
22. **Брюс Яков Вилимович** (1669-1735), шотландец. Ближайший сподвижник Петра Великого, государственный и военный деятель, ученый Петровской эпохи. Составитель карты российских земель от Москвы до Малой Азии (1696). Президент Берг- и Мануфактур-коллегий. Генерал-фельдмаршал.
23. **Бунге Николай Христианович** (1823-1895), немец. Ученый-экономист, академик петербургской Академии наук, министр финансов Российской империи в 1882-1886 гг.
24. **Буш Иван Федорович** (1771-1843), немец. Хирург, основатель российской хирургической школы, автор первого в России учебника по хирургии.
25. **Бюльфингер Георг Бернхард** (1693-1750), немец. В России жил и работал в 1725-1731 гг. Философ, физик, историк. Один из основателей и первых членов петербургской Академии наук, организатор Физического кабинета, автор инструкции для обучения русского монарха.
26. **Валлен де Ла Мот Жан Батист Мишель** (1729-1800), француз. Архитектор, представитель классицизма. В 1759-1775 гг. работал в Петербурге. По его проектам построены Гостиный двор, церковь Св. Екатерины на Невском проспекте, Малый Эрмитаж, здание Академии художеств (с А.Ф.Кокориновым).
27. **Ваплер Иоганн Христиан** (конец XVII в. - 2-я четверть XVIII в.), немец. Организатор жестяного производства в России.

28. **Виллие Яков Васильевич** (1768-1854), шотландец. Врач, организатор медицины. В России с 1790 г. Лейб-хирург императоров Павла I и Александра I. Главный военно-медицинский инспектор, президент петербургской Медико-хирургической академии, основатель «Военно-медицинского журнала».
29. **Виниус Андрей Андреевич** (1641-1717), голландец. Дипломат, возглавлял ряд приказов, строил металлургические заводы на Урале, переводил военные и технические сочинения.
30. **Гааз Федор Петрович** (1780-1853), немец. В России с 1806 г. Главный врач московских тюремных больниц.
31. **Геннин Де Вильгельм Георг** (1676-1750), немец. Организатор горного и металлургического производств на Урале. На русской службе – с 1697 г. В 1713-1722 гг. – комендант Олонецкого уезда, руководил заводами края. Организовал первую горную школу в России. Открыл Марциальные воды. В 1722-1734 гг. – управлял заводами Урала. Автор «Описания Уральских и Сибирских заводов».
32. **Гмелин Иоганн Георг** (1709-1755), немец. Натуралист, путешественник. Жил в России в 1727-1747 гг. Автор четырехтомной «Флоры Сибири». Академик петербургской Академии наук.
33. **Гольдбах Христиан** (1690-1764), немец. Математик, путешественник. Академик петербургской Академии наук.
34. **Гордон Патрик** (1635-1699), шотландец. Военачальник, инженер и военный администратор, сподвижник Петра I. На русской службе – с 1661 г.
35. **Грейг Самуил Карлович** (1735-1788), англичанин. На русской службе с 1764 г. Адмирал (1782 г.). Главный командир Кронштадтского порта.
36. **Гумбольдт Александр** (1769-1859), немец. Естествоиспытатель, географ и путешественник. В 1829 г. по приглашению царского правительства прибыл в Россию. Итогом его путешествий по России стал трехтомный труд «Центральная Азия».

37. *Дантес Жорж-Карл* (1812-1895), француз. В России с 1833 г. Убийца А.С.Пушкина.
38. *Дидло Шарль-Луи* (1767-1837), француз. Жил в России в 1801-1811 и в 1816-1837 гг. танцовщик, хореограф, один из создателей национальной школы классического балета. С 1816 по 1833 г. возглавлял петербургский балетный театр.
39. *Доу Джордж* (1781-1829), англичанин. Портретный и исторический живописец. Работал в России в 1819-1828 гг.
40. *Дриго Ричард Евгеньевич* (1846-1930), итальянец. В 1879-1920 гг. жил в России. С 1896 г. – главный дирижер балета Мариинского театра.
41. *Елизавета-Екатерина-Христина*, принцесса Брауншвейг-Люнебургская (в крещении Анна Леопольдовна) (1718-1746), дочь Екатерины Иоанновны и герцога Мекленбург-Шверинского, внучка Иоанна V. В России с 1722 г. Правительница России (1740-1741 гг.) при малолетнем сыне – Иоанне Антоновиче, объявленном императором России.
42. *Жильярди Доменико* (1788-1845), итальянец. Жил в России в 1796-1802 и 1810-1832 гг. Один из ведущих архитекторов Москвы первой трети XIX в.
43. *Жомини Антон-Генрих* (1779-1869), француз. Теоретик военного искусства, военный советник Александра I, историк, писатель. На русской службе с 1813 г.
44. *Жорж (Жозефина Веймер)*, (1787-1867), француженка. Актриса.
45. *Зедергольм Карл Густав Адольф* (1830-1878), немец. Духовный писатель, публицист, переводчик.
46. *Ипсиланти Александр* (1792-1828), грек. Политический и военный деятель. Адъютант Александра I.
47. *Камерон Чарльз* (1730-е гг.-1812), шотландец. Архитектор. С 1779 г. – в Санкт-Петербурге. Главный архитектор Адмиралтейств-коллегии. Автор дворца и павильонов в Павловске. Среди его творений: комплекс «Висячего сада», «Агатовых комнат», «Холодных бань», «Камероновой галереи» в Царском селе.
48. *Канкрин Егор Францевич* (1774-1845), немец. Министр финансов Российской империи (1823-1844).

49. **Каподистрия Иоаннис** (1776-1831), грек. Государственный деятель и дипломат. В 1809-1822 гг. состоял на русской службе.
50. **Кваренги Джакомо** (1744-1817), итальянец. Архитектор. В России работал с 1780 г. Среди его работ: Здание Академии наук, Александровский дворец в Царском селе, Эрмитажный театр, Смольный институт в Петербурге.
51. **Кирхгоф Константин Готлиб Сигизмунд** (1764-1833), немец. Химик, открыл превращение крахмала в сахар под воздействием разбавленных кислот и фермента амилазы, положившее начало химии каталитических реакций. В России с начала 1800-х гг. Академик петербургской Академии наук.
52. **Клаузевиц, фон Карл** (1780-1831), немец. Знаменитый военный теоретик и историк, генерал-майор. В 1812-1814 гг. состоял на русской службе.
53. **Клингер Фридрих Максимилиан** (1752-1831), немец. Писатель. Жил в России с 1780 г. Гофмейстер цесаревича Павла Петровича, директор Кадетского (1801) и Пажеского корпусов (1802).
54. **Колло Мари-Анн** (1748-1821), француженка. Художник и скульптор. В России работала в 1766-1778 гг. Ее самый известный труд – голова Петра Великого в «Медном всаднике» работы ее учителя Э.М.Фальконе.
55. **Коутс Алберт** (1882-1953), англичанин. Дирижер. В 1911-1919 гг. жил в России и был дирижером Мариинского театра в Петербурге.
56. **Коцебу фон, Август Фридрих Фердинанд** (1761-1819), немец. Адвокат, прозаик, драматург. Впервые прибыл в Россию в 1781 г., руководил немецким театром в Петербурге.
57. **Лагарп де, Фредерик Сезар** (1754-1838), швейцарец. Адвокат, государственный и общественный деятель, педагог, публицист. Прибыл в Петербург в 1784 г. Воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей.
58. **Лаксман Эрик (Кирилл) Густавович** (1737-1796), финн. Химик, естествоиспытатель, инженер, путешественник. В

- России с 1762 г. Предложил новую технологию стеклоизделия, способы получения селитры, поваренной соли и др.
59. **Лангсдорф Георг Генрих** (1774-1852), немец. Естествоиспытатель, этнограф и дипломат. В России с начала 1800-х гг. Участник кругосветной экспедиции И.Ф.Крузенштерна (1803-1806), академик петербургской Академии наук.
 60. **Ланжерон Александр Федорович** (1763-1831), француз. Военный и государственный деятель. Поступил на русскую службу в 1790 г. Генерал-губернатор Новороссии.
 61. **Ласси Петр Петрович** (1678-1751), ирландец. Полководец, военный организатор и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Вступил на русскую службу в 1700 г. и состоял в ней полвека.
 62. **Леблон Жан-Батист-Александр** (1679-1719), француз. Архитектор. В России с 1716 г. Участвовал в планировке и строительстве Петербурга, Петергофа, Стрельны. Вместе с Трезини разрабатывал «образцовые» (т.е. типовые) проекты жилищ для Петербурга. Добивался распространения на Петербург порядка европейских столиц в плане освещения и замощения улиц, поддержания на улицах чистоты, полицейского надзора в отношении пожаров, грабежей, бродяг.
 63. **Ледебур Карл Фридрих** (1785-1851), немец. Ботаник и путешественник. В России с 1811 г. Автор трактата «Флора России» (в 4 т.)
 64. **Лесгафт Петр Францевич** (1837-1909), из немецкого рода. Педагог, врач, анатом. Основоположник научной системы физического воспитания и врачебно-педагогического контроля в физической культуре России.
 65. **Лефорт Франц Яковлевич** (1656-1699), швейцарец. В России с 1675 г. Сподвижник Петра I, государственный деятель.
 66. **Ловиц Иоганн Тобиас** (1757-1804), немец. Химик и фармацевт. В России с 1768 г. Открыл и изучил адсорбцию растворенных веществ древесным углем (1785), впервые получил ледяную уксусную кислоту (1789) и многие другие соединения. Академик петербургской Академии наук.

67. **Мария-София-Фредерика-Дагмара**, принцесса Датская (в крещении Мария Федоровна), (1847-1928), датчанка. Супруга Александра III, российская императрица с 1881 г.
68. **Маттарнови Георг Иоганн** (?-1719), немецкий архитектор, работавший в Петербурге с 1714 г. Им были построены второй Зимний дворец и галерея на берегу Невы в Летнем саду.
69. **Менелас Адам Адамович** (1753-1831), англичанин. Архитектор. С 1784 г. работал в России. Создатель парков и парковых сооружений, таких как «Александрия» в Петергофе (1826-1829), «Арсенал», «Белая башня», «Коттедж» в Александровском парке в Царском селе (1830-е гг.)
70. **Мессершмидт Даниил Готлиб** (1685-1735), немец. Географ, этнограф, путешественник. Прибыл в Россию в конце 1710-х гг. В 1720-1727 гг. по заданию Петра I исследовал территорию Сибири.
71. **Миллер Герард Фридрих** (1705-1783), немец. Историк, археограф. В России с 1725 г. В 1733-1743 гг. принимал участие в экспедиции по Сибири. Автор «Истории Сибири».
72. **Миних Бурхард Христофор** (1683-1767), датчанин. На русской службе – с 1721 г. Видный военный и государственный деятель России, каналостроитель, генерал-фельдмаршал. Президент Военной коллегии.
73. **Монферран Огюст** (1786-1858), француз. Жил в России с 1816 г. Архитектор и строитель Исаакиевского собора и Александровской колонны в Санкт-Петербурге.
74. **Нобели, династия**. Шведы, изобретатели и промышленники. Иммануэль Нобель (1801-1872), Альфред Нобель (1833-1896), Людвиг Нобель (1831-1888), Эммануил Нобель (1859-1932).
75. **Остерман Генрих Иоганн** (1686-1747), немец. В России с 1704 г. Видный государственный деятель, дипломат, член Верховного тайного совета.
76. **Паллас Петр Симон** (1741-1811), немец. Естествоиспытатель и путешественник. В России с 1767 г. Руководил экспедицией Академии наук (1768-1774), автор трехтомного

- труда «Путешествие по различным провинциям Российского государства».
77. *Перро Жюль-Жозеф* (1810-1892), француз. Танцовщик и балетмейстер, один из создателей «романтического направления» в балетном искусстве. В 1848-1859 гг. работал в России.
 78. *Петипа Мариус Иванович* (1822-1910), француз. В России с 1847 г. Главный балетмейстер Петербургских императорских театров.
 79. *Растрелли Бартоломео Франческо* (1700-1771), итальянец. В России с 1716 г. Обер-архитектор двора. Архитектор и строитель Зимнего дворца в Петербурге.
 80. *Рибас де, Хосе (Осип Михайлович)* (1749-1800), испанец. В России с 1772 г. Адмирал русского флота, руководитель строительства порта и города Одесса.
 81. *Ринальди Антонио* (ок. 1710-1794), итальянец. Архитектор. С 1751 г. работал в России. Придворный архитектор (1756-1790). Среди его творений: павильон «Катальная горка» и «Китайский дворец» в Ораниенбауме, Мраморный дворец в Петербурге, дворец в Гатчине.
 82. *Ришелье дю Плесси, Арман Эмманюэль* (1766-1822), француз. Военный и государственный деятель. В 1795-1814 гг. жил в России. Занимал пост градоначальника Одессы и генерал-губернатора Новороссийского края.
 83. *Росси Карл Иванович* (1775-1849), итальянец. Архитектор кабинета его величества. Автор проектов дворцово-паркового комплекса на Елагине острове, Михайловского дворца, Михайловской площади, ансамбля Главного штаба, ансамбля Театральной улицы в Санкт-Петербурге, здания Сената и Синода.
 84. *София-Августа-Фредерика*, принцесса Ангальт-Цербтская (Екатерина II (Великая) (1729-1796), немка. В России с 1744 г. Российская императрица с 1762 г.
 85. *София-Доротея-Августа-Луиза*, принцесса Вюртембергская (в крещении Мария Федоровна), (1759-1828), немка. Супруга великого князя Павла Петровича, с 1796 г. российская императрица.

86. *Стеллер Георг Вильгельм* (1709-1746), немец. Натуралист и путешественник. В России с середины 1730-х гг. Участник Второй Камчатской экспедиции.
87. *Тальони Мария* (1804-1884), итальянская танцовщица. В 1837-1842 гг. гастролировала в Петербурге.
88. *Тома де Томон Жан* (1760-1813), француз. Архитектор. С 1799 г. работал в России. Среди его творений: Биржа и ро-стральные колонны в Петербурге, «Мавзолей» в Павловске.
89. *Трезини Доменико* (ок. 1670 – 1734), швейцарец. Архитектор. С 1703 г. работал в России. Создал: Летний дворец Петра Великого, собор Петропавловской крепости, здание Двенадцати коллегий.
90. *Фальконе Этьен Морис* (1716-1791), француз. Жил в Рос-сии в 1766-1778 гг. Скульптор, автор «Медного всадника».
91. *Фермор Виллим Виллимович* (1702-1771), англичанин. Военачальник. На русской службе с 1720 г. В 1757-1759 гг. – главнокомандующий русской армией.
92. *Франк Иоганн Петер* (1745-1821), немец. Врач-клиницист, гигиенист, реформатор медицинского образования. В 1804-1808 гг. работал в России, где положил начало обществен-ной гигиене как самостоятельной научной дисциплине.
93. *Чарторижский Адам Ежи* (1770-1861). Поляк. В России с 1795 г. Министр иностранных дел России (1803-1807).
94. *Шедель Готфрид Иоганн* (1680-е – 1752 гг.), немец. Архи-тектор. С 1713 г. работал в России. Среди его творений: дворец А.Д.Меншикова в Петербурге, колокольня Киево-Печёрской лавры.
95. *Шлёцер Август Людвиг* (1735-1809), немец. Историк, фи-лолог. В 1761-1767 гг. состоял на русской службе. благода-ря ему русская наука обогатилась ценными трудами по ис-точниковедению и истории русского летописания.
96. *Шмидт Яков Иванович* (1779-1847), немец. Востоковед, один из основоположников монголоведения. Академик пе-тербургской Академии наук.
97. *Шуберт Федор Иванович* (1758-1825), немец. Астроном и геодезист. В России с 1783 г. Создал множество трудов по теоретической и практической астрономической геодезии,

- разрабатывал методы определения широт и долгот, написал первый российский курс теоретической астрономии (1798).
98. *Эверс Иоганн Филипп Густав* (1781-1830), немец. Историк. Жил в России с 1803 г. Автор ценных трудов по истории древнерусского государства и права. Ректор Дерптского университета (с 1818 г.).
99. *Эйлер Леонард* (1707-1783), швейцарец. Крупнейший ученый, математик, механик, физик, астроном. С 1727 г. работал в России, с 1766 г. – академик петербургской Академии наук.
100. *Эрисман Гильдрейх Фридрих* (1842-1915), швейцарец. Врач-гигиенист. В 1869-1896 гг. работал в России, считается основоположником научной гигиены в нашей стране. В 1891 г. открыл первую санитарно-гигиеническую станцию в Москве. Его именем назван Московский НИИ гигиены.
101. *Якоби Мориц Герман* (1801-1874), немец. Физик и электротехник. С 1835 г. жил и работал в России. Создал гальванопластику (1838), несколько типов телеграфных аппаратов (1840-1850-е гг.), а также труды по военной электротехнике, измерениям, метрологии и др. Академик петербургской Академии наук.

Приложение 3*
Западноевропейский «культурный пласт»
в русском языке

Книгопечатание, книги, литература

Абзац (нем. ¹ - Absatz)	Фельетон (фр. - feuilletton)
Брошюра (нем. - Broschüre)	Формат (нем. - Format)
Газета (ит. - gazetta)	Шрифт (нем. - Schrift)
Клише (фр. - cliché)	Эпиграф (фр. - épigraphe)
Сюжет (фр. - sujet)	Эпилог (фр. - épilogue)
Роман (фр. - roman)	Эпитафия (фр. - épitaphe)
Тираж (фр. - tirage)	Эпитет (нем. - Epitheton)
Тире (фр. - tiret)	Эпопея (фр. - épopée)
Том (фр. - tome)	

Кулинария

Аппетит (нем. - Appetit)	Крюшон (фр. - cruchon)
Антрекот (фр. - entrecôte)	Крекер (англ. - cracker)
Бисквит (фр. - biscuit)	Ликер (фр. - liqueur)
Бифштекс (англ. - beefsteak)	Лимонад (фр. - limonade)
Бланманже (фр. - blancmanger)	Мариновать (фр. - mariner)
Бульон (фр. - bouillon)	Мармелад (фр. - marmelade)
Бутерброд (нем. - Butterbrod)	Паштет (нем. - Pastete)
Буфет (нем. - Büfett)	Пломбир (фр. - Plombières)
Вафля (нем. - Waffel)	Пудинг (англ. - pudding)
Вермишель (ит. - vermicelli)	Пунш (нем. - Punsch)
Винегрет (фр. - vinaigretto)	Рафинад (фр. - raffinade)

* Составлено на основании тематической выборки из: Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. – СПб., 1996; Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х томах. 5-е изд. – М., 2002; Словарь иностранных слов. – М., 1964.

¹ Под обозначением «нем.», «фр.» и пр. указан наиболее вероятный путь проникновения слова в русскую лексику. Очевидно, что многие слова западноевропейских языков восходят к греческому, латыни и другим языкам. Например: «архив» из нем. Archiv, которое произошло через лат. Archivum из греч. слова, обозначающего «присутственное место», «власть». В данном случае нас интересует страна непосредственного заимствования, откуда в практику русской жизни проникали явления и обозначающие их понятия.

Гастроном (фр. - gastronome)	Ресторан (фр. - restaurant)
Галеты (фр. - galette)	Ростбиф (англ. - roastbeef)
Десерт (нем., фр. - dessert)	Салат (фр. - salade)
Желатин (фр. - gélatine)	Соус (фр. - sauce)
Желе (фр. - gelée)	Суп (фр. - soupe)
Карамель (фр. - caramel)	Томат (фр. - tomate)
Карбонад (фр. - carbonnade)	Устрица (голл. - oester)
Картофель (нем. - Kartoffel)	Фарш (нем. - Farce)
Кокос (нем. - Kokos)	Фрикадель (нем. - Frikadelle)
Компот (нем. - Kompott)	Фрукт (польск. - frukt)
Консервы (фр. - conserve)	Цукат (нем. - Zukkade)
Конфеты (нем. - Konfekt)	Шарлотка (фр. - charlotte)
Котлеты (фр. - côtelette)	Шницель (нем. - Schnitzel)
Крем (фр. - crème)	Шоколад (нем. - Schokolade)
<i>Одежда, головные уборы, обувь, ткани, украшения</i>	
Бант (нем. – Band, лента, тесьма)	Лорнет (фр. - lorgnette)
Батист (фр. - batiste)	Манжета (фр. – manchette, рукавчик)
Берет (фр. - béret)	Мода (нем. - Mode)
Бордюр (нем. – Bordüre, кайма)	Муар (фр. – moiré, вид ткани)
Ботинки (фр. - bottine)	Мундир (фр. - monture)
Брошь (нем. - Brosche)	Мушка (фр. - mouche)
Брюки (голл. - broek)	Пальто (фр. - paletot)
Галифе (фр. - Gallifet)	Панталоны (фр. - pantalons)
Галоша (нем. - Galosche)	Парик (фр. - perruque)
Галстук (голл. - halsdoek)	Пенсне (фр. - pincenez)
Гамаша (нем. - Gamasche)	Пиджак (англ. – pea-jacket)
Гардероб (фр. - garderobe)	Пижама (нем. - Pyjama)
Гарнитур (нем. – Garnitur, украшение, убор)	Позумент (нем. - Posament)
Гетры (фр. - guêtre)	Пудра (фр. - poudre)
Гульфик (голл. - gulp)	Рюш (нем. – Rüsche, оборка, рюш)
Декольте (фр. - décolleté)	Салоп (фр. - salope)
Джемпер (англ. - jumper)	Саржа (фр. - sarge)
Жакет (нем. - Jackett)	Сатин (фр. – satin, атлас)
Кальсоны (фр.- caleçon)	Сюртук (фр. – surtout)
Камзол (нем. - Kamisol)	Тик (нидерл. - tijk)

Кант (нем. – Kante, край, срез)	Трико (фр. - tricot)
Капар (голл. – kapen, шапка)	Тужурка (фр. - tousjour)
Капюшон (фр. - capuchon)	Туфля (нем. - tuffel)
Капот (фр. - capote)	Фасон (фр. - façon)
Картуз (нем. - kartüse)	Фетр (фр. - feutre)
Кашне (фр. – cache-nez, прятать нос)	Фланель (нем. - Flanell)
Клапан (нем. – Klappen)	Фуражка (фр. – fourrage, головной убор, надеваемый при заготовке фуража)
Клеш (фр. – cloche, колокол)	Шапокляк (фр. – chapeau-claque)
Коленкор (фр. - calencar)	Шарф (нем. - Schärpe)
Колье (фр. - collier)	Шлевка (нем. – Schlaufe, шлевка)
Корсаж (фр. - corsage)	Шлафрок (нем. - Schlafrock)
Корсет (нем. - Korsett)	Шлейф (нем. - Schleif)
Косметика (фр. - cosmétique)	Шлица (нем. – Schlitz, разрез, шлица)
Костюм (фр. - costume)	Штилеты (нем. - Stiefelette)
Кринолин (фр. - crinoline)	Штопать (нидерл. - stoppen)
Лацкан (нем. - Lätzchen)	Штрипка (нем. - strippe)
Локон (нем. - Locke)	

Предметы быта

Абазур (фр. - abatjour)	Пенал (нем. - Pennal)
Бра (фр. - bras)	Портфель (фр. - portefeuille)
Блокнот (англ. - blocknote)	Пресс-папье (фр. – presse-papier)
Бутылка (фр. - bouteille)	Пробка (нем. - propke)
Ваза (нем. - Vase)	Прожектор (англ. - projector)
Кастрюля (нем. - Kastrol)	Ранец (нем. - Ranzen)
Кашпо (фр. – cache-pot, прятать горшок)	Саквояж (фр. – sac de voyage)
Конфорка (голл. – komfoor, жаровня)	Салфетка (нем. - Salvette)
Койка (голл. - kooi)	Табурет (нем. - Taburett)
Комод (фр. - commode)	Трельяж (фр. - treillage)
Конверт (нем. - Kuvert)	Трюмо (фр. - trumeau)
Кушетка (фр. - couchette)	Швабра (нидерл. - zwabber)
Лампа (нем. - Lampe)	Ширма (нем. - Schirm)
Люстра (нем. - Lüster)	Шкалик (голл. - schaal)
	Шкап (нем. - schar)
	Штопор (голл. - stopper)

Мебель (нем. - Möbel)
Мундштук (нем. - Mundstück)

Этажерка (фр.- étagère)

Театр, музыка, балет, танцевальная культура

Абонемент (фр. - abonnement)	Диапазон (фр. - diapason)
Антраша (фр. – entrechat, прыжок в воздухе)	Дискант (нем. - Diskant)
Аплодировать (нем. - applaudieren)	Дуэт (из нем. или итал. - Duett)
Арфа (нем. - Harfe)	Каданс (фр. - cadence)
Афиша (фр. - affiche)	Кадриль (фр. – quadrille, танец с четным количеством танцующих пар)
Балет (фр. - ballet)	Контрданс (фр. - contredance)
Бекар (фр. - bécarre)	Куплет (фр. - couplet)
Бенефис (фр. – bénéfice)	Монолог (нем. - Monolog)
Актер (фр. - acteur)	Опера (ит. - opera)
Валторна (нем. - Waldhorn)	Оркестр (нем. - Orchester)
Вальс (фр. - valse)	Партер (фр. - parterre)
Виолончель (итал. - violoncello)	Пьеса (нем. - Piece)
Водевиль (фр. - vaudeville)	Репертуар (фр. - répertoire)
Гавот (фр. - gavotte)	Роль (фр. - rôle)
Гастроль (нем. - Gastrolle)	Романс (фр. - romance)
Гитара (польск. - gitara)	Фарс (фр. - farce)
Гобой (нем. - Hoboe)	Эпизод (фр.- épisode)
Джаз (англ. - jazz)	

Архитектура, живопись, интерьер, градостроительство

Абрис (нем. - Abriss)	Медаль (фр. - médaille)
Акварель (нем. – Aquarell)	Мезонин (фр. - mezzanine)
Антресоль (фр. – entresol, верхний полуэтаж)	Мольберт (нем. - Malbrett)
Аркада (фр. - arcade)	Натюрморт (фр. – nature morte)
Архитектура (польск. - architektura)	Орнамент (польск. - Ornament)
Балкон (нем. - Balkon)	Палисад (фр. - palissade)
Балюстрада (нем. - Balustrade)	Парапет (фр. - parapet)
Барак (фр. - baraque)	Парк (нем. - Park)
Барельеф (фр. - basrelief)	Паркет (нем. - Parkett)
	Пастель (фр. – pastel)
	Перспектива (фр. - perspective)

Барокко (ит. причудливый, странный)	Плафон (фр. - plafond)
Бассейн (фр. - bassin)	Портал (фр. - portal)
Бельведер (фр. - belvédère)	Портрет (нем. - Porträt)
Бельэтаж (фр. - bel-étage)	Портьера (фр. - portière)
Бульвар (фр. - boulevard)	Пьедестал (нем. - Piedestal)
Газон (фр. - gazon)	Рабатка (нем. - Rabatte)
Галерея (нем., фр. - Galerie)	Салон (фр. - salon)
Гардина (нем. - Gardine)	Сквер (англ. - square)
Гобелен (нем., фр. - Gobelin)	Терраса (фр. - terrasse)
Гравюра (фр. - gravure)	Тракт (польск. - trakt)
Грифель (нем. - Griffel)	Тротуар (фр. - trottoir)
Грот (фр. - Grotte, пещера в скале)	Тушь (фр. - touche)
Зал (нем. - Saal)	Тюль (фр. - tulle)
Интерьер (фр. - intérieur)	Фасад (фр. - façade)
Камин (нем. - Kamin)	Флигель (нем. - Flügel)
Канал (нем. - Kanal)	Фойе (фр. - foyer)
Капитель (нем. - Kapitell)	Фон (нем. - Fond)
Карикатура (нем. - Karikatur)	Фронтон (фр. - fronton)
Карниз (нем. - Karnies)	Шедевр (фр. - chef-d'œuvre)
Картон (нем. - Karton)	Шлагбаум (нем. - Schlagbaum)
Картина (ит. - cartina)	Шпингалет (нем. - Spaniolett)
Каскад (фр. - cascade)	Штора (нем. - Store)
Кафель (нем. - Kachel, изразец)	Штрих (нем. - Strich)
Квартира (нем. - Quartier)	Эмаль (фр. - émail)
Контур (нем. - Kontur)	Эскиз (фр. - esquisse)
Копия (нем. - Kopie)	Эстамп (фр. - estampe)
Коридор (нем. - Korridor)	Этаж (фр. - étage)
	Этюд (фр. - étude)

Спорт

Гимнастика (нем. - Gymnastik)	Трамплин (итал. - trampolino)
Гол (англ. - goal)	Футбол (англ. - football)
Рекорд (нем. - Rekord)	Чемпион (англ. - champion)
Спорт (англ. - sport)	Штанга (нем. - Stange)
Теннис (англ. - tennis)	

Досуг

Бал (фр. - bal)	Рулетка (фр. - roulette)
Карнавал (фр. - carnavale)	Фейерверк (нем. - Feuerwerk)
Кафе (нем. - Kaffee)	Фильм (англ. - film)
Клоун (англ. - clown)	Цирк (нем. - Zirkus)
Комедиант (нем. - Komödiant)	Шарада (фр. - charade)
Ребус (нем. - Rebus)	Эстрада (нем. - Estrade)

Отвлеченные существительные

Авантаж (фр. - avantage)	Контраст (нем. - Kontrast)
Авантюра (фр. - aventure)	Кошмар (фр. - cauchemar)
Анкета (фр. - enquête, опрос)	Кретин (нем. - Kretin)
Аргумент (нем. - Argument)	Кураж (фр. - courage)
Арест (нем. - Arrest)	Ландшафт (нем. - Landschaft)
Баррикада (фр. - barricade)	Ликвидация (польск. - likwidacja)
Барьер (фр. - barrière)	Лозунг (нем. - Losung)
Бюллетень (фр. - bulletin)	Магазин (нем. - Magasin)
Вакса (нем. - Wachs, воск)	Манеж (фр. - manège)
Визит (фр. - visite)	Манекен (фр. - mannequin)
Галантерея (нем., фр. - Galanterie)	Мародер (фр. - marodeur, гра- битель)
Гарантия (нем., фр. - Garantie)	Минута (нем. - Minute)
Галиматья (фр. - galimatias)	Момент (нем. - Moment)
Гирлянда (нем. - Girlande)	Монстр (фр. - monstre)
Глобус (нем. - Globus)	Оригинал (нем. - Original)
Глянец (нем. - Glanz)	Партизан (нем. - Partisan)
Графин (нем. - Karaffine)	Партия (польск. - partja)
Группа (нем. - Gruppe)	Партнер (фр. - partenaire)
Дебош (фр. - débauche)	Паспорт (нем. - Passport)
Дебют (фр. - début)	Пассажир (нем. - Passagier)
Девиз (фр. - devise)	Пауза (нем. - Pause)
Дефект (нем. - Defekt)	Пионер (нем. - Pionier)
Дубликат (нем. - Duplikat)	Портмоне (фр. - portemonnaie)
Душ (фр. - douche)	Потасовка (фр. - tasser)
Дюна (нем. - Düne)	Презент (нем. - Präsent)
Жаргон (фр. - jargon)	Престиж (фр. - prestige)
Инициатива (нем., фр. - Initiative)	Претендент (нем. - Prätendent)

Интервал (нем. - Intervall)	Продукт (нем. - Produkt)
Интервью (англ. - interview)	Проект (нем. - Projekt)
Интерес (польск. - interes)	Резон (фр. - raison)
Интрига (польск. - intryga)	Резонанс (фр. - résonnance)
Информация (польск. - informacja)	- Реклама (нем. - Reklame)
Кадр (фр. - cadre)	Ресурс (фр. - ressource)
Карусель (фр. - carroussel)	Рутинa (фр. - routine)
Каприз (фр. - caprice)	Сезон (фр. - saison)
Каркас (фр. - carcasse, скелет)	Ураган (фр. - ouragan)
Карта (польск. - karta)	Футляр (нем. - Futteral)
Квартал (нем. - Quartal)	Шантаж (фр. - chantage, вымогательство)
Клейстер (нем. - Kleister)	Шарлатан (фр. - charlatan)
Клякса (нем. - Klecks)	Шевелюра (фр. - chevelure)
Колония (польск. - kolonia)	Этикетка (нем. - Etikett)
Комплимент (нем. - Kompliment)	Этикет (фр. - étiquette)
Комфорт (нем. - Komfort)	Эшафот (фр. - échafaud)
Контрабанда (фр. - contrebande)	

Средства передвижения, путешествия

Автобус (англ. - autobus)	Ландо (фр. - landau)
Багаж (фр. - bagage)	Рейс (нидерл. - reise)
Велосипед (фр. - vélocipède)	Трамвай (англ. - tramway)
Виза (фр. - visa, служебное удостоверение)	Транспорт (фр., голл., нем. - transport)
Вояж (фр. - voyage)	Фиакр (фр. - fiacre, наемный экипаж, извозчик)
Дилижанс (фр. - diligence)	Фургон (фр. - fourgon)
Кабриолет (нем. - Kabriolett)	Шарабан (фр. - char à bancs)
Купе (фр. - coupé)	

Приложение 4

***Межкультурное взаимодействие России и Европы
в XVIII – начале XX вв. Краткая библиография***

1. Агеева, О.Г. Новые явления в общественной жизни и быту Петербурга первой четверти XVIII в.: на примере царских свадеб // Русская культура в переходный период от средневековья к новому времени. – М., 1992.
2. Агеева, О.Г. Реформа штата царско-императорского двора в первой четверти XVIII века // Ментальность в эпохи потрясений и преобразований. – М., 2003.
3. Агеева, О.Г. Увеселения русского двора от Петра I до Екатерины Великой // Отечественная история. – 2006. – №5.
4. Аделунг, Ф., фон. Предложение об учреждении русского национального музея // Сын Отечества. – 1817. (37).
5. Айзенштат, М.П. Идеи Иеремии Бенгама в России // Россия и Европа: дипломатия и культура. Вып. 3. – М., 2004.
6. Акишин, М.О. Пленные шведы и дьявол // Родина. – 1994. – №2.
7. Александр Гумбольдт и исследования Урала. Материалы российско-германской конференции. 20-21 июня 2002 г. – Екатеринбург, 2002.
8. Александров, С. Возникновение зарубежной России. – М., 2003.
9. Алексеев, В.Н., Миклашевская, Е.П., Цепляева, М.С. Немецкая слобода на Язуе: История в лицах. – М., 2004.
10. Алексеев, М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) // Литературное наследство. – М., 1982. Т.91.
11. Алпатов, М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. – М.: Наука. 1973.
12. Ананьич, Б.В. Россия и международный капитал. 1897-1914. Очерки финансовых отношений. – Л., 1970.
13. Андреев, А.Ю. «Учености ради изгнанники»: опыт изучения русского студенчества в немецких университетах XVIII - первой половины XIX века // Россия и Германия. Вып. 3. – М., 2004.

14. Андреев, А.Ю. Русские студенты в немецких университетах. XVIII – первая половина XIX в. – М., 2005.
15. Андросов, С.О. Русские заказчики и итальянские художники в XVIII в. – СПб., 2003.
16. Анимисица, Е.Г. Греки в судьбе России. – Екатеринбург, 2003.
17. Анисимов, Е. На голландский манер // Родина. – №3. – 2003.
18. Анисимов, Е. Пётр Великий // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. – М., 1999.
19. Анисимов, Е.В. «Шведская модель» с «русской особостью» // Звезда. – 1995. – №1.
20. Анисимов, Е.В. Время петровских реформ. – Л., 1989.
21. Анисимов, Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. – СПб., 1997.
22. Анисимов, Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России в 1719-1728 гг. – Л., 1982.
23. Анисимов, Е.В. Россия без Петра. – СПб., 1994.
24. Анисимов, Е.В., Каменский, А.Б. Россия в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1994.
25. Архангельская, И. «Отход» за границу [Дореволюционная эмиграция из России в Германию] // Деловые люди. – 1993. – №10.
26. Астафьев, И.И. Русско-германские дипломатические отношения 1905-1911 гг. – М., 1972.
27. Баггер, Х. Реформы Петра Великого: обзор исследований. – М., 1985.
28. Балошина, Н.Ю. Протестантская и католическая традиции в Российском образовании. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. – М., 2000.
29. Бенуа, А. Архитектура Петербурга // Мир искусства. – 1902. – №4.
30. Бенуа, А. Живописный Петербург // Мир искусства. – 1902. – №1.
31. Берелович, В. А.Я. Поленов в Страсбурге (1762-1766): рождение интеллектуала // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII-XX вв.). – М., 2002.

32. Биржакова, Е.Э., Воинова, Л.А., Кутина, Л.Л. Очерки по истории лексикологии русского языка XVIII в.: языковые контакты и заимствования. – Л., 1972.
33. Блехер, Л.И., Любарский, Г.Ю. Главный русский спор: от западников и славянофилов до глобализма и Нового Средневековья. – М., 2003.
34. Бобылев, В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. – М., 1990.
35. Бовыкин, В.И. Французское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997.
36. Бовыкин, В.И., Петерс, В. Бельгийское предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997.
37. Богословский, М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1721 гг. – М., 1902.
38. Бойко, Ю. Локоны от парук-макара. Французские причёски в России XVIII века // Родина. – 2004. – №3.
39. Большой словарь иностранных слов в русском языке. – М., 1998.
40. Борисов, В. П. Российская научная эмиграция первой волны // Российские ученые и инженеры в эмиграции. – М., 1993.
41. Боханов, А.Н. Царская династия и английский королевский дом // Россия и мировая цивилизация. – М., 2000.
42. Брук, С.И., Кабузан, В.М. Русские в мире. – М., 1991. Вып. 2.
43. В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. Хрестоматия по истории российской общественной мысли XIX и XX веков. Ч.1, 2. – М., 1994.
44. Век Просвещения. – М., 2006. Вып.1.
45. Великая французская революция и русская литература. – Л., 1990.
46. Вернадский, Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. – СПб., 1999.
47. Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской

- Санкт-Петербургской Академии наук. 1725-1917. – СПб., 2002.
48. Возгрин, В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. – Л., 1986.
 49. Восприятие русской литературы за рубежом. XX век. – Л., 1990.
 50. Врангель, Н. Иностранцы в России // Старые годы. – 1911. – Июль-сентябрь.
 51. Герье, В. (изд.) Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России. – СПб., 1873.
 52. Герье, В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизвестным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. – СПб., 1871.
 53. Гительман, Л.И. Французский театр в Санкт-Петербурге XVIII-XIX веков // Вестник истории, литературы, искусства. Альманах. Т.1. – М., 2005.
 54. Годжи, Д. Колонизация и цивилизация: русская модель по Дидро // Европейское Просвещение и развитие цивилизации в России: Материалы международного научного colloquium (Саратов. 2-6 сентября 2001 г.). – Саратов, 2001.
 55. Горяев, Н. Этимологический словарь русского языка. – изд. 2. – Тифлис, 1896.
 56. Гофман, А. Восприятие социологии Э.Дюркгейма в России рубежа XIX-XX вв. // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII -XX вв.). – М., 2002.
 57. Грабарь И. Архитекторы-иностранцы при Петре Великом // Старые годы. – 1911. – июль-сентябрь.
 58. Грасгофф, Х. Из истории связей Берлинского общества наук с Россией в 20-х гг. XVIII в. // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. – М.-Л., 1966.
 59. Губина, М.В. Франция в восприятии русских военных: эволюция стереотипов (1814-1818 гг.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. – М., 2000.
 60. Губкина, Н.В. Немецкий музыкальный театр в Петербурге в первой трети XIX в. – СПб., 2003.

61. Гузевич, Д., Гузевич, И. Великое посольство. – СПб.: Феникс, 2003.
62. Гурушина, Н.Н., Поткина, И.В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997.
63. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1995.
64. Дашкевич, Н.П. Смены вековых традиций в отношениях народов Запада к русским // Сборник статей, посвященных... В.И. Ламанскому. – СПб., 1908. Ч.2.
65. Де Мадариага, И. Россия в эпоху Екатерины Великой. – М., 2002.
66. Демкин, А. В. Западноевропейское купечество в России в XVIII веке. – М., 1994.
67. Дмитриев, М.В., Пушкарёва, Н.Л. Русские и немцы: представления друг о друге // Вопросы истории. – 1991. – №6.
68. Доброва, Е.А. К вопросу об образовательной реформе в России в середине XIX века // Россия и Европа: дипломатия и культура. Вып. 3. – М., 2004.
69. Домнина, И. Родина сносных императриц. Свадебные хлопоты царской фамилии // Родина. – 2002. – №3
70. Дудков, Е. Славные садовые гульбища // Родина. – 2003. – №3.
71. Дурновцев, В.И. Россия и Европа. – М., 1985.
72. Дьюкс, П. Львы и двуглавый орел // Родина. – 2003. – №5-6.
73. Дьяконова, И. А. Прямые германские инвестиции в экономику имперской России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997.
74. Дякин, В.С. Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. – Л., 1971.
75. Евдокимова, М.А. Кому принадлежала «Геттингенская душа» Ленского? Или «Геттингенский элемент» в российском обществе первой половины XIX в. // Ежегодник историко-антропологических исследований. – М., 2003.
76. Ерофеев, Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. – М., 1982.

77. Ефремова, И. «Всё было как в волшебном замке» // Родина. – 2006. – № 9.
78. Ефремова И. Стиль Адама // Родина. – 2003. – № 5-6.
79. Жбанкова, Е.В. Приобщение России к европейской культуре бального танца // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.2. – М., 2002.
80. Живов, В.М. Язык и культура в России XVIII века. – М., 1996.
81. Журнал «Родина». 2002. №10. Специальный выпуск. Россия и Германия. XX век.
82. Журнал «Родина». 2002. №8. Специальный выпуск. Россия и Наполеон.
83. Журнал путешествия Н.А.Демидова (1771-1773) / Составители: Мосин А.Г., Пирогова Е.П. – Екатеринбург, 2005.
84. Журнал Родина. 2003. № 5-6. Специальный выпуск. Россия и Великобритания: 450 лет.
85. Завьялова, Л.В. Петербургский Английский клуб, 1770-1918: Очерки истории. – СПб., 2005.
86. Зарубежные экономические и культурные связи Сибири (XVIII -XX вв.): Сб. научных трудов / РАН. Сиб. отд-ние. Ин-т истории; Отв. ред.: Л.М. Горюшкин. – Новосибирск, 1995.
87. Захаров, В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. – М., 1996.
88. Захаров, В.Н. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. – М., 2005.
89. Зейферт, В. Посланцы туманного Альбиона на Урале и в Екатеринбурге // Уральская старина. Вып. 4. – Екатеринбург, 2000.
90. Зиннер, Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. – Иркутск, 1968.
91. Зырянов, А.В. Великобритания: взгляд из России. – Екатеринбург, 2005.
92. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. – М., 1997.
93. Ионцев, В.А., Лебедева, Н.М., Назаров, М.В., Огороков, А.В. Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001.

94. История внешней политики России. Т. 1-5. – М., 1999.
95. История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX - XX веках. – М.: Институт рос. истории РАН, 1996.
96. Кабузан, В. Движение населения в Российской империи // Отечественные записки. – 2004. – №4.
97. Кабузан, В.М. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1917-1989). Формирование этнических границ русского народа. – СПб., 1997.
98. Кабузан, В.М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. – М., 1998.
99. Каменский, А. Российская империя в XVIII в.: традиции и модернизация. – М.: Новое литературное обозрение, 1999.
100. Каменский, А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. – М., 1999.
101. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. – М., 1996.
102. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М., 1991.
103. Кара-Мурза, А.А., Поляков, Л.В. Реформатор. Русские о Петре I. Опыт аналитической антологии. – Иваново, 1994.
104. Керов, В.Л. Казак-канцелярист Иван Рюмин о Франции и французах (1771 г.) // Ежегодник историко - антропологических исследований. – М., 2003.
105. Кирсанова, Р. Зима в городе // Родина. – 2004. – №1.
106. Кирсанова, Р. Мечта вышивальщицы // Родина. – 2005. – №7.
107. Кирсанова, Р. Пошлина на штаны // Родина. – 1997. – №1.
108. Кирсанова, Р. Правила столового этикета // Родина. – 2000. – № 4.
109. Кирсанова, Р.М. Русский костюм и быт XVIII-XIX веков. – М., 2002.
110. Ключевский, В.О. Сочинения в восьми томах. Т.4. Т.5. – М., 1958.
111. Коваленская, Н. Русский классицизм. Живопись, скульптура, графика. – М., 1964.

112. Ковригина, В.А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII - первой четверти XVIII вв. – М.: «Археографический центр», 1998.
113. Козлов, С.А. Проблема немецкого «ratio» и русского «авось» на страницах отечественной печати дореформенной эпохи // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. – М., 2000.
114. Копелевич, Ю.Х. Возникновение научных академий (середина XVII – середина XVIII в.). – Л., 1974.
115. Красильщиков, В., Зиборов, Г., Рябов, А. Модернизация России (мировой опыт и наши перспективы) // Кентавр. – 1992. – №5-6.
116. Красильщиков, В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX в. с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998.
117. Кросс, Э. Величайшие дары // Родина. – 2003. – № 5-6.
118. Кросс, Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. – М., 1997.
119. Кросс, Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. – СПб., 2005.
120. Круглый стол «Россия и Запад» // Вопросы философии. – 1992. – №6.
121. Крупнов, Ю.В. Россия между Западом и Востоком. – СПб., 2004.
122. Кудрякова, Е.Б. Российское зарубежье [Обзор отечественных публикаций] // РЖ. – Серия 5. История. – 1996. – № 1.
123. Культура российского зарубежья. – М., 1995.
124. Курукин, И. В. Бирон. – М., 2006.
125. Кюстин де, А. Россия в 1839 году. Т.1., Т.2. – М., 2000.
126. Лидин, М., Полина, Т. Самые знаменитые иностранцы в России. – М., 2000.
127. Лиштенан, Ф.-Д. Якоб фон Штелин, академик и царедворец // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII-XX вв.). – М., 2002.
128. Лотман, Ю.М., Успенский, Б.А. Отзвуки концепции «Москва – Третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. – М., 1982.
129. Люкс, Л. Россия между Западом и Востоком. – М., 1993.

130. Ляпишев, Г. Всех флагманов – в Лефортово // Родина. – 2003. – № 5-6.
131. Малинин, В.А. Русь и Запад. – Калуга, 2000.
132. Марисина, И.М. Россия – Франция. Век восемнадцатый. – М., 1995.
133. Маркина, Л.А. Портретист Г.Х. Гроот и немецкие живописцы в России середины XVIII в. – М., 1999.
134. Масарик, Т.Г. Россия и Европа: Эссе о духовных течениях в России. Кн. 3. Ч.2-3. – СПб., 2003.
135. Машкин, М.Н. Основные тенденции взаимоотношений России и Германии с XVIII века до первой мировой войны // Россия и Германия. Вып.3. – М., 2004.
136. Медведкова, О. «Ученые» или «интеллектуалы»? Луи Рео и создание Французского института в Санкт-Петербурге // Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVII-XX вв.). – М., 2002.
137. Медушевский, А.Н. Административные реформы в России XVIII - XIX вв. в сравнительно-исторической перспективе. Научно-аналитический обзор. – М., 1990.
138. Медушевский, А.Н. Конституционные проекты в России и их западные источники // Мир России. – №1. – 1996.
139. Медушевский, А.Н. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе // Вестник высшей школы. – 1990. – №2.
140. Медушевский, А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. – М., 1994.
141. Международные связи России в XVII - XVIII вв. (Экономика, политика и культура). – М., 1966.
142. Мезин, С.А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII в. о Петре I. – Саратов, 2003.
143. Меленберг, А.А. Немцы в российской армии накануне Первой мировой войны // Вопросы истории. – 1998. – №10.
144. Мельянцева, В.А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // ОНС. – 2003. – № 5.
145. Миллюков, П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – СПб., 1892.

146. Милюков, П.Н. Очерки по истории русской культуры. – М., 1994. Т.2.
147. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.2. – СПб., 1999.
148. Модерн. Модернизм. Модернизация: По материалам конф. «Эпоха модерн»: «Нормы и казусы в европейской культуре на рубеже XIX-XX вв. Россия, Австрия, Германия, Швейцария. – М., 2004.
149. Модернизация в России и конфликт ценностей. – М., 1994.
150. Молчанов, Н.Н. Дипломатия Петра Первого. – М., 1986.
151. Монополии и иностранный капитал в России. – М.; Л., 1962.
152. Намазова, А.С., Санкт-Петербург – Брюссель: к 150-летию установления дипломатических отношений // Россия и Европа: дипломатия и культура. Вып. 3. – М., 2004.
153. Нарочницкая, Н.А. Россия и русские в мировой истории. – М., 2003.
154. Немцы в России: люди и судьбы. – СПб., 1998.
155. Немцы в России: Петербургские немцы. – СПб., 1999.
156. Немцы в России: проблемы культурного взаимодействия. – СПб., 1998.
157. Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. – СПб., 2000.
158. Немцы в России: три века научного сотрудничества. – СПб., 2003.
159. Немцы и развитие образования в России. – СПб., 1998.
160. Немцы на Урале и в Сибири (XVI-XX вв.). Материалы научной конференции «Германия-Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI-XX вв.». – Екатеринбург, 2001.
161. Немцы России на рубеже веков: история, современное состояние, перспективы. Материалы международной научно-практической конференции. – Оренбург. 2000.
162. Немцы России. Энциклопедия. Т.1. – М., 1999; Т.2. – М., 2004.

163. Нестеренко, А.А. и др. Русская литература в контексте мировой. – Мн., 1998.
164. Никифоров, Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. – М., 1950.
165. Оболенская, С.В. Германия и немцы глазами русских (XIX в.). – М., 2000.
166. Оболенская, С.В. Образ немца в русской народной культуре XVIII -XX вв. // Одиссей. Человек в истории. – 1991.
167. Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока. – СПб., 1998.
168. Орлов, А.А. Союз Петербурга и Лондона: Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. – М.: Прогресс-Традиция, 2005.
169. Остроух, И.Г., Шервуд, Е.А. Немцы в России // Этнографическое обозрение. – 1993. – №3.
170. Осьмаков, М.Н. «Образы заграницы» в контексте мира вещей. (По материалам провинциальной прессы конца XIX – начала XX века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002.
171. Отношения между Россией и Францией в европейском контексте (в XVIII -XX вв.). – М., 2002.
172. Очерки русской культуры XIX века. Т.3. Культурный потенциал общества. – М., 2001.
173. Очерки русской культуры XVIII в. – М., 1985.
174. Павленко, Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. – М., 2002.
175. Панченко, А.А. Спиритизм и русская литература: из истории социальной терапии // Труды Отделения историко-филологических наук РАН / Отв. ред. А.П. Деревянко. – М., 2005.
176. Песков, А.М. Германский комплекс славянофилов: о философском наследии // Вопросы философии. – 1992. – №8.
177. Пётр Великий: Pro et Contra: личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. – СПб, 2003.

178. Петров, Ю.А. Немецкие предприниматели в дореволюционной Москве: торговый дом «Воган и К^о» // Экономический ежегодник. 2000. – М., 2001.
179. Петров, Ю.А. Немецкие профессора в Московском университете. – М., 1995.
180. Петров, Ю.А. Российская экономика в начале XX в. // Россия в начале XX века. – М., 2002.
181. Петрухинцев, Н. «Дипломатия английского сукна» // Родина. – 2003. – №5-6.
182. Подчуфаров, Е. Сладкая жизнь // Родина. – 2003. – №3.
183. Полякова, О.Б. Взаимовлияние культур России и Франции во второй половине XIX – начале XX века // Россия и Франция XVIII -XX века. Вып. 4. – М., 2001.
184. Похлёбкин, В.И. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Справочник. – М., 1992.
185. Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка. Вып. 1-14. – М., 1910-1918.
186. Проблемы изучения истории российского зарубежья: Сб. ст. – М.: Институт рос. истории РАН, 1993.
187. Пыпин, А. Массонство в России: XVIII и первая часть XIX в. – М., 1997.
188. Рабинович, М.Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. – М., 1973.
189. Радовский, М.И. Из истории англо-русских научных связей. – М.-Л., 1961.
190. Раев, М.И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. – М.: Прогресс-Академия, 1994.
191. Рейтман, М. Знаменитые эмигранты из России. Очерки о россиянах, добившихся успеха в США. – Ростов н/Д., 1999.
192. Романовский, С.И. «Притащенная» наука. – СПб.: Изд-во СПб. универ-та, 2004.
193. Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии. – 1993. – №7.
194. Российские историки на международных конгрессах исторических наук (1900-2000 гг.). Исторический обзор. – М., 2005.

195. Российские консерваторы. XIX – начало XX в. – М., 1997.
196. Российские реформаторы. XIX – начало XX в. – М., 1995.
197. Российские самодержцы. 1801-1917: Сб. статей. – М., 1993.
198. Россия XVIII в. глазами иностранцев. – Л., 1989.
199. Россия в XIX - XX вв. Взгляд зарубежных историков. – М., 1996.
200. Россия в контексте мировой истории. Сборник статей. – СПб., 2002.
201. Россия в начале XX в. – М., 2002.
202. Россия и Бельгия. Страницы истории: к 150-летию дипломатических отношений. – М., 2003.
203. Россия и внешний мир: диалог культур. – М., 1997.
204. Россия и Германия. Контакты и взаимовлияния. XVIII - XX века. – М., 1994.
205. Россия и Европа в XIX-XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. – М., 1996.
206. Россия и Европа. Опыт соборного анализа. – М., 1992.
207. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX в. – М., 1998.
208. Россия и Запад: горизонты взаимопонимания: Литературные источники XVIII в.: 1726-1762. / Отв. ред. В.М. Гуминский. Вып. 2. – М.: Ин-т мировой литературы РАН, 2003.
209. Россия и Запад: диалог культур. – М., 1994.
210. Россия и Западная Европа: взаимодействие индустриальных культур. 1700-1950.: Материалы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 1996. Т.1. Т.2. 1997.
211. Россия и мир: проблемы взаимовосприятия в XVI-XX веках. Заседание «круглого стола» // Отечественная история. – 2001. – №6.
212. Россия и мировой бизнес: дела и судьбы: Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель. – М.: РОСПЭН, 1996.
213. Россия и Франция XVIII - XX вв. вып.1, 1995. Вып. 2. М., 1998. Вып. 4. – М., 2001.
214. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. – Л., 1991.

215. Россия, Запад и Восток: История взаимоотношений: Материалы 29-й Всероссийской заочной научной конференции 1998 г. – СПб., 2003.
216. Русская культура XVIII века и западноевропейские культуры. – Л., 1980.
217. Русская эмиграция во Франции (1850-е - 1950-е гг.). Сб. науч. ст. – СПб.: Третья Россия, 1995.
218. Русские императоры, немецкие принцессы. Династические связи, человеческие судьбы. – М., 2002.
219. Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.
220. Самошина, Н.В. Проблема «Россия и Европа» в русской общественной мысли второй четверти XIX века. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. – М., 2002.
221. Самые знаменитые эмигранты России. – М., 2001.
222. Сапоговская, Л. В. Иностраннные капиталы в горнозаводской промышленности Урала на рубеже XIX-XX вв. (типичные "модели поведения" - роль в индустриальной эволюции) // Вопросы истории экономических и политических отношений России (XVIII в. – начало XX в.). Сборник работ авторов, получивших гранты Московского отделения Российского научного фонда и Фонда Форда. – М., 1996.
223. Сарабьянов, Д.В. Россия и Запад: историко - художественные связи XVIII - начало XX в. – М., 2003.
224. Севрюкова, А.О. Бельгийские музыканты в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Россия и Европа: дипломатия и культура. – М., 2004. Вып. 3.
225. Семенникова, Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 1994.
226. Сергеев, Е. Представленческие модели военных элит // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
227. Сергеев, Е.Ю. Иная земля, иное небо... Запад и военная элита России, 1900-1914 гг. – М., 2001.
228. Скотт, С. Романовы. Биография династии. – М., 2002.

229. Слепнев, И.Н. Фермерство в общественной мысли и сельскохозяйственной практике России (XIX - начало XX в.) // Собственность в XX столетии. – М., 2001.
230. Смагина, Г.И. Академия наук и российская школа: вторая половина XVIII в. – СПб., 1996.
231. Смирнов, Н. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. – СПб., 1910. СПб. ОРЯС. Т.88. №2.
232. Соболева, Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII - XIX вв. – М., 1981.
233. Соболева, Н.А. Российская государственная символика. История и современность. – М., 2002.
234. Соболевский, А.И. Заимствованные слова в русском языке. (Литографированный курс лекций). – СПб., 1901.
235. Соболевский, А.И. Лекции по истории русского языка. – изд. 4. – М., 1907.
236. Соколов, А.Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI - XVIII вв. – Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1992.
237. Солнцева, С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март-октябрь) // Вопросы истории. – 2002. – №1.
238. Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX - XX в.): Сб. ст. / Под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле. – М.: Ин-т рос. истории РАН, 1998.
239. Сперанский, М.М. Проекты и записки. – М.; Л., 1961.
240. Спивак, Д.Л. Метафизика Петербурга: Немецкий дух. – СПб., 2003.
241. Старченко, Н.Н. Славянофилы и классическая немецкая философия // Философские науки. – 1989. – №4.
242. Степанов, А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. – 2006. – №1.
243. Степанов, В.Л. Н.Х. Бунге. Судьба реформатора. – М., 1998.
244. Субботин, Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры-соперники. – М., 1996.
245. Суровцева, Н.Г. Экспорт уральского металла в середине XIX века. – Екатеринбург, 2001.
246. Третькова, С.Н. Английский писатель-путешественник Стефан Грэхем о России начала XX века. // Вопросы истории. – №11. – 2002.

247. Уткин, А.И. Вызов Запада и ответ России. – М., 2003.
248. Уткин, А.И. Россия и Запад: история цивилизаций. – М., 2000.
249. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В четырех томах. – СПб., 1996.
250. Федосова, Э. П. Из истории российской государственности. (Шведский опыт) // Россия и мировая цивилизация. – М., 2000.
251. Федотова, В.Г. Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. – 2002. – №12.
252. Фелькерзам, А. Иностранцы мастера золотого и серебряного дела // Старые годы. – 1911. – Июль-сентябрь.
253. Фомин, В.В. Ломоносов и Миллер: уроки полемики // Вопросы истории. – 2005. – № 8.
254. Хейфец, Б.А. Кредитная история России: от Екатерины II до Путина. – М., 2001.
255. Хорос, В.Г. Русская история в сравнительном освещении. Пособие для учащихся старших классов с углубленным изучением истории, гимназий, лицеев. – М., 1994.
256. Цветков, В. Мундир английский, погон российский // Родина. – 2003. – №5-6.
257. Черкасов, П.П. Двуглавый орел и Королевские лилии: Становление русско-французских отношений в XVIII веке, 1700-1775. – М., 1995.
258. Черкасов, П.П. Русско-французский торговый договор 1787 года // Россия и Франция. XVIII -XX века. Вып.4. – М., 2001.
259. Черных, П.Я. Очерки русской исторической лексикологии. – М., 1956.
260. Чеснокова, А.Н. Иностранцы и их потомки в Петербурге. Немцы. Французы. Британцы. 1703-1917. Историко - краеведческие очерки. – СПб., 2003.
261. Чугров, С.В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. – 1993. – №2.

262. Чугров, С.В. Россия и Запад: метаморфозы взаимовосприятия. – М., 1993.
263. Чудиновских, Е.Н. Военнопленные Первой мировой в российской провинции // Отечественные архивы. – 2000. – № 2.
264. Шайдуров, В.Н. Формирование и социально-экономическое развитие немецкой диаспоры на Алтае: конец XIX – начало XX вв. – Барнаул, 2003.
265. Шанская, Т.А. Французская литература и российская цензура в первой четверти XIX века // Россия и Франция XVIII - XX века. – М., 2001.
266. Шаповалов, В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность. – 2000. – №1.
267. Шаскольский, И.П. Основные направления и пути торговых сношений России с Западной Европой в XVI - XVIII вв. – М.: Наука. 1970.
268. Шацилло, М. На деньги немецких кухарок. Иностранный капитал в царской России // Родина. – 2004. – № 4.
269. Шепелёв, Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. – М., 2005.
270. Шилов, С.П. Немецкие фирмы на судостроительном рынке России перед Первой мировой войной // Вопросы истории. – 2001. – №3.
271. Шишов, А.В. Знаменитые иностранцы на службе России. – М., 2001.
272. Шлегель, К. Немецкий образ России в первой трети XX-го столетия: попытка реконструкции // Вопросы философии. – 1994. – №5.
273. Шуйский, В.К. Огюст Монферран: История жизни и творчества. – М.; СПб.: Центрполиграф; Мим-Дельта, 2005.
274. Язык как средство трансляции культуры. – М., 2000.
275. Янгфельдт, Б. Шведские пути в Санкт-Петербург: главы из истории шведов на берегах Невы. – Стокгольм; СПб., 2003.
276. «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646-1945. – М., 2001.
277. Amburger, E. Die Russischen Studenten an deutschen Universitäten bis zum Ende des 18 Jahrhunderts // Beitrage zur

- Geschichte der deutschen-russischen Kulturellen Beziehungen. Gissen, Wilhelm Schmitz Verlag, 1961.
278. Bartlett, R.P. Human Capital. The Settlement of Foreigners in Russia. 1762-1804. – Cambridge, 1979.
279. Bova, R., Russia and Western Civilization: Cultural and Historical Encounters. – N.-Y., 2003.
280. Bühler, R., Heidi, G.-W. Goehrke, G., Rauber, U., Tschudin, G., Voegli, J. Schweizer im Zarenreich. Zur Geschichte der Auswanderung nach Russland. – Zurich, 1985.
281. Cariani, G. Une France Russophile? Découverte, réception, impact, la diffusion de la culture russe en France de 1881 à 1914. Thèse soutenue à l'université de Strasbourg, 1998.
282. Cracraft, J. The Petrine Revolution in Russian Culture. – Cambridge, 2004.
283. D'Encausse, H. Russia and Europe in a Historical Context // Is Russia a European Power? The Position of Russia in a New Europe. – Leuven University Press, 1998.
284. Dixon, S. The Modernization of Russia. 1676-1825. – Cambridge, 1999.
285. Dussieux, L. Les artistes français à l'étranger. 3e ed. – Paris; Lyon, 1876
286. Falkus, M. The Industrialization of Russia, 1700-1914. – London, 1972.
287. Grimsted, P. The Foreign Ministers of Alexander I, Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801-1825. – Berkeley, 1969.
288. Hans, N. Russian Students at Leyden in the 18th Century // Slavonic and East European Review. – 1957. – #3.
289. Haumant, E. La culture française en Russie (1700-1900). – Paris, 1910.
290. Hosking, G. Russia and the Russians. A History. – Bath, 2001.
291. Hughes, L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven. – London, 1998.
292. Kahan, A. The Costs of "Westernization" in Russia: The Gentry and the Economy in the Eighteenth Century // Slavic Review. – Vol XXV. – No.1. – 1966.

293. Kraatz, A. La Compagnie française de Russie, histoire du commerce franco-russe aux 17 et 18 siècles. – Paris, 1993.
294. L'influence française en Russie au XVIIIe siècle. Ed. J.-P. Poussou, A. Mézin, Y. Perret-Gentil. – Paris, 2004.
295. La France et la Russie au Siècle des Lumières. Relations culturelles et artistiques de la France et de la Russie au XVIII siècle. – Paris, 1986.
296. Laue, Th. H von. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. – N.Y., London, 1963.
297. Ledonne, J.R. Absolutism and Ruling Class: the Formation of the Russian Political Order, 1700-1825. – Oxford, 1991.
298. Leroy-Beaulieu, A. L'Empire des Tsars et les Russes. – Paris, 1990.
299. Les Russes à Paris au XIX siècle. 1814-1896. – Paris, 1996.
300. Les Stroganoff. Une dynastie de mécènes. – Paris, 2002.
301. Lo Gatto, E. Le mythe de Saint-Pétersbourg. – Dijon-Quetigny, 2003.
302. Martin, M. Maria Féodorovna en son temps. (1759-1828). Contributions à l'histoire de la Russie et de l'Europe. – Paris, 2003.
303. McKay, J. Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization. 1885-1913. – London, 1970.
304. Montagnes Russes: La Russie vue par les Belges. – Bruxelles, 1989.
305. Neilson, K. Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia. 1894-1917. – Oxford, 1995.
306. Okenfuss, M. Russian Students in Europe in the age of Peter the Great // The Eighteenth century in Russia / Ed. by J.G. Garrand. – Oxford, 1973.
307. Okenfuss, M. The Jesuit Origin of Petrine Education // The Eighteenth Century in Russia / Ed. by J.G. Garrand. – Oxford, 1973.
308. Oliva, J. Russia and the West from Peter to Khrushchev, Studies in History and Politics. – Boston, 1970.
309. Paris-Saint-Pétersbourg. 1800-1830. Quand la Russie parlait français. – Paris, 2003.

310. Peterson, C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms: Swedish Antecedents and the Process of Reception. – Stockholm, 1979.
311. Pingaud, L. Les Francais en Russie et les Russes en France. – Paris, 1886.
312. Pollard, S. Typology of Industrialization Processes in the 19th century. – New York, 1990.
313. Raeff, M. Origins of the Russian Intelligentsia, the Eighteenth Century Nobility. – N.-Y., 1966.
314. Raeff, M., ed. Peter the Great Changes Russia. 2nd ed. – Lexington, Mass.; Toronto; L., 1972.
315. Reau, L. L'art francais en Russie // La Grande revue. – 10 novembre. – 1909.
316. Rey, M.-P. Le dilemme Russe. La Russie et l'Europe occidentale d'Ivan le Terrible à Boris Eltsine. – Paris, 2002.
317. Rieber, A. Politics and Technology in Eighteenth-Century Russia // Science in Context. – 1995. – Vol.8. – #2.
318. Rogers, E.M. Diffusion of Innovations. – N.Y., 1962.
319. Ryan, W.F. Navigation and the Modernization of Petrine Russia: Teachers, Textbooks, Terminology // Russia in the Age of the Enlightenment. Ed. by R.Bartlett and J.Hartley. – London, 1990.
320. Scotland and the Slavs: Cultures in Contact (1300-2000). Ed. M. Cornwall, M.Frame. Newtonville. MA; St.Petersburg, 2001, 314 p.
321. Shanin, T. Russia as a "Developing Society". The Roots of Otherness: Russia's Turn of Century. Vol.I. – London, 1985.
322. Un Tsar à Compiègne. Nicolas II, 1901. – Paris, 2001.
323. Veuclin, E.V. L'amitie franco-russe, ses origins. La genie francais et la Russie sous Pierre le Grand, Catherine I et Elezabeth. Documents inedits. – Brionne, 1896.
324. Voss, J. Les etudiants de l'Empire russe a l'universite de Strasbourg au 18e siecle // Deutsch-Russische Beziehungen in 18 Jahrhundert, Kultur, Wissenschaft und Diplomatie. Sous la dir. de K. Grau, S.Karp et J.Voss. – Wiesbaden, Harrassowitz, 1997.
325. Wortman, R. The Russian Imperial Family as Symbol // Imperial Russia: New Histories for the Empire / Ed. by Burbank J., Ransel D. – Bloomington, 1998.

**ЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА
В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ: ПРОНИКНОВЕНИЕ,
РАСПРОСТРАНЕНИЕ, СИНТЕЗ**
Монография

Автор:
АЛЕКСЕЕВА Елена Вениаминовна

Корректор: Борисова О.Б.

Дизайн обложки и компьютерная верстка: Сенько Н.В.

В оформлении обложки использованы изображения тарелки Олимпийского сервиза, выполненного по заказу Наполеона I на Севрской мануфактуре во Франции в 1804-1807 гг. и подаренного им Александру I по случаю заключения Тильзитского мира в 1807 г. (вверху справа) и тарелки из Гурьевского сервиза, изготовленного на императорском фарфоровом заводе в Санкт-Петербурге в 1809-1816 гг. (внизу слева).

Методическая литература Уральского гуманитарного института

Подписано в печать 20.11.2006 г. Уч.-печ. л. 15,2 п.л.
Формат 60x84\16. Тираж 300 экз. Зак № 1065

Издательство УрГИ 620078, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 63, к. 111.
Т.: 375-30-48

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО «Полиграфист»
620151, Екатеринбург, ул. Тургенева, 22